

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Экономика. Управление. Право

2023

Том 23

Выпуск 2

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW

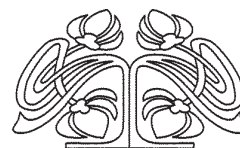
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2023 Том 23

ISSN 1994-2540 (Print)

ISSN 2542-1956 (Online)

Издается с 2007 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Экономика

Индустриев М. А. Теория экономического развития: эволюция подходов и современная парадигма 126

Горячева Т. В., Мызрова О. А. Роль и место технологического суверенитета в обеспечении устойчивости экономики России 134

Красильников О. Ю. Роль искусственного интеллекта в развитии экосистем в российской экономике 146

Найденова Н. В. Эволюция и тенденции развития мировой валютно-финансовой системы 153

Управление

Ткаченко И. Н., Чеснюкова Л. К. Цифровые технологии в сфере здравоохранения как способ обеспечения качества человеческого капитала 163

Степанов И. А. Развитие бизнес-планирования сбыта российских драгоценных металлов в условиях макроэкономической и геополитической нестабильности 174

Тугушева Р. Р., Огурцова Е. В., Фирсова А. А. Анализ динамики развития рынков интеллектуальных товаров и услуг в российских регионах 180

Право

Комкова Г. Н. Стратегические национальные приоритеты России в поправках к Конституции РФ 2020 года 186

Галкин Н. А., Пряхина Т. М. Ребёнок и Конституция России: разговоры о важном 193

Рыженков А. Я. О правовом режиме Каспийского моря и направлениях совершенствования российского экологического законодательства 200

Аверьянова Н. Н. Государственная поддержка сельского хозяйства в эпоху П. А. Столыпина и современные реалии 208

Василевич С. Г. Некоторые аспекты повышения эффективности государственного управления в непредвиденных ситуациях 214

Стрыгина С. В. Право и социозкосистема малочисленных народов Севера Российской Федерации: теоретико-правовой анализ соотношения социальных явлений 219

Басова А. В. Векторы развития конституционной защиты прав человека в связи с прогрессом геномики 227

Кондращенко Д. А. Проблемы и перспективы развития правового статуса наблюдателей на выборах в Российской Федерации 235

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “Экономика. Управление. Право”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76645 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1, специальности: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4; 5.2.1; 5.2.3; 5.2.4; 5.2.5; 5.2.6)

Подписной индекс издания 36012. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (eup.sgu.ru)

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Агафонов Андрей Петрович

Верстка
Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Дударева Светлана Сергеевна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.05.2023.
Подписано в свет 31.05.2023.
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 13,95 (15,0).
Тираж 100 экз. Заказ 57-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском и английском языках общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований экономической и юридической науки в области экономической теории, экономики, организации, управления, государства и права.

Для рассмотрения статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы: 1) текст статьи в электронном виде, включая УДК, сведения об авторах на русском и английском языках, ORCID автора, название, ключевые слова и структурированную аннотацию на русском и английском языках, список литературы, references в одном документе; 2) справку о результатах самопроверки статьи на наличие неправомерных заимствований; 3) договор на издание и предоставление права использования произведения. Статья направляется на рецензирование только после получения подписанного автором договора (лично в деканате экономического факультета или почтовым отправлением). Более подробная информация о правилах оформления статей и образцы оформления различных источников приведены вместе со стилевым файлом по адресу: <https://eup.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченной научной работой, содержащей важные научные результаты самостоятельных исследований теоретического или эмпирического уровня. Статья должна быть структурирована с использованием подзаголовков: например, Введение, Теоретический анализ, Эмпирический анализ, Результаты, Список литературы, оформлена в соответствии с требованиями и тщательно отредактирована.

Статья подвергается анонимному рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель. Статья, задержанная на больший срок или требующая повторной доработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить допечатную правку текста статьи, не изменяющую ее основного смысла, без согласования с автором. Статьи публикуются в порядке очередности.

Адрес редколлегии серии: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Саратовский университет, экономический факультет/юридический факультет.

Ответственный секретарь разделов «Экономика», «Управление» – e-mail: sgu-eup@ Rambler.ru, тел.: (8452) 22-51-38; ответственный секретарь раздела «Право» – e-mail: kulikovasveta@inbox.ru, тел.: (8452) 22-51-17.

Сайт журнала: <https://eup.sgu.ru>

CONTENTS

Scientific Part

Economics

Industriev M. A. The theory of economic development: Evolution of approaches and modern paradigm 126

Goryacheva T. V., Myzrova O. A. The role and place of technological sovereignty in ensuring the Russian economy sustainability 134

Krasilnikov O. Yu. The role of artificial intelligence in the development of ecosystems in the Russian economy 146

Naidenova N. V. Evolution and development trends of the world monetary and financial system 153

Management

Tkachenko I. N., Chesnyukova L. K. Digital technologies in the sphere of health care as a way to ensure the quality of human capital 163

Stepanov I. A. Development of Russian precious metals sales planning under the conditions of macroeconomic and geopolitical instability 174

Tugusheva R. R., Ogurtsova E. V., Firsova A. A. Analysis of the markets for intellectual goods and services dynamics development in Russian regions 180

Law

Komkova G. N. Strategic national priorities of Russia in the 2020 amendments to the Russian Constitution 186

Galkin N. A., Pryakhina T. M. The child and the Constitution of Russia: Conversations about important issues 193

Ryzhenkov A. Ja. The legal regime of the Caspian Sea and directions for improving Russian environmental legislation 200

Averyanova N. N. State support for agriculture in the era of P. A. Stolypin and modern reality 208

Vasilevich S. G. Some aspects of improving the effectiveness of public administration in contingencies 214

Strygina S. V. Law and socioecosystem of small-numbered peoples of the North of the Russian Federation: Theoretical and legal analysis of the correlation of social phenomena 219

Basova A. V. Vectors of development of constitutional protection of human rights in connection with the progress of genomics 227

Kondrashchenko D. A. Problems and prospects for the development of the legal status of election observers in the Russian Federation 235

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ. ПРАВО»**

Главный редактор

Огурцова Елена Вячеславовна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместители главного редактора

Фирсова Анна Александровна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственные секретари

Челнокова Ольга Юрьевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Куликова Светлана Анатольевна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Ананьева Анна Анатольевна, доктор юрид. наук, доцент (Москва, Россия)

Александр Анна, Ph.D. (Вайоминг, США)

Анисимов Алексей Павлович, доктор юрид. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Афанасьев Сергей Федорович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балаш Владимир Алексеевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Бенойт Уильям, Ph.D. (Огайо, США)

Василевич Григорий Алексеевич, доктор юрид. наук, профессор (Минск, Беларусь)

Велиева Джамиля Сейфаддиновна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Гиверц Павел, Ph.D. (Иерусалим, Израиль)

Горячева Татьяна Владимировна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Громов Владимир Геннадьевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ермасова Наталия Борисовна, Ph.D., доктор экон. наук, профессор (Иллинойс, США)

Землянухин Александр Исаевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Козин Михаил Николаевич, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Кокин Андрей Васильевич, доктор юрид. наук, доцент (Москва, Россия)

Красильников Олег Юрьевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юрид. наук, профессор (Тольятти, Россия)

Лхавгадори Ариунаа, Ph.D. (Уланбаатор, Монголия)

Манахова Ирина Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор экон. наук, профессор (Пермь, Россия)

Митяева Наталья Вячеславовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Муравьев Николай Васильевич, Ph.D., MBA, кандидат экон. наук (Данди, Великобритания)

Орехова Елена Анатольевна, доктор экон. наук, профессор (Волжский, Россия)

Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Романовский Георгий Борисович, доктор юрид. наук, профессор (Пенза, Россия)

Сидоров Сергей Петрович, доктор физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Стойлова Десислава, Ph.D. (Благоевград, Болгария)

Ткаченко Ирина Николаевна, доктор экон. наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

Хрусталев Виталий Николаевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Чердаков Олег Иванович, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Шугрина Екатерина Сергеевна, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Эртин Сефика Шуле, Ph.D. (Анкара, Турция)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW"**

Editor-in-Chief – Elena V. Ogurtsova (Saratov, Russia)

Deputy Editors-in-Chief – Anna A. Firsova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Executive Secretaries – Olga Yu. Chelnokova (Saratov, Russia)

Svetlana A. Kulikova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anna A. Ananyeva (Moscow, Russia)

Anne Alexander (Wyoming, USA)

Alexey P. Anisimov (Moscow, Russia)

Sergey F. Afanasiev (Saratov, Russia)

Vladimir A. Balash (Saratov, Russia)

William Benoit (Ohio, USA)

Grigory A. Vasilevich (Minsk, Belarus)

Jamila S. Veliyeva (Saratov, Russia)

Pavel Giverts (Jerusalem, Israel)

Tatiana V. Goryacheva (Saratov, Russia)

Vladimir G. Gromov (Saratov, Russia)

Natalia B. Ermasova (Illinois, USA)

Alexander I. Zemlyanukhin (Saratov, Russia)

Mikhail N. Kozin (Moscow, Russia)

Andrey V. Kokin (Moscow, Russia)

Oleg U. Krasilnikov (Saratov, Russia)

Dmitry A. Lipinsky (Tolyatti, Russia)

Ariunaa Lkhagvadorj (Ulaanbaatar, Mongolia)

Irina V. Manakhova (Moscow, Russia)

Janna A. Mingaleva (Perm, Russia)

Natalia V. Mityaeva (Saratov, Russia)

Nikolai V. Mouraviev (Dundee, United Kingdom)

Elena A. Orekhova (Volgskii, Russia)

Nazir T. Razgeldeev (Saratov, Russia)

Georgy B. Romanovsky (Penza, Russia)

Sergey P. Sidorov (Saratov, Russia)

Svetlana Zh. Solovykh (Saratov, Russia)

Desislava Stoilova (Blagoevgrad, Bulgaria)

Irina N. Tkachenko (Ekaterinburg, Russia)

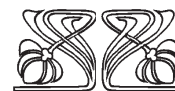
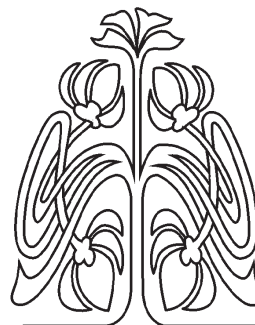
Vitali N. Khrustaluv (Saratov, Russia)

Oleg I. Cherdakov (Moscow, Russia)

Georgy A. Cheremisinov (Saratov, Russia)

Ekaterina S. Shugrina (Moscow, Russia)

Şefika Ş. Erçetin (Ankara, Turkey)

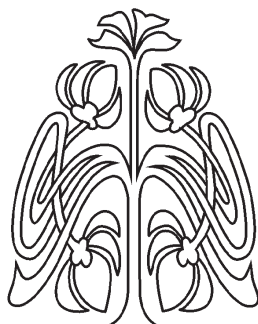

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

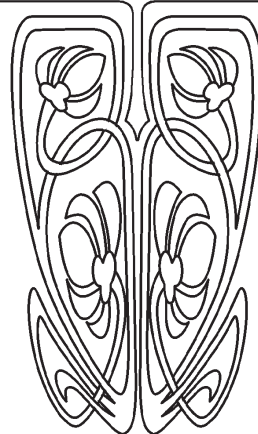

ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 126–133
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 126–133
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-126-133>
EDN: EWBFYQ

Научная статья
УДК 330.34

Теория экономического развития: эволюция подходов и современная парадигма

М. А. Индустриев

Южный федеральный университет, Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

Индустриев Максим Алексеевич, преподаватель кафедры политэкономии и экономической политики, industriev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3816-9085>

Аннотация. Введение. Актуальность научного обоснования подходов к экономическому развитию обусловлена недостаточной степенью изученности феномена экономического развития, его природы и качественных характеристик факторов, влияющих на реализацию качественных структурных изменений в экономике страны. **Теоретический анализ.** В статье представлено обобщение эволюции экономической мысли и исторической трансформации взглядов в направлении исследования экономического развития. Последовательно представлены научные подходы и исследования ведущих зарубежных и отечественных ученых, составившие теоретико-методологическую основу теории экономического развития. Рассмотрены тенденции, послужившие формированию современных теорий экономического развития. **Эмпирический анализ.** На основе анализа статистических данных обоснована разница между категориями «экономический рост» и «экономическое развитие». Рассмотрена концепция экономической сложности как явления, способствующего качественной трансформации факторов экономического развития. Проанализирована динамика индекса экономической сложности в Российской Федерации. **Результаты.** Проведен анализ качественных изменений факторов экономического развития в современной смешанной экономике. Продемонстрирована актуальность применения теории устойчивого развития и концепции экономической сложности при исследовании экономического развития государств. Сформулированы критерии экономического развития в современных социально-экономических условиях.

Ключевые слова: экономическое развитие, экономическая сложность, инновационное развитие, устойчивое развитие

Для цитирования: *Индустриев М. А.* Теория экономического развития: эволюция подходов и современная парадигма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 126–133. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-126-133>, EDN: EWBFYQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The theory of economic development: Evolution of approaches and modern paradigm

M. A. Industriev

Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russia
Maksim A. Industriev, industriev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3816-9085>

© Индустриев М. А., 2023

Abstract. Introduction. The relevance of scholarly justification of approaches to economic development is caused by the insufficient study of the economic development phenomenon, its nature and qualitative characteristics of the factors influencing the implementation of qualitative structural changes in the economy of the country. **Theoretical analysis.** The article summarizes the evolution of economic thought and historical transformation of attitudes concerning the study of economic development. Scientific approaches and studies of leading foreign and domestic scholars, which constituted the theoretical and methodological basis of the economic development theory, are consistently presented. The tendencies that served the modern theories of economic development formation are considered. **Empirical analysis.** Based on statistical data analysis the difference between the categories of «economic growth» and «economic development» is justified. The concept of economic complexity as a phenomenon that contributes to the qualitative transformation of the economic development factors is considered. The dynamics of the economic complexity index in the Russian Federation is analyzed. **Results.** The analysis of qualitative changes in the economic development factors in the modern mixed economy is conducted. The relevance of sustainable development theory and the concept of economic complexity application in the study of the economic development of states are demonstrated. The criteria of economic development in modern socio-economic conditions are formulated.

Keywords: economic development, economic complexity, innovative development, sustainable development

For citation: Industriev M. A. The theory of economic development: Evolution of approaches and modern paradigm. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 126–133 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-126-133>, EDN: EWBFYQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Теория экономического развития возникла в период зарождения экономической науки как самостоятельной области знаний. За прошедшие столетия экономистами был разработан целый ряд научных теорий и концепций, направленных на понимание и объяснение процессов экономического развития, определение факторов, способствующих повышению уровня и качества жизни, увеличению благосостояния хозяйствующих субъектов страны. Целью данной статьи является теоретическое обоснование современной парадигмы экономического развития на основе систематизации его основных подходов, сложившихся в ходе эволюции экономической науки, с учетом контекста актуальных социально-экономических тенденций.

Теоретический анализ

Одной из самых ранних теорий экономического развития стала меркантилистская теория, возникшая в конце XVI в. Меркантилисты считали, что экономическое развитие обусловлено накоплением богатства за счет успешных внешнеторговых операций. На переднем плане в их учениях выступали проблемы сферы обращения, решением целого ряда которых должно было заниматься государство [1, с. 17].

Далее, в работах физиократов, акцент был смещен со сферы обращения на сферу производства. Так, Ф. Кенэ определял богатство нации как постоянно воспроизводимый годовой продукт сельского хозяйства, поскольку это единственная отрасль материального производства, где создается «чистый продукт» или доход народа [2, с. 23].

Классическая школа внесла существенный вклад в дальнейшую разработку теории эконо-

мического развития. А. Смит связал увеличение благосостояния нации с производством и повышением отдачи его факторов, что выражается в росте производительности труда и увеличении размеров функционирующего капитала. При этом имеется возможность сопоставить уровень богатства стран с помощью такого показателя, как «годовой труд» на душу населения [3, с. 3].

В свою очередь, английские экономисты Т. Мальтус и Д. Рикардо, в противовес А. Смиту, разработали теорию об убывающей отдаче от факторов производства, в частности земли. Так, по мнению Д. Рикардо, источником благосостояния нации выступают плодородные земли, количество вложенных в них капитала, а также трудосберегающие технологии [4, с. 343–344]. Задачами же государства при этом выступают поддержание правопорядка, защита от внешней угрозы и минимальная забота о наиболее обездоленных членах общества.

Существенное воздействие на теорию экономического развития оказала экономическая концепция К. Маркса. Основой его учения является «теория стоимости», согласно которой производство и обмен товаров происходят в соответствии с общественно необходимыми затратами труда [5, с. 41–49]. К. Маркс одним из первых выразил суждение о том, что при капитализме невозможно избежать кризисов перепроизводства. Их причиной является отсутствие автоматического роста эффективного спроса при расширении общественного производства.

Дальнейшее развитие данная теория получила в трудах австрийского экономиста Й. Шумпетера. Им впервые было сформулировано определение экономического развития, под которым следует понимать «особый феномен, совершенно чуждый тому, что можно наблюдать в круговом потоке или в тенденции к равнове-

сию. Это спонтанное и прерывистое изменение в каналах потока, нарушение равновесия, которое навсегда изменяет и вытесняет ранее существовавшее состояние равновесия» [6, с. 64]. Движателем экономического развития, по мнению Й. Шумпетера, выступает процесс структурных изменений, которыми выступают производство новых благ, применение новых способов производства и коммерческого использования благ существующих, освоение новых рынков сбыта и новых источников сырья, изменение отраслевой структуры.

После Великой депрессии роль государства в экономическом развитии резко возросла. Английский экономист Дж. Кейнс представил свой взгляд на проблему государственного регулирования экономики в работе «Общая теория занятости, процента и денег» (1936). Идея Дж. Кейнса заключается в том, чтобы через активизацию и стимулирование совокупного спроса оказывать влияние на производство и предложение товаров и услуг. Данная теория придает решающее значение инвестициям: чем больше они по размерам и уровню прибыльности, тем больше масштабы и выше темпы производства [7, с. 235–238].

Весомую роль в развитии теории экономического развития сыграл американский экономист С. Кузнец, обративший внимание на то, что рост доходов на душу населения и рост производительности предполагают структурные изменения в экономике. При этом задачей государства выступает создание социально необходимой инфраструктуры для реализации данных изменений и поддержки экономического роста [8].

С середины XX в. внимание ученых-экономистов начало смещаться в сторону более целостного и инклюзивного подхода. Этот подход признавал, что экономический рост и развитие должны быть направлены не только на увеличение ВВП, но и на повышение уровня жизни домохозяйств за счет удовлетворения основных потребностей, таких как продукты питания, жилье, образование и здравоохранение. В частности, экономисты Г. Мюрдаль и У. Ростоу сосредоточились на понимании процесса экономического развития в беднейших и наименее развитых странах и стремились выявить факторы, способствующие отсталости и бедности. В частности, одним из ключевых параметров, рассматриваемых в теории стадий экономического развития У. Ростоу, стал размер среднедушевых доходов и степень равномерности его распределения [9, р. 234–236].

Представленные идеи впоследствии вошли в основу набирающей популярность парадигмы «устойчивого развития», акцентирующей внима-

ние на достижении устойчивости в долгосрочной перспективе. Представители данного подхода обращают внимание на достижения долгосрочного процветания и благополучия, не только на экономические, но также и на социальные и экологические аспекты развития государства и общества. Сторонники данной концепции считают, что причиной многих экологических и иных катастроф является бедность, и, как следствие, необходимо принятие «системных мер по снижению дифференциации доходов населения, реализации мер по удовлетворению элементарных потребностей людей» [10, с. 265].

В настоящее время на теорию экономического развития продолжают оказывать влияние процессы глобализации и экономической интеграции между странами, возрастающая роль технологий и инноваций в формировании цепочек добавленной стоимости. Данные процессы послужили источником появления ряда новых подходов, включая теорию эндогенного роста, подчеркивающую роль человеческого капитала, технологических изменений и инноваций в экономическом развитии, и теорию новой институциональной экономики, исследующую роль институтов и государственной экономической политики в достижении экономических результатов.

Таким образом, в ходе эволюции экономической мысли учеными рассматривался и продолжает рассматриваться широкий пласт проблем, связанных с экономическим развитием. При этом, на наш взгляд, недостаточно изучен сам феномен экономического развития, его природа и качественные характеристики факторов, оказывающих влияние на данное явление. Важным вопросом с точки зрения приращения экономической теории может выступать выделение критериев экономического развития и его связи с экономическим ростом.

В первую очередь, современную парадигму экономического развития формируют наблюдаемые качественные характеристики влияющих на него факторов. Как и на индустриальной стадии экономического развития, в современной экономике продолжают быть задействованы базисные факторы производства (труд, земля, капитал), а также технологии и информация. Но при этом наблюдаются их качественная трансформация и изменение взаимосвязей и взаимоотношений.

Ключевым изменением здесь стало повышение роли технологий и инноваций. Развитие технологий и растущее влияние цифровой экономики предоставляют новые возможности для экономического роста и развития, а также ведут

к изменениям методов и форм работы организаций и специфики ведения конкурентной борьбы. Положение организаций на рынке во многом зависит от цифровизации их бизнес-процессов, скорости и качества распространения информации в сети Интернет. В связи с этим компании, занимающиеся созданием и поддержкой программного обеспечения и популярных онлайн-сервисов, являются одними из самых быстрорастущих по рыночной капитализации в мире (Apple, Microsoft, Alphabet, Amazon.com) [11].

Соответственно, изменяются требования к фактору труд. По своему содержанию он все чаще становится направленным не на элементы основного капитала промышленных предприятий (станки, машины, оборудование), а на проявление творческой активности работников. Происходит постепенный переход от рассмотрения физических параметров и навыков потенциального сотрудника к его умственным, интеллектуальным и эмоциональным компетенциям. Так, согласно докладу Jobs of Tomorrow, представленному в рамках Всемирного экономического форума [12, р. 9–10], в мире возрастает запрос на высококвалифицированных сотрудников в области обработки больших массивов данных, инженерии и облачных вычислений, специалистов в сфере онлайн-маркетинга, разработчиков баз данных, приложений, графических интерфейсов и информационных ресурсов. При этом вследствие научно-технического прогресса с рынка труда вытесняются работники с традиционными навыками и профессиями: согласно статистическим данным, в Европейском союзе к 2030 г. потенциально может быть автоматизировано до 51% рабочих мест (что эквивалентно примерно 21 миллиону рабочих) с использованием уже существующих на сегодняшний день технологий [13, р. 144–148].

Структурные изменения претерпевает также фактор капитал. В современной экономике он начинает носить преимущественно венчурный характер и направлен на инвестирование в высокотехнологичные отрасли экономики. Финансирование, как правило, носит проектный характер и связано с внедрением конкретных идей и технологий (автоматизация и цифровизация бизнес-процессов, разработка программного обеспечения и алгоритмов, внедрение искусственного интеллекта, элементов дополненной реальности и т.д.). Бенефициаром данных изменений выступает, в первую очередь, сектор информационно-коммуникационных технологий. Так, на сегодняшний день он составляет почти 5% экономики Евросоюза и четверть всех ее бизнес-расходов. На инвестиции в ИКТ приходится

половина всего роста производительности в ЕС [14, р. 37–39]. Так, например, современные высокоскоростные широкополосные сети оказывают столь же большое влияние на производство, как электричество и транспортные сети столетий назад. Они прокладывают путь для таких инновационных услуг, как электронное здравоохранение, «умные» города и производства и т.д. [15, с. 122].

Таким образом, современная парадигма экономического развития основана на структурных и связанных между собой изменениях определяющих его факторов. Информация и технология порождают требования к труду, а высококвалифицированные сотрудники, в свою очередь, способствуют дальнейшему развитию технологий, а также обработке и созданию на основе и с учетом достижений науки и технологий новой информации.

Эмпирический анализ

Для того чтобы определить критерии экономического развития, в первую очередь следует четко обозначить разницу между экономическим развитием и экономическим ростом. Эта проблема продолжает оставаться актуальной, поскольку во многих научных исследованиях понятие «развитие» по-прежнему «часто отождествлялось с экономическим развитием, а экономическое развитие, в свою очередь, с экономическим ростом, или просто с ростом» [16, р. 2].

Мы полагаем, что экономический рост не гарантирует автоматически экономическое развитие. Экономика может расти с точки зрения ВВП даже при незначительном улучшении благосостояния граждан или структурных преобразованиях.

Так, например, в стране может произойти краткосрочный рост ВВП за счет увеличения добычи ресурсов, но если данный рост не приводит к долгосрочным выгодам для ее граждан, таким как улучшение образования, здравоохранения и возможностей трудоустройства, то это можно считать ростом без развития.

Так, по мнению директора Института экономики РАН С. Гринберга, в России на протяжении 2000-х гг. наблюдался «качественный застой (рост без развития)» [17, с. 140]. Экономический рост на протяжении данного периода был во многом связан с реализацией «эффекта низкой базы» на фоне благоприятной конъюнктуры на сырьевых рынках. При этом в стране наблюдались «деградация хозяйственной жизни», «инфляция, невиданный рост коррупции», «осязаемая примитивизация промышленной базы» [17, с. 37].

По мере завершения цикла роста цен на товары нефтегазовой отрасли с 2013 г. в России наблюдаются более низкие относительно среднемировых темпы экономиче-

ского роста. Сопоставление темпов экономического роста России за последние десять лет со среднемировыми представлено на рис. 1 [18].

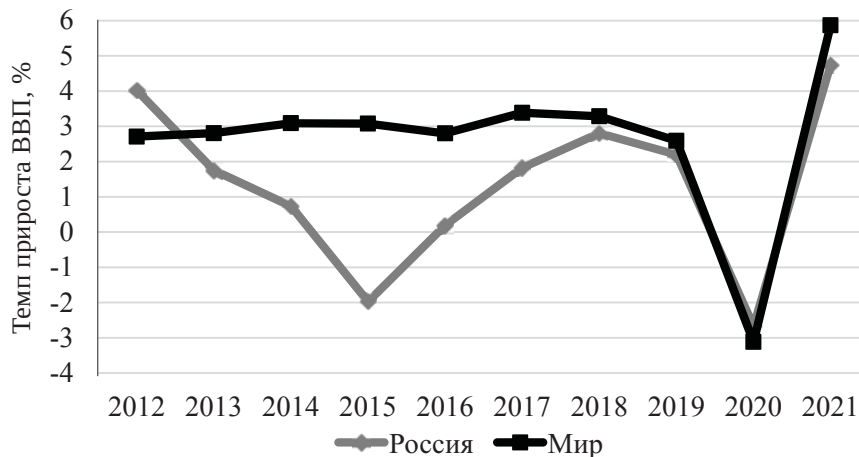

Рис. 1. Темпы экономического роста в 2012–2021 годах в России и в мире (сост. по [18])
Fig. 1. Economic growth rates in 2012–2021 in Russia and worldwide (compiled to [18])

Итак, как видно из рис. 1, начиная с 2014 г. темпы экономического роста России находятся стабильно ниже среднемировых. Данная тенденция говорит о том, что после завершения восстановительного роста и некоторого ухудшения конъюнктуры на сырьевых рынках экономика России практически исчерпала потенциал к росту без развития.

Возобновление экономического роста, по темпу сопоставимого или превосходящего среднемировой, возможно путем перехода к экономическому развитию. Оно включает в себя не только рост ВВП, но и прогресс в других областях, которые способствуют улучшению жизни людей и трансформации экономики.

Следовательно, хотя экономический рост является важным аспектом экономического развития, при его стимулировании необходимо направить усилия не только на достижение роста, но и на повышение уровня жизни граждан, внедрение качественных структурных изменений. Без такого рода изменений будет замедляться и экономический рост.

Одним из способов стимулирования экономического развития может выступать реализация на практике постулатов теории экономической сложности. Понятие экономической сложности в стране относится к производству отечественных наукоемких продуктов, а также к диверсификации экспортных товаров страны. Под экономической сложностью подразумевается интенсивное применение технических знаний в диверсификации продукции с целью

охвата ею внутренних потребительских рынков, с одной стороны, и внешних рынков – с другой. Поскольку количество экспортируемой продукции зависит от разнообразия экономики страны, предполагается, что чем выше уровень экономической сложности, тем выше в стране будет экономический рост и ниже уровень неравенства доходов [19, р. 1–2].

Также экономическая сложность не только связана с экономическим развитием и ростом, но и может рассматриваться как показатель социального развития, поскольку производство сложной продукции сильно зависит от взаимодействия на социальном и профессиональном уровне внутри государства [20, р. 96–99].

Она может помочь улучшить экономическое развитие несколькими способами.

1. Определение ключевых отраслей. Измеряя экономическую сложность страны, государство сможет определить ключевые отрасли, движущие его экономикой, а также какие отрасли имеют наибольший потенциал для роста и развития. Затем эту информацию можно использовать для принятия инвестиционных и политических решений, направленных на содействие экономическому развитию.

2. Поощрение диверсификации. Сложная экономика характеризуется разнообразным набором взаимосвязанных и взаимозависимых отраслей. Содействуя развитию новых и разнообразных отраслей, страна может уменьшить свою зависимость от нескольких ключевых отраслей и стать более устойчивой к экономическим потрясениям.

3. Привлечение иностранных инвестиций. Сложная экономика может быть более привлекательной для иностранных инвесторов, поскольку она демонстрирует потенциал страны для роста и развития. Это может помочь привлечь капитал, технологии и другие ресурсы, которые могут способствовать экономическому развитию.

4. Стимулирование инноваций. Широко диверсифицированная экономика с большей вероятностью будет способствовать инновациям, поскольку она обеспечивает благоприятную среду для предпринимателей и предприятий в плане разработки новых продуктов и услуг. Это, в свою очередь, может привести к ускорению экономического роста и развития.

5. Повышение конкурентоспособности. Увеличение сложности экономики способствует повышению конкурентоспособности страны за счет предоставления более широкого спектра товаров и услуг, которые можно экспортировать в другие страны. Как следствие, это позволит увеличить экспорт, создать рабочие места и стимулировать экономический рост.

Согласно наиболее актуальной версии индекса экономической сложности (Economic Complexity Index – ECI) [21], из 133 стран Россия занимает 51-е место по данному показателю. Лидерами по этому направлению выступают Япония, Швейцария, Германия, Южная Корея и Сингапур. Динамика значения индекса для России представлена на рис. 2.

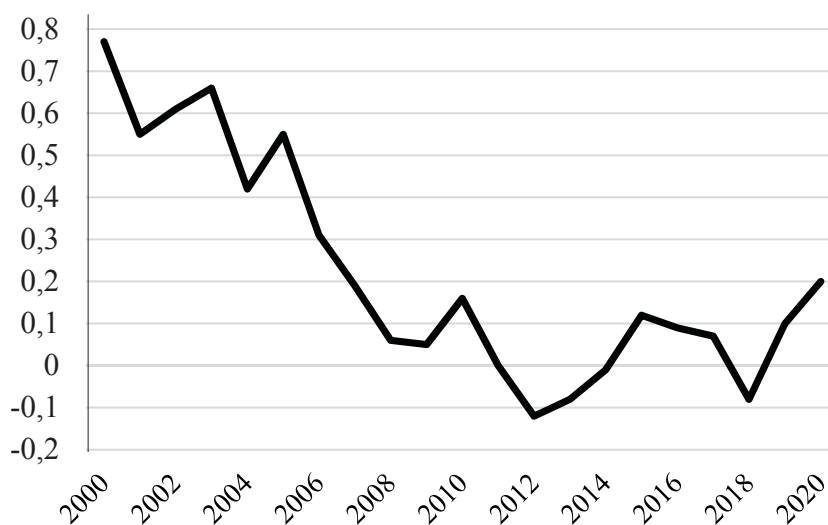

Рис. 2. Динамика индекса экономической сложности (ECI) российской экономики
Fig. 2. Dynamics of the index of economic complexity (ECI) of the Russian economy

Как видно на рис. 2, экономика России за последние десятилетия стала менее «сложной» – показатель ECI снизился с 0,77 до 0,2. Это говорит о том, что структура экспорта страны стала менее диверсифицированной. Динамика данного показателя соответствует выводам, полученным в работе об отсутствии экономического развития в современной российской экономике [17].

Итак, исходя из наблюдающихся изменений качественных характеристик факторов экономического развития и основных выводов концепции экономической сложности, можно выделить ряд критериев экономического развития. На наш взгляд, к ним следует отнести:

- 1) повышение уровня и качества жизни населения;
- 2) наличие экономического роста, основанного на реализации структурных изменений в экономике, направленных в сторону повышения уровня ее сложности;

3) формирование благоприятной институциональной среды, направленной на повышение уровня конкуренции и поддержку предпринимательских инициатив.

В рамках российской экономики в условиях ужесточения международных санкций актуальным направлением стимулирования экономического развития может выступать увеличение сложности экономики путем реализации импортозамещающих инициатив. Так, в работе [22, с. 401] отражено, что, несмотря на высокую степень проработанности стратегии по импортозамещению, фактические результаты достаточно далеки от целевых. Способствовать улучшению данных результатов может также реализация инициатив, направленных на поддержку малого бизнеса. Увеличение уровня конкуренции в экономике выступит в качестве стимула к ускоренному внедрению инноваций и достижений научно-технического прогресса.

Результаты

Теория экономического развития имеет длительную и богатую историю и на протяжении столетий претерпела значительный ряд изменений. Она формулировалась в соответствии с изменяющимися потребностями и приоритетами мировой и национальных экономик, а также результатами развития экономической мысли и исследований.

Факторы, определяющие экономическое развитие, постоянно меняются и развиваются, отражая динамичный и сложный характер глобальной экономики. Наблюдаются цифровизация экономических процессов, ускорение практического внедрения результатов научно-технического прогресса и соответствующие данным процессам изменения в структуре инвестирования капитала, в формах его привлечения. На рынке труда также наблюдается определенная трансформация. Осуществляется постепенный переход от рассмотрения физических параметров и навыков потенциального сотрудника к его умственным, интеллектуальным и эмоциональным компетенциям. Соответственно, изменяется структура занятости населения.

Современная парадигма экономического развития включает в себя широкий спектр теорий и концепций, основными из которых можно назвать теорию устойчивого развития и концепцию экономической сложности. Их основные положения позволяют раскрыть специфические особенности реализации в экономике не только количественных, но и качественных структурных изменений.

Мировой опыт показывает, что экономическое развитие на современном этапе основывается на качественной трансформации производственных факторов, цифровизации экономических отношений, повышении уровня и качества жизни населения, а также на увеличении сложности экономики.

Список литературы

1. Гаджиев Ю. А. Ранние теории экономического роста: от меркантилизма до классической школы // *Sciences of Europe*, 2017. Vol. 2, № 16 (16). С. 16–23.
2. Кенэ Ф. Избранные экономические произведения. М. : Соцэкгиз, 1960. 350 с.
3. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов : пер. с англ. Петрозаводск : Петроком, 1993. 320 с.
4. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения : пер. с англ. М. : Эксмо, 2007. 960 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. Изд. 2-е. М. : Госполитиздат, 1974. Т. 49. 570 с.
6. Schumpeter J. *The Theory of Economic Development: An Inquiry Into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle* (1934) / Translated by Redvers Opie. Transaction Publishers, 1983. 255 p.
7. Кейнс Д. *The General Theory of Employment, Interest and Money* = Общая теория занятости, процента и денег / пер. с англ. М. : Эксмо, 2022. 960 с.
8. Kuznets S. Nobel Prize Lectures. *Modern Economic Growth: Findings and Reflections*. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/1971/kuznets-lecture.html (дата обращения: 30.01.2023).
9. Rostow W. W. *Politics and the Stages of Growth*. London : Cambridge University Press, 1971. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511562778>
10. Кадомцева М. Е. Концептуальные аспекты устойчивого развития экономических систем: эволюция подходов и современная парадигма // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право*. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 263–270. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-263-270>
11. Global ranking of companies by Market Cap. URL: <https://companiesmarketcap.com/> (дата обращения: 19.02.2023).
12. *Jobs of Tomorrow: Mapping Opportunity in the New Economy*. World Economic Forum, Switzerland, 2020. 28 p.
13. Graham M., Hjorth I., Lehdonvirta V. Digital labour and development: Impacts of global digital labour platforms and the gig economy on worker livelihoods // *Transfer*. 2017. Vol. 23, iss. 2. pp. 135–162. <https://doi.org/10.1177/1024258916687250>
14. Abeliansky A., Hilbert M. Digital technology and international trade: Is it the quantity of subscriptions or the quality of data speed that matters? // *Telecommunications Policy*. 2017. Vol. 41, iss. 1, P. 35–48. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2016.11.001>
15. Кешелава А. В. Инфраструктура цифровой экономики // *Экономические стратегии*. 2017. № 8. С. 120–131.
16. Chambers R. *Ideas for development: Reflecting forwards* // IDS Working Paper 238. Brighton, 2004. 40 p.
17. Гринберг Р. С. Свобода и справедливость. Российские соблазны и логика выбора. М. : Магистр : ИНФРА-М, 2012. 416 с.
18. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/> (дата обращения: 15.02.2023).
19. Török I., Benedek J., Gomez-Zaldívar M. Quantifying Subnational Economic Complexity: Evidence from Romania // *Sustainability*. 2022. Vol. 14, iss. 17. P. 1–22. <https://doi.org/10.3390/su141710586>
20. Hidalgo C. Economic complexity theory and applications // *Nature Reviews Physics*. 2021. № 3. P. 92–113. <https://doi.org/10.1038/s42254-020-00275-1>
21. *The Atlas of Economic Complexity*. URL: <https://atlas.cid.harvard.edu/rankings> (дата обращения: 14.02.2023).
22. Туманян Ю. Р., Индустриев М. А. Импортзамещение как фактор инновационного развития экономики

России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 396–405. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-396-405>

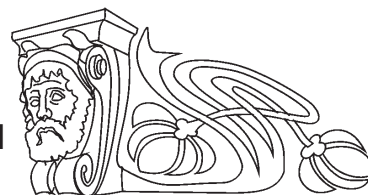
References

- Gadzhiev Yu. A. Early theories of economic growth: from mercantilism to the classical school. *Sciences of Europe*, 2017, vol. 2, no. 16 (16), pp. 16–23 (in Russian).
- Kene F. *Izbrannye ekonomicheskie proizvedeniya* [Selected Economic Works]. Moscow, Sotsekgiz, 1960. 350 p. (in Russian).
- Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Petrosavodsk, Petrokom, 1993. 320 p. (in Russian).
- Rikardo D. *Nachala politicheskoy ekonomii i nalogo-vogo oblozheniya* [On the Principles of Political Economy and Taxation]. Moscow, Eksmo, 2007, 960 p. (in Russian).
- Marx K., Engel's F. *Sochineniya* [Essays. 2nd ed.]. Vol. 49. Moscow, Gospolitizdat, 1974. 570 p. (in Russian).
- Schumpeter J. *The Theory of Economic Development: An Inquiry Into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle* (1934) / Translated by Redvers Opie. Transaction Publishers, 1983. 255 p.
- Keynes D. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Moscow, Eksmo, 2022. 960 p. (in Russian).
- Kuznets S. *Nobel Prize Lectures. Modern Economic Growth: Findings and Reflections*. Available at: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/1971/kuznets-lecture.html (accessed January 30, 2023).
- Rostow W. W. *Politics and the Stages of Growth*. London, Cambridge University Press, 1971. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511562778>
- Kadomtseva M. Ye. Conceptual aspects of sustainable development of economic systems: Evolution of approaches and modern paradigm. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 263–270 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-263-270>
- Global ranking of companies by Market Cap*. Available at: <https://companiesmarketcap.com/> (accessed February 19, 2023).
- Jobs of Tomorrow: Mapping Opportunity in the New Economy*. World Economic Forum, Switzerland, 2020. 28 p.
- Graham M., Hjorth I., Lehdonvirta V. Digital labour and development: Impacts of global digital labour platforms and the gig economy on worker livelihoods. *Transfer*, 2017, vol. 23, iss. 2, pp. 135–162. <https://doi.org/10.1177/1024258916687250>
- Abeliansky A., Hilbert M. Digital technology and international trade: Is it the quantity of subscriptions or the quality of data speed that matters? *Telecommunications Policy*, 2017, vol. 41, iss. 1, pp. 35–48. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2016.11.001>
- Keshelava A. V. Infrastructure of the Digital Economy. *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies], 2017, no. 8, pp. 120–131 (in Russian).
- Chambers R. Ideas for development: Reflecting forwards. *IDS Working Paper 238*. Brighton, 2004. 40 p.
- Grinberg R. S. *Svoboda i spravedlivost'. Rossiiskie soblazny i logika vybora* [Freedom and justice. Russian temptations and the logic of choice]. Moscow, Magistr, INFRA-M, 2012. 416 p. (in Russian).
- World Development Indicators*. Available at: <https://databank.worldbank.org/> (accessed February 15, 2023).
- Török I., Benedek J., Gomez-Zaldívar M. Quantifying Subnational Economic Complexity: Evidence from Romania. *Sustainability*, 2022, vol. 14, iss. 17, pp. 1–22. <https://doi.org/10.3390/su141710586>
- Hidalgo, C. Economic complexity theory and applications. *Nature Reviews Physics*, 2021, no. 3, pp. 92–113. <https://doi.org/10.1038/s42254-020-00275-1>
- The Atlas of Economic Complexity*. Available at: <https://atlas.cid.harvard.edu/rankings> (accessed February 14, 2023).
- Tumanyan Yu. R., Industriev M. A. Import substitution as a factor of Russian economy innovative development. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 396–405 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-396-405>

Поступила в редакцию 28.02.2023; одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 25.03.2023
The article was submitted 28.02.2023; approved after reviewing 22.03.2023; accepted for publication 25.03.2023

Научная статья
УДК 338.2

Роль и место технологического суверенитета в обеспечении устойчивости экономики России

Т. В. Горячева[✉], О. А. Мызрова

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Горячева Татьяна Владимировна, доктор экономических наук, профессор кафедры отраслевого управления и экономической безопасности, tvsgstu@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1129-7589>

Мызрова Ольга Александровна, доктор экономических наук, профессор кафедры отраслевого управления и экономической безопасности, olga_myzrova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7979-1623>

Аннотация. Введение. Особенность развития текущего периода определила необходимость изменения вектора, формата и масштаба структурной трансформации экономики России. Выявлено, что одной из причин низкого уровня его достижения являются слабая инновационная активность организаций и незначительная доля организаций, создающих технологические инновации и разработки в субъектах Российской Федерации. **Теоретический анализ.** В статье рассматриваются место и роль технологического суверенитета в повышении национальной независимости. Исследованы вариативные подходы к пониманию сущности технологического суверенитета. Проведен ретроспективный анализ становления категории «технологический суверенитет», доказана его приоритетность перед политикой импортозамещения. **Эмпирический анализ.** Проведен анализ динамики по показателям инновационной активности организаций по субъектам Российской Федерации и по видам экономической деятельности, а также динамики удельного веса организаций в общем числе обследованных организаций России, осуществляющих технологические инновации, позволившие сделать вывод о негативной тенденции большинства рассматриваемых показателей. Полученные результаты подтвердили необходимость пересмотра вектора развития отечественной экономики, активизации исследовательской деятельности как основного фактора обеспечения технологического суверенитета. **Результаты.** Итогом исследования является определение и систематизация приоритетных направлений и мер по обеспечению технологического суверенитета. Показана видовая характеристика суверенитетов, оказывающих влияние на достижение всеобщего суверенитета на основе построения модели суверенной экономики. На основе теоретического и эмпирического анализа сделаны предположения об уровне развития видовых суверенитетов в РФ.

Ключевые слова: национальная независимость, технологический суверенитет, экономическое развитие, импортозамещение, технологические инновации, всеобщий суверенитет

Для цитирования: Горячева Т. В., Мызрова О. А. Роль и место технологического суверенитета в обеспечении устойчивости экономики России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 134–145. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-134-145>, EDN: GHNDZK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role and place of technological sovereignty in ensuring the Russian economy sustainability

T. V. Goryacheva[✉], O. A. Myzrova

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Tatyana V. Goryacheva, tvsgstu@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1129-7589>

Olga A. Myzrova, olga_myzrova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7979-1623>

Abstract. Introduction. The peculiarity of the current period development determined the need to change the vector, format and scale of the structural transformation of the Russian economy. This necessitated the need for domestic development only on the basis of achieving technological sovereignty as the main factor of economic growth and a condition of national security. It is revealed that one of the reasons for the low level of its achievement is the low innovative activity of organizations and a small proportion of organizations creating technological innovations and developments in the subjects of the Russian Federation. **Theoretical analysis.** The article examines the place and role of technological sovereignty in increasing national independence. Various approaches to understanding the essence of technological sovereignty are considered. A retrospective analysis of the “technological sovereignty” category formation is carried out, its priority over the policy of import substitution is proved. **Empirical analysis.** The analysis of the organizations’ innovative activity indicators dynamics by subjects of the Russian Federation and by types of economic activity, as well as the dynamics of the share of organizations in the total number of surveyed organizations of the Russian Federation engaged in technological innovations is carried out. The results allowed to make a conclusion about the negative trend of most of the indicators’

values. The obtained results confirmed the need to revise the vector of domestic economy development, the research activities activation as the main factor of ensuring technological sovereignty. **Results.** The result of the study is the identification and systematization of priority areas and measures to ensure technological sovereignty. The specific characteristics of the sovereignties influencing the achievement of universal sovereignty based on the construction of a sovereign economy model are shown. Based on theoretical and empirical analysis, assumptions are made about the different sovereignties level of development in the Russian Federation.

Keywords: scientific competence, technological sovereignty, economic development, import substitution, technological innovations, universal sovereignty

For citation: Goryacheva T. V., Myzrova O. A. The role and place of technological sovereignty in ensuring the Russian economy sustainability. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 134–145 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-134-145>, EDN: GHNDZK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Изменение геополитических реалий, вызванных введением санкций со стороны стран «коллективного Запада», сказалось на формате и векторах развития отечественной экономики. Введенные санкции против России выявили определенную зависимость некоторых критических производств и их технологий от поставок и услуг иностранных компаний. Российские производители ряда отраслей ощутили дефицит полуфабрикатов и комплектующих в связи с ограниченностью или прекращением поставок из-за границы при отсутствии российских аналогов. По данным Ассоциации разработчиков и производителей электроники (АРПЭ), ежегодно в РФ продается вычислительной техники примерно на 7,5 млрд долл., при этом российского производства – всего на сумму около 500 млн долл. Следует также отметить, что вся российская вычислительная техника создается на основе импортных комплектующих из стран ЕС и Азии, и это привело к тому, что к началу 2022 г. 90% российских компаний использовали зарубежное ПО.

Прекращение деятельности западных компаний на российском рынке обусловило необходимость обеспечить экономику критически важными технологиями только за счет внутренних ресурсов. В текущих условиях добиться этого возможно только на основе достижения технологического суверенитета. Становится очевидным, что технологический суверенитет, основанный на технологических инновациях, является главным фактором экономического роста и условием национальной безопасности.

Несмотря на невысокий приоритет развития собственных технологий в гражданском производстве, который отмечался в последние два–три десятилетия, в России на отдельных ключевых направлениях технологического развития все-таки созданы компетенции собственных технологий. Именно данные компетенции и станут важнейшим элементом обеспечения технологического суверенитета страны. Следует также

отметить, что санкции создали неоднозначную ситуацию в экономике: перспективный спрос, с одной стороны, и сложности в кооперированных связях для развития российских технологий, с другой стороны.

Поэтому для создания новых технологически независимых отраслей российской промышленности, основанных на развитии заделов собственных технологий, необходима система скоординированных мер, учитывающая особенности организации в России передовых производств. Для этого следует обеспечить баланс между перестройкой производств, основанных на импортных технологиях, и развитием собственных независимых технологических направлений. Соответственно, можно резюмировать, что в ближайшие десятилетия проблема обеспечения технологического суверенитета будет в центре внимания ученых и практиков, исследователей и государственных деятелей. В этой связи задача определения места, роли, исследовательских векторов и подходов к рассмотрению данной категории представляется актуальной. Возрастает значимость теоретических и прикладных исследований, направленных на уточнение сущностной характеристики технологического суверенитета, условий и критериев его достижения.

Теоретический анализ

Вопросы о роли научно-технического потенциала в экономике уже долгое время привлекают внимание отечественных и зарубежных ученых и экономистов и нашли отражение в трудах В. А. Алешина [1], А. И. Анчишкина [2], А. А. Афанасьева [3], С. Е. Витуна [4], К. А. Задумкина, И. А. Кондакова [5], Е. В. Семенова [6], С. В. Федосеева, О. С. Тумара [7].

Проблемы независимого технологического развития отражены в исследованиях В. Н. Анищенко [8], О. Н. Бабурин, Л. К. Гуриева [9], А. Е. Варшавского [10] С. В. Егерев [11], В. В. Клочкова, А. В. Дутова [12], Е. Б. Ленчук [13] и др. Вопросы обеспечения технологической независимости и суверенитета стран, представ-

лены в трудах С. Г. Ковалева [14–15], F. Crespi, S. Caravella, M. Menghini, C. Salvatori [16], C. March, I. Schieferdecker [17], В. Л. Квинт, И. В. Новиковой, М. К. Алимуратова, Н. И. Сасаева [18].

Сам термин «технологический суверенитет» нельзя назвать совсем новым и в экономико-правовой практике сейчас он фигурирует в 32 различных актах федеральных органов власти – от протоколов заседания совета Госдумы РФ до поручений Президента РФ по итогам ПМЭФ. Впервые он упоминался в правовых документах в 1992 г. (распоряжение Б. Ельцина о вопросах Информационно-аналитического центра администрации президента, который осуществлял деятельность по сбору и анализу информации по проблемам, затрагивающим политический, экономический и научно-технологический суверенитет России). Дальнейшая актуализация термина отмечается в 2014 г., а после введения антиросийских санкций (2022 г.) он стал трендом и вектором развития экономики РФ.

Следует отметить, что в конце 10-х гг. XXI в. понятие использовалось параллельно с термином «импортозамещение». Но в 2022 г. «технологический суверенитет» полностью заменил термин «импортозамещение». В их сущности и содержании следует отметить принципиальное различие: импортозамещение основано на поиске аналогов зарубежных решений, а технологический суверенитет предполагает создание собственных конкурентоспособных на мировом рынке технологий и сервисов. Последний позволит обеспечить научно-техническое развитие технологий и инфраструктуры для достижения независимости от зарубежных технологий.

Перспективным направлением развития данного вопроса является разработка и утверждение в 2023 г. Концепции технологического развития на период до 2030 года, определяющей цели, задачи, механизмы и показатели технологического развития.

Таким образом, обобщенно технологический суверенитет – это «достигнутый уровень реальной независимости страны в областях науки, техники и технологий, чем обеспечивается беспрепятственная реализация национальных интересов в техносфере с учетом существующих и перспективных угроз» [19, с. 2389].

Но существуют и другие взгляды на понятийную сущность технологического суверенитета. Например, В. К. Фальцман понимает под «технологическим суверенитетом способность того или иного вида экономической деятельности обеспечить народное хозяйство своей продукцией надлежащего качества, пусть даже частично за счет ее импортных поставок, но при

обязательном условии возмещения импортных затрат за счет поступлений от реализации собственного экспорта» [20, с. 83– 84].

С. Г. Ковалев определяет, что «необходимая продукция должна быть произведена на экономической территории страны за счет применения собственных или заимствованных способов производства» [14, с. 33].

Советский и российский государственный деятель и ученый А. А. Кокوشин рассматривал достижение суверенитета на «основе собственных технологий или технологий, разработанных во взаимовыгодном взаимодействии с компаниями дружественных или по-настоящему нейтральных государств» [21, с. 14].

Спецпредставитель Президента РФ по вопросам технологического развития Д. Н. Песков обозначил, что «технологический суверенитет – это не изоляция. Это сильная переговорная позиция при выстраивании альянсов с другими странами. У вас либо есть обменный фонд, либо нет... будущее – это, конечно, зеркальные сделки» [22].

«Важнейшим инструментом обеспечения технологического суверенитета становится национальное обладание передовыми разработками в сфере ключевых технологий», – подчеркивалось А. Р. Белоусовым [23].

Вице-премьер Правительства России Д. Н. Чернышенко отмечает, что в официальных источниках придерживаются интерпретации технологического суверенитета как «способности государства располагать технологиями, которые считаются критически важными для обеспечения благосостояния и конкурентоспособности, а также возможности самостоятельно разрабатывать их или получать их от экономик других стран без односторонней структурной зависимости» [24].

Наиболее значимые зарубежные исследования представлены группой ученых под руководством Дж. Эдлера, которые отмечают, что технологический суверенитет заключается, с одной стороны, в обладании страной технологиями, критически важными для состояния экономики, уровня конкурентоспособности, возможности реализации собственных стратегических планов развития, а с другой – в осуществлении суверенного контроля за используемыми решениями в критической инфраструктуре [25].

Группа ученых, возглавляемая Ф. Креспи, подчеркивает, что «суверенитет не просто подразумевает технологическую самостоятельность, а состоит в максимально возможной автономии в отношении ключевых технологий, и обеспечения минимального уровня технологической зависимости от других стран» [16, р. 349].

Таким образом, следует отметить, что устойчивого понятия технологического суверенитета в современных теоретических и практических исследованиях пока нет.

Эмпирический анализ

В Стратегии научно-технологического развития (2016 г.) были обозначены два альтернативных сценария развития Российской Федерации. Первый предполагает импорт технологий и фрагментарное развитие исследований и разработок, интегрированных в мировую науку, но занимающих в ней второстепенные позиции; второй основан на лидерстве по избранным направлениям научно-технологического развития и построении целостной

национальной инновационной системы [26]. Специфика текущей ситуации определяет на данный момент возможность реализации только второго сценария. Обеспечение технологической независимости и автономности возможно достичь только на основе развития собственных фундаментальных и прикладных исследований, внедрения технологических инноваций.

Главными факторами, сдерживающими развитие прикладных исследований и технологических разработок, являются низкая инновационная активность компаний (по итогам 2021 г. – 11,9%) (рис. 1) и несбалансированная централизованная модель финансирования науки (в 2020 г. составила 67,8%).

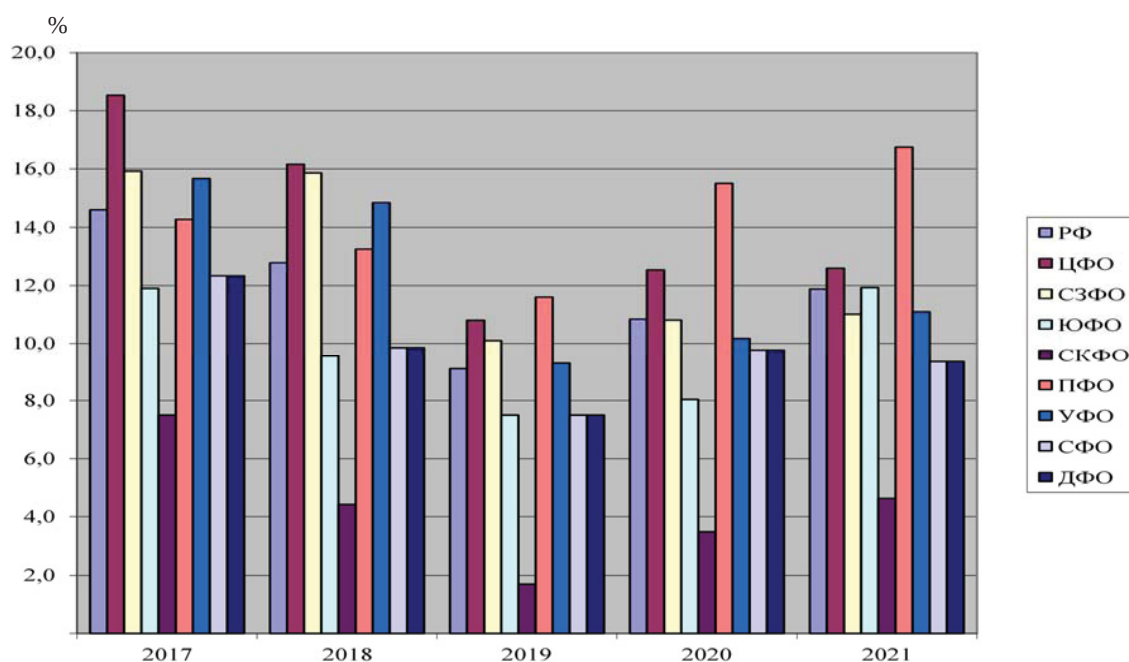

Рис. 1. Уровень инновационной активности организаций по субъектам Российской Федерации (цвет онлайн)
Fig. 1. The level of innovative activity of organizations in the subjects of the Russian Federation (color online)

Уровень инновационной активности РФ за последние пять лет [27] снизился на 2,7% (рис. 2). Подобную тенденцию демонстрирует деятельность во всех федеральных округах РФ, исключением является ПФО, где отмечается относительное повышение инновационной активности региона. Наибольшая активность в области инновационного развития и стимулирования инновационной деятельности приходилась на 2017 г.

Анализ уровня инновационной активности организаций показал, что положительная тенденция отмечается в сельском хозяйстве, где по отдельным видам деятельности инновационная активность выросла в 1,2–2,0 раза (выращивание однолетних культур, животноводство,

смешанное сельское хозяйство), в обеспечении электрической энергией, строительстве, транспортировке и хранении, разработке компьютерного программного обеспечения, издательской и рекламной деятельности и исследовании конъюнктуры рынка. Основным негативным фактором является снижение инновационной активности промышленного сектора и сферы научных исследований и разработок. В последнем удельный вес инновационно-активных предприятий снизился с 66,7 до 47,5%.

Показателем, характеризующим инновационную активность организаций, является удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации в стране, в общем числе обследованных организаций (рис. 3).

Рис. 2. Уровень инновационной активности организаций в общем числе обследованных организаций Российской Федерации, по видам экономической деятельности (цвет онлайн)

Fig. 2. The level of innovative activity of organizations in the total number of surveyed organizations of the Russian Federation, by type of economic activity (color online)

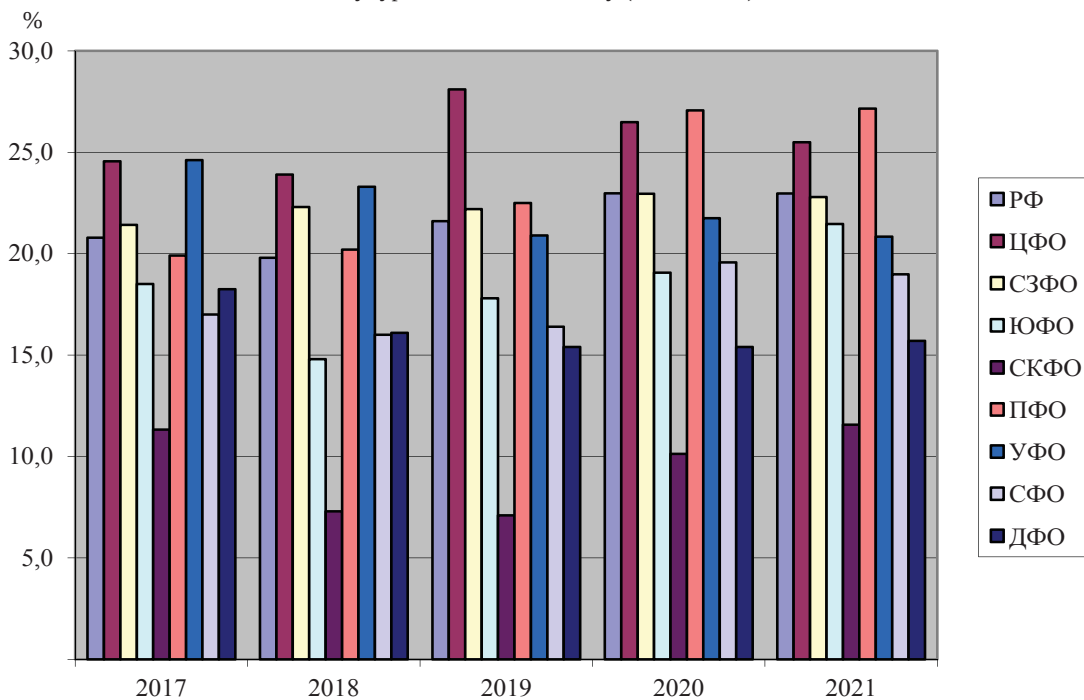

Рис. 3. Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций, по субъектам Российской Федерации (цвет онлайн)

Fig. 3. The share of organizations that carried out technological innovations in the total number of surveyed organizations by subjects of the Russian Federation (color online)

Анализ данных, представленных на рис. 3, показывает невысокий уровень удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе обследованных организаций по всем федеральным округам РФ.

Еще одним фактором недостаточного соответствия российской ситуации мировым трендам является структура патентной активности. Негативная ситуация складывается с количеством заявок на патенты, которое снизилось в 2021 г. на 11,5% по сравнению с 2020 г. и составило почти 31 тыс. (19,6 тыс. отечественных и 11,4 тыс. иностранных заявок). В 2021 г. Роспатент выдал на 17,8% патентов меньше, чем в 2020 г. За период 2011–2020 гг. число патентных заявок на изобретения сократилось на 4%. За этот период в мировом рейтинге Россия опустилась с 10-го на 12-е место по патентной активности.

Но в 2021 г. выросло на 21,8% (составив 25,8 тыс.) число заявок на программы для ЭВМ,

БД, топологии интегральных микросхем. В 2022 г. в Роспатент было отправлено 27 тыс. заявок на изобретения, 70% которых принадлежали российским компаниям.

Необходимым является также рассмотрение динамики затрат на исследования и разработки. Диспропорции в финансировании исследований и разработок сложились достаточно давно, и причины их связаны с недостаточностью темпов роста внутренних затрат на исследования и разработки (ВЗИР) и многолетним недофинансированием науки. Текущие показатели ВЗИР составляют примерно 2/3 от показателя 1990 г. Основным показателем, характеризующим уровень наукоемкости экономики, является доля затрат на науку в ВВП (рис. 4). В 2021 г. она составила 1,0%, и Россия занимает 37-е место в мировом рейтинге (например, аналогичный показатель в США достигает 3,45%, в Китае – 2,4%, в Японии – 3,27%).

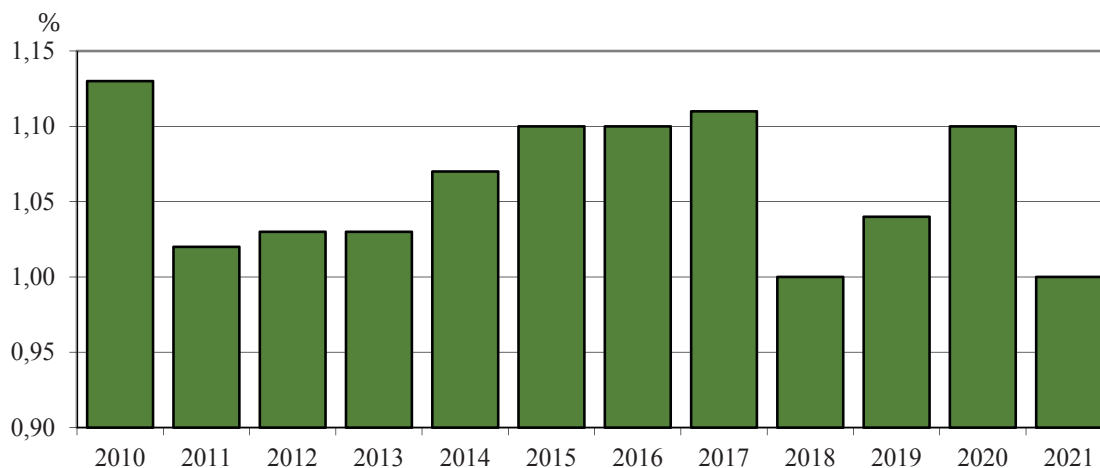

Рис. 4. Доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП по Российской Федерации

Fig. 4. The share of domestic research and development costs in the GDP of the Russian Federation

Диспропорции наблюдаются и в структуре средств, направленных на финансирование НИОКР. За рубежом исследования и разработки финансируются в основном за счет собственных средств предприятий, тогда как в России на их долю приходится 29,5% от общих расходов на НИОКР, а в основном финансирование осуществляется за счет средств федерального и региональных бюджетов (примерно 67,0% всех расходов). Доля предприятий, имеющих поддержку от государства на проведение исследований и разработок, составляет лишь 2,0%, при этом среди малых предприятий этот показатель равен 1,0%, а среди крупных – достигает 4,0%.

Аналогичные показатели в США, Канаде, европейских странах значительно выше: 24% малых предприятий получают субсидии от го-

сударства и 37% предприятий крупного бизнеса получают государственную поддержку на проведение НИОКР.

Проблемы недофинансирования науки проявляются при изучении причин недостаточной технологической оснащенности экономики. Основной вклад в создание и развитие техники и технологий обеспечивали научные организации и вузы, что в целом составляло около 40% новых решений для производств. Но по факту этого недостаточно для повышения интенсивности технологического переоснащения и трансформации производств. Именно поэтому до недавнего времени реальный сектор экономики приобретал оборудование и технологии за рубежом.

Только активизация процесса внедрения новых производственных технологий, повышение

инновационной активности предприятий, сопровождаемые достижением технологического суверенитета, будут способствовать технологической трансформации экономики и модернизации промышленных производств.

Результаты исследования

Обобщая результаты теоретического и эмпирического анализа, представляется возможным определить характеристику технологического суверенитета с точки зрения задач, которые он позволит решить при его достижении, а именно:

- 1) достижение независимости от зарубежной техники и технологий;
- 2) создание собственных конкурентоспособных продуктов и решений.

Опыт крупных азиатских стран (Япония, Южная Корея и Китай) показывает, что они прошли данный путь развития за 10–30 лет. В ходе исследования также были выявлены и обобщены приоритетные векторы и меры по развитию технологического суверенитета лидеров в решении данной проблемы. В таблице представлен опыт и приоритеты развития зарубежных стран и РФ по обеспечению собственного технологического суверенитета.

Достижение технологического суверенитета – основная задача экономической политики текущей реальности и обозримого будущего, решение которой предполагает владение определенным набором критических технологий. Особенно это становится актуальным в период сворачивания глобализации и разделения мира на конкурирующие техноэкономические блоки, что порождает долгосрочный тренд на технологический суверенитет и высокую вероятность изнуряющей гонки за лидерство. Технологический суверенитет – необходимое условие сохранения суверенитета как такового. В современном мире это подразумевает существование внутренней экосистемы, локальной цифровой платформы, которая развивает национальные ноу-хау и индустрии и создает барьеры для интервенции со стороны внешних рынков. В аналитических исследованиях по данному вопросу отмечается, что России необходимо создать собственный «Алмазный фонд технологических разработок», обеспечивающих технологическое превосходство или технологический паритет [28]. По мнению спецпредставителя президента по цифровизации Д. Пескова, за 10–20 лет можно создать 30–50 собственных линий передовых разработок, которые смогут обеспечить продовольствие, безопасность, медицину и связность в рамках устойчивого развития экономики РФ.

Достижение технологического суверенитета – одна из наиболее сложных задач в создании новой модели суверенной экономики, но не единственная (рис. 5).

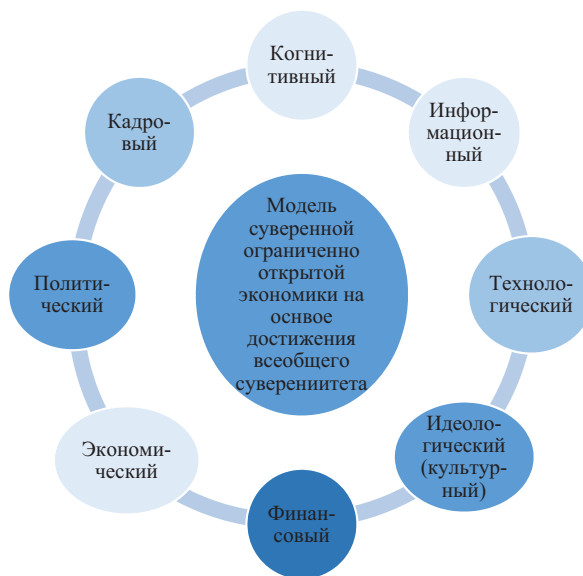

Рис. 5. Виды суверенитета, обеспечивающие построение модели суверенной ограничено открытой экономики на основе достижения всеобщего суверенитета (цветовой фон показывает степень развития видového суверенитета в РФ: более насыщенный цвет соответствует более высокому уровню суверенитета в России) (цвет онлайн)

Fig. 5. Types of sovereignty that ensure the construction of a model of a sovereign limited open economy based on the achievement of universal sovereignty (the colour background shows the degree of development of specific sovereignty in the Russian Federation: a richer colour corresponds to a higher level of sovereignty in Russia) (color online)

Опыт и результаты практического исследования по данной проблеме позволили выявить определенный набор видовых элементов, способных обеспечить всеобщий суверенитет и устойчивое развитие Российской Федерации в стратегическом плане.

1. *Финансовый суверенитет*, предполагающий долгосрочную сбалансированность госфинансов. При этом улучшение монетарной и фискальной политики должно быть основано на экономическом росте и доходах населения. Уровень финансового суверенитета России достаточно высок, что подтверждается низкими заимствованиями в валюте.

2. *Кадровый суверенитет* – это обеспечение когнитивной независимости страны и своего развития на основе использования собственных кадров. Принципами кадровой независимости являются: развитие таланта человека; отождествление человеком своего будущего с

Опыт и приоритеты развития зарубежных стран и РФ по обеспечению собственного технологического суверенитета
 Table. Experience and priorities of development of foreign countries and the Russian Federation to ensure their own technological sovereignty

Страна	Приоритеты	Сущность развития технологического суверенитета	Прорывные отрасли	Определяющие факторы достижения технологического суверенитета	Меры по обеспечению технологического суверенитета
Страны Евросоюза	Суверенный контроль над ключевыми технологиями	Принятие технологического суверенитета в качестве национальной модели развития. Свобода в выборе развития и обслуживания собственной инфраструктуры, технологий, навыков, компетенций, а также снижение критической зависимости от третьих стран	Энергетическая и цифровая трансформации экономики; микроэлектроника; квантовые вычисления; искусственный интеллект и блокчейн; цепочки поставок	Технологическая автономность Надежность партнерских отношений Увеличение ассигнований на НИОКР	1) обеспечение лидерства в тех областях, где уже есть преимущество или потенциал для создания новых рынков; 2) разработка и внедрение стандартов и норм в цифровом пространстве; 3) координация при принятии решений и объединение ресурсов всех государств-участников Союза; 4) привлечение и удержание высококвалифицированных специалистов; 5) обеспечение надежности цепей поставок производственных запасов, оборудования, энергоресурсов
Китай	Самостоятельность и целостность промышленной системы	Двухконтурная модель развития, предполагающая преимущественный акцент на внутренний контур и спрос, по сравнению с внешним, ориентированным на внешние рынки и ресурсы	5G; зеленая энергетика; беспроводные авто; квантовые технологии	Увеличение фундаментальных исследований Накопление портфеля патентов	1) развитие образовательной системы; 2) приглашение к сотрудничеству иностранных экспертов; 3) стимулирование уровня патентной активности в стране
Япония	Концепция «сверхумного» общества, опирающегося на технологии интернет-вебсайтов, больших данных и искусственного интеллекта	Страна использует большинство своих разработок для улучшения качества жизни людей и защиты окружающей среды	Робототехника; «зеленая» энергетика; освоение космоса	Государственное регулирование внешнеэкономических связей Развитие нетрадиционных научных исследований Высокий уровень образованности кадров и стандартов обучения Развитая информационная инфраструктура	1) увеличение средств на финансирование деятельности молодых ученых и стимулирование спроса на науку за счет государственных и частных вложений; 2) повышение уровня профессиональной мобильности; 3) стимулирование роста научных исследований путем субсидирования деятельности лабораторий с помощью грантовой поддержки; 4) создание системы инноваций на основе тесного взаимодействия политических институтов, частных компаний и академических кругов, работающих в сфере научных технологий; 5) укрепление социальной платформы научно-технологической и инновационной политики; 6) расширение деятельности национальных научно-технологических агентств как «инновационных хабов», стимулирующих интерес к научному развитию

Окончание таблицы / Continuation of the Table

Страна	Приоритеты	Сущность развития технологического суверенитета	Прорывные отрасли	Определяющие факторы достижения технологического суверенитета	Меры по обеспечению технологического суверенитета
Россия	Новая модель суверенной ограниченно открытой экономики	Правительственная программа, предполагающая приоритет замены импорта на собственные технологии и разработки	Беспилотный транспорт; производство электромобилей и персональных медицинских устройств; фармацевтической, химической, энергетической и авиационной промышленности; проекты создания инфраструктуры и оказания услуг	Развитие когнитивного суверенитета Стимулирование выработки собственных экономических и технологических идей Развитие фундаментальных технологий, позволяющих создавать продукты с помощью цифровых инструментов Расширение транспортных технологий на основе создания двигателей и маршрутов со странами-партнерами Использование климатических технологий, направленных на управление циклом воды, углерода и метана и способных осуществить климатическую адаптацию	1) формирование государственного технического заказа; 2) деятельность научно-образовательных центров, образованных по нацпроекту «Наука и университеты»; 3) работа государственных и частных предприятий в рамках Концепции научно-технологического развития страны; 4) реализация «проектов-маяков» в сфере беспилотного транспорта, электромобилей и персональных медицинских приборов; 5) формирование отечественных специалистов на базе инженерных школ

будущим своей страны; высокая профессиональная мотивация. Кадровая политика должна коррелироваться с программами регионального и муниципального развития и быть направлена на поддержание комфортной социальной и жизненной среды в регионах.

3. *Политический суверенитет* как верховенство и независимость государственной власти внутри страны и независимость в международных отношениях, обеспечивающий полномочия народа и свободу нации в выборе пути развития.

4. *Экономический суверенитет*, под которым понимается степень автономности воспроизводства субъекта (индивида, общности), определяемая границами свободы принятия хозяйственных решений и присвоения результатов их реализации.

5. *Информационный суверенитет*, позволяющий технологически и законодательно обеспечить независимость государства и прав граждан в информационном пространстве от внешних угроз. На данный момент полным информационным суверенитетом не обладает ни одно государство, но его уровень в странах различен.

6. *Идеологический (культурный) суверенитет*, основанный на собственной государственной идеологии и культуре, формирующих идентичность, социально-психологическую и культурную независимость от внешнего деструктивного идеологического и информационного влияния и сохраняющих историческую память и традиционные духовно-нравственные ценности.

7. *Когнитивный суверенитет* как способность создавать новые интеллектуальные продукты и проводить собственную независимую экспертизу будущих научных концепций, поэтому без него не может быть технологического суверенитета.

8. *Технологический суверенитет*, предполагающий научно-техническое и промышленное развитие собственных технологий, производств, инфраструктуры, независимость политики, экономики от иностранных технологий.

Заключение

Резюмируя все вышеизложенное, следует подчеркнуть, что в среднесрочной перспективе внимание и усилия экономистов, практиков, исследователей будут концентрироваться: на вопросах построения новой модели ограниченно открытой экономики суверенного типа; на исследованиях технологического суверенитета как ее важнейшей основы; на актуализации разработок по промышленной политике как механизма обеспечения технологического суверенитета.

В рамках настоящего исследования проанализированы сущность и понятие технологического суверенитета, обобщен опыт зарубежных стран и Российской Федерации по обеспечению собственного технологического суверенитета, определены и конкретизированы виды суверенитета, обеспечивающие достижение всеобщего суверенитета.

Технологический суверенитет – это не изоляция экономики и государства в целом, а состояние, при котором обеспечивается высокий уровень национальной безопасности даже в условиях развития и углубленных интеграционных процессов.

Список литературы

1. *Алешин В. И.* Современный научно-технический потенциал: его структура и управление // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 4. С. 103–115.
2. *Анчишкин А. И.* Научно-технический прогресс и повышение эффективности общественного производства. М. : О-во «Знание» РСФСР, 1986. 40 с.
3. *Афанасьев А. А.* Технологический суверенитет: к вопросу о сущности // Креативная экономика. 2022. Т. 16, № 10. С. 3691–3708. <https://doi.org/10.18334/ce.16.10.116406>
4. *Витун С. Е.* Научно-технический потенциал региона и результативность его использования // Новая экономика. 2010. № 1. С. 55–61.
5. *Задумкин К. А., Кондаков И. А.* Научно-технический потенциал региона: оценка состояния и перспективы развития. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2010. 205 с.
6. *Семенов Е. В.* Научно-технологическая сфера: способы представления объекта // Наука. Инновации. Образование. 2013. Т. 8, № 2. С. 82–98.
7. *Федосеев С. В., Тумар О. С.* Научно-технический потенциал в составе совокупного экономического потенциала // Записки Горного института. 2011. Т. 191. С. 309–315.
8. *Анищенко В. Н.* Проблемы технологического развития России в условиях мировой экономической интеграции // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16, № 6. С. 38–42. <https://doi.org/10.33693/2541-8025-2020-16-6-38-42>
9. *Бабурина О. Н., Гуриева Л. К.* Научно-технологический императив конкурентоспособности России в условиях концептуализации четвертой промышленной революции (Industrie 4.0) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 15, вып. 3. С. 396–416.
10. *Варшавский А. Е.* Пространственное неравенство и центростремительное движение населения России: угрозы экономической, научно-технологической и национальной безопасности // Концепции. 2018. № 1 (37). С. 3–27.
11. *Егеров С. В.* Страны глобального мира в поисках технологической самодостаточности // Материалы Международной конференции Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвященной 90-летию Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. М. : Изд-во Ин-та истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, 2022. С. 237–239.
12. *Дутов А. В., Клочков В. В.* Проблемы технологического развития России и модернизация прикладной науки // Инновации. 2019. № 3. С. 3–7.
13. *Ленчук Е. Б.* Научно-технологическое развитие как стратегический национальный приоритет России // Экономическое возрождение России. 2022. № 1 (71). С. 58–65. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-1-71-58-65>
14. *Ковалев С. Г.* Технологическая суверенность России в новейшем мировом порядке // Философия хозяйства. 2020. № 6. С. 29–46.
15. *Ковалев С. Г.* Парадигма миропорядка и суверенной геостратегии России // Философия хозяйства. 2019. № 4. С. 71–83.
16. *Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C.* European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy // Intereconomics. 2021. № 6. P. 348–354. <https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6>
17. *March C., Schieferdecker I.* Technological Sovereignty as Ability, Not Autarky // CESifo Working Paper № 9139. 2021. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3872378>
18. *Квинт В. Л., Новикова И. В., Алимуратов М. К., Сасаев Н. И.* Стратегирование технологического суверенитета национальной экономики // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 57–67. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-9-57-67>
19. *Афанасьев А. А.* «Технологический суверенитет» как научная категория в системе современного знания // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 9. С. 2377–2394. <https://doi.org/10.18334/erp.12.9.116243>
20. *Фальцман В. К.* Технологические суверенитеты России. Статистические измерения // Современная Европа. 2018. № 3 (82). С. 83–91. <https://doi.org/10.15211/soveurope320188391>
21. *Кокошин А. А.* Национальные интересы, реальный суверенитет и национальная безопасность // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 5–19.
22. *Дмитрий Песков.* Почему для России важен технологический суверенитет // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/06/10/62a0e95b9a79472d8b713207> (дата обращения: 09.02.2023).
23. *Андрей Белоусов назвал главные направления технологической политики* // Роспатент. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/belousov-tehnologicheskaya-politika-18072022> (дата обращения: 10.02.2023).
24. *Обеспечение технологического суверенитета России* // Спецмаш. URL: <https://npf-spemash.ru/stati/tekhnologicheskij-suverenitet#:~:text=Вице-премьер%20Дмитрий%20Чернышенко%2C%20выступая%20на,и%20формирования%20зависимости%20от%20них> (дата обращения: 11.02.2023).

25. Edler J., Blind K., Frietsch R., Kimpeler S., Kroll H., Lerch Ch., Reiss T., Roth F., Schubert T., Schuler J., Walz R. Technologiesouveränität. Von der Forderung zum Konzept. Karlsruhe : Verlag, 2020. 32 S. <https://doi.org/10.24406/publica-fhg-300301>
26. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
27. Индикаторы науки: 2022 : стат. сб. М. : НИУ ВШЭ, 2022. 400 с.
28. В Кремле назвали сроки достижения Россией технологического суверенитета // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/06/2022/62b9147b9a7947727cf15fca> (дата обращения: 11.02.2023).
10. Varshavsky A. E. Spatial inequality and centripetal movement of the Russian population: Threats to economic, scientific, technological and national security. *Konceptsi* [Concepts], 2018, no. 1 (37), pp. 3–27 (in Russian).
11. Egrev S. V. Countries of the global world in search of technological self-sufficiency. In: *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii Rossiiskogo natsional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki RAN, posvyashchennoy 90-letiyu Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S. I. Vavilova RAN* [Materials of the International Conference of the Russian National Committee for the History and Philosophy of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, dedicated to the 90th anniversary of the S. I. Vavilov Institute of the History of Natural Science and Technology of the RAS]. Moscow, S. I. Vavilov Institute of the History of Natural Science and Technology of the RAS Publ., 2022, pp. 237–239 (in Russian).
12. Dutov A. V., Klochkov V. V. Problems of technological development of Russia and modernization of applied science. *Innovatsii* [Innovations], 2019, no. 3, pp. 3–7 (in Russian).
13. Lenchuk E. B. Science and technology development as a strategic national priority of Russia. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii* [Economic Revival of Russia], 2022, no. 1 (71), pp. 58–65 (in Russian). <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-1-71-58-65>
14. Kovalev S. G. Technological sovereignty of Russia in the newest world order. *Filosofiya hoziaystva* [Philosophy of Economy], 2020, no. 6, pp. 29–46 (in Russian).
15. Kovalev S. G. The paradigm of the world order and sovereign geostrategy of Russia. *Filosofiya hoziaystva* [Philosophy of Economy], 2019, no. 4, pp. 71–83 (in Russian).
16. Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C. European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy. *Intereconomics*, 2021, no. 6, pp. 348–354. <https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6>
17. March C., Schieferdecker I. Technological Sovereignty as Ability, Not Autarky. *CESifo Working Paper* No. 9139. 2021. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3872378>
18. Kvint V. L., Novikova I. V., Alimuradov M. K., Sasaev N. I. Strategizing the National Economy during a Period of Burgeoning Technological Sovereignty. *Administrative Consulting*, 2022, no. 9, pp. 57–67 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-9-57-67>
19. Afanasyev A. A. Technological sovereignty as a scientific category in the contemporary knowledge system. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo*, 2022, vol. 12, no. 9, pp. 2377–2394 (in Russian). <https://doi.org/10.18334/epp.12.9.116243>
20. Faltsman V. K. Statistical measurements of Russia's. Technological sovereignty. *Contemporary Europe*, 2018, no. 3 (82), pp. 83–91 (in Russian). <https://doi.org/10.15211/soveurope320188391>
21. Kokoshin A. A. National interests, real sovereignty and national security. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2015, no. 10, pp. 5–19 (in Russian).

References

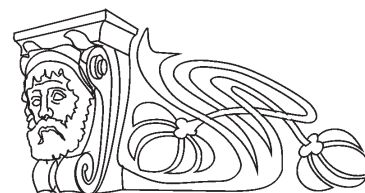
22. Dmitry Peskov. Why technological sovereignty is important for Russia. *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/06/10/62a0e95b9a79472d8b713207> (accessed February 9, 2023) (in Russian).
23. Andrey Belousov named the main directions of technological policy. *Rospatent*. Available at: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/belousov-tehnologicheskaya-politika-18072022> (accessed February 10, 2023) (in Russian).
24. Ensuring technological sovereignty of Russia. *Specmash*. Available at: <https://npf-specmash.ru/stati/tekhnologicheskij-suverenitet#:~:text=Вице-премьер%20Дмитрий%20Чернышенко%2C%20выступая%20на,и%20формирования%20зависимости%20от%20них> (accessed February 11, 2023) (in Russian).
25. Edler J., Blind K., Frietsch R., Kimpeler S., Kroll H., Lerch Ch., Reiss T., Roth F., Schubert T., Schuler J., Walz R. *Technology sovereignty. From demand to concept*. Karlsruhe, Verlag, 2020. 32 p. (in German). <https://doi.org/10.24406/publica-fhg-300301>
26. On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation no. 642 of December 1, 2016. *АТР «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
27. Science and Technology Indicators in the Russian Federation: 2022: Data Book. Moscow, HSE Publ., 2022. 400 p. (in Russian).
28. The Kremlin called the timing of Russia's achievement of technological sovereignty. *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/27/06/2022/62b9147b9a7947727cf15fca> (accessed February 11, 2023) (in Russian).

Поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 20.03.2023; принята к публикации 25.03.2023
The article was submitted 17.02.2023; approved after reviewing 20.03.2023; accepted for publication 25.03.2023

Научная статья
УДК 004.8.004.735

Роль искусственного интеллекта в развитии экосистем в российской экономике

О. Ю. Красильников

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410600, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Красильников Олег Юрьевич, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, ok-russia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2211-4370>

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются проблемы формирования и развития экосистем как новых форм организационно-хозяйственных отношений в экономике России. Исследованы искусственный интеллект и нейронные сети в качестве элементов построения современных экономических экосистем. **Теоретический анализ.** Представлена классификация сервисов и платформ экосистем, исследованы способы их формирования с использованием искусственного интеллекта. Среди сервисов, предоставляемых экосистемами, можно выделить следующие, сгруппированные по сферам деятельности: в сфере информационных технологий – облачные технологии; в сфере жизнедеятельности – социальные сети; в сфере финансов – интернет-банкинг. В случае предоставления данных сервисов искусственный интеллект при помощи специальных файлов «cookies» автоматически сохраняет практически любую информацию о клиенте. Выделяется два способа формирования экосистем с участием искусственного интеллекта: создание соответствующего функционала на основе крупного финансового учреждения и становление интеллектуальной платформы на базе мощной интернет-компании или оператора мобильной связи. С точки зрения внедрения элементов искусственного интеллекта и нейросетей проанализированы основные экосистемы в российской экономике: Сбер, ВТБ, Тинькофф, Яндекс, Mail.ru Group и МТС. **Результаты.** Современные интеграционные процессы приводят к тому, что на основе экосистем создаются метавселенные, в которых нейронные сети и искусственный интеллект играют решающую роль. Указанные тенденции требуют дальнейшего изучения и научного осмысления, а также разработки соответствующей государственной стратегии регулирования экосистем и программ внедрения элементов искусственного интеллекта в механизмы экономического развития.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, экосистема, интернет-платформа, онлайн и офлайн сервисы, метавселенная

Для цитирования: Красильников О. Ю. Роль искусственного интеллекта в развитии экосистем в российской экономике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 146–152. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-146-152>, EDN: GQSWPT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role of artificial intelligence in the development of ecosystems in the Russian economy

O. Yu. Krasilnikov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Oleg Yu. Krasilnikov, ok-russia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2211-4370>

Abstract. Introduction. The article deals with the problems of ecosystems formation and development as new forms of organizational and economic relations in the Russian economy. Artificial intelligence and neural networks are studied as elements of the modern economic ecosystems construction. **Theoretical analysis.** The classification of ecosystem services and platforms is presented, the ways of their formation using artificial intelligence are investigated. Among the services provided by ecosystems, the following services grouped by fields of activity can be distinguished: in the field of information technology there are cloud technologies; in the field of life – social networks; in the field of finance – Internet banking. In the case of providing these services, artificial intelligence automatically saves almost all the information about the client using special files-cookies. There are two ways of forming ecosystems with the participation of artificial intelligence: the creation of appropriate functionality based on a large financial institution and the formation of an intelligent platform based on a powerful Internet company or a mobile operator. From the point of view of the introduction of artificial intelligence elements and neural networks, the main ecosystems in the Russian economy are analyzed: Sber, VTB, Tinkoff, Yandex, Mail.ru Group and MTS. **Results.** Modern integration processes lead to the creation of metaverses based on ecosystems, in which neural networks and artificial intelligence play a crucial role. These trends require further study and scientific understanding, as well as the development of an appropriate state strategy for regulating ecosystems and programs for the introduction of artificial intelligence elements into economic development mechanisms.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, ecosystem, internet platform, online and offline services, metaverse

For citation: Krasilnikov O. Yu. The role of artificial intelligence in the development of ecosystems in the Russian economy. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 146–152 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-146-152>, EDN: GQSWPT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и цифровой экономики в целом кардинально меняют всю систему хозяйственных связей и отношений между индивидами, фирмами и государством. По оценкам аналитиков компаний «Huawei» и «Oxford Economics», в 2016 г. доля цифровой экономики составляла 15,5% мирового валового продукта и к 2025 г. она может увеличиться до 24,3%. При этом в последние годы цифровая экономика демонстрировала рост в 2,5 раза по отношению к мировому хозяйству в целом [1]. На наш взгляд, одним из сопутствующих эффектов (spillover effect) подобного развития является появление так называемых экосистем.

В современной теории пока не сложилось определенного научного понимания данного феномена. Поэтому при его рассмотрении будем отталкиваться от практики хозяйствования. По нашему мнению, экосистемой можно назвать совокупность программных компонентов и сервисов, позволяющих пользователю получить разнообразный набор товаров и услуг на базе единой интегрированной интернет-площадки (платформы). Различают закрытые и открытые интернет-платформы. Вокруг первых пользователи группируются на основе отбора по определенным критериям, вторые изначально доступны максимально широкому кругу лиц. Экосистемы по определению предполагают наибольшую публичность и открытость.

Важную роль в создании и функционировании экосистем играет так называемый искусственный интеллект (ИИ). Это информационно-компьютерная система, способная на интеллектуальном уровне выполнять действия, свойственные человеческому мозгу, самообучаться, принимать решения и управлять различными, в том числе экономическими процессами.

В силу массовости охвата потребителей и внедрения элементов искусственного интеллекта экосистемы обладают определенным конкурентным преимуществом, а именно возможностью экономить на производственных и транзакционных издержках по причине существования эффекта масштаба, сетевых взаимодействий и замены человеческого фактора интеллектуальными машинными системами. Подобные эффекты также положительно влияют на потребителей, поскольку цены реализации конечных

товаров и услуг в итоге оказываются ниже, чем у не объединенных в систему конкурентов.

Теоретический анализ

Современные экосистемы, как правило, состоят из совокупности нескольких платформ, на которых клиенту предоставляются различные продукты и услуги. Кроме того, экосистема может включать разнообразные офлайн-сервисы, предлагаемые через сеть представительств и филиалов. Крупнейшие экосистемы развивают широкую линейку сервисов для удовлетворения большинства основных потребностей человека, таких как покупка или аренда жилья, услуги образования и здравоохранения, путешествия, пассажирские перевозки, мобильная связь, социальные сети, финансовые продукты, купля-продажа товаров и услуг. В представленной ниже таблице нами сгруппированы основные сервисы экосистемы на основе классификации, предложенной Банком России.

Сервисы экосистемы [2]
Table. Ecosystem services [2]

№	Сфера	Сервисные услуги
1	Информационные технологии	– голосовой помощник – облако – операционная система – поисковый сервис – телеком-сервисы
2	Образ жизни	– аренда/продажа недвижимости – видео/кинотеатры – развлечения (игры, книги, музыка) – навигатор и путеводители – онлайн-обучение – соцсети/мессенджеры – такси/каршеринг – прочее
3	Финансы	– ипотека – кредит – платежи – сбережения – страхование – управление активами
4	Электронная коммерция	– товарный маркетплейс – интернет-магазин

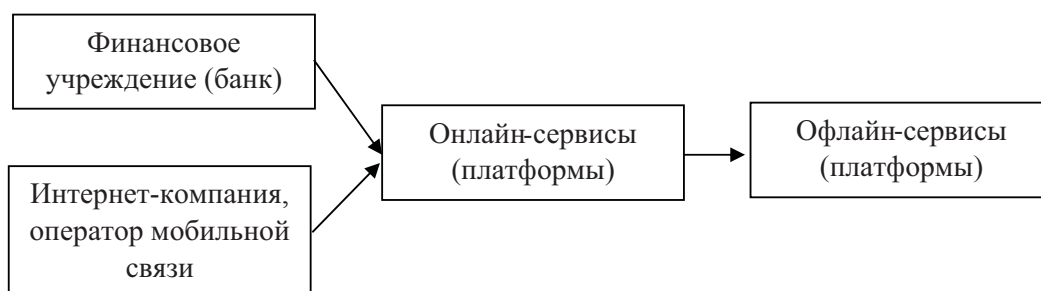
Экосистемы могут быть также выстроены вокруг одной или нескольких базовых потребностей – например, экосистема финансов помимо

платформы по размещению денежных средств или получению кредита может включать также связанные продукты, начиная от страхования и заканчивая услугами по финансовому консультированию. При этом экосистемы способны развивать свои сервисы как для физических, так и для юридических лиц. Важной характеристикой экосистемы, включающей элементы искусственного интеллекта, является составление единого «профиля клиента», обобщение сведений обо всех его приобретениях и платежах, а также использование этих данных для адресного предложения пользователю товаров и услуг. При этом искусственный интеллект при помощи

специальных файлов «cookies» автоматически сохраняет практически любую информацию о клиенте: чем интересовался, что покупал, какими услугами пользовался и т.д.

Можно выделить как минимум два способа формирования экосистем с участием искусственного интеллекта. Первый – это создание соответствующего многопрофильного интернет-функционала вокруг крупного финансового (банковского) учреждения. Второй путь – формирование финансовых и других платформ по технологическому принципу на основе мощной интернет-компании (доткома, поисковика) или оператора мобильной связи (рисунок).

Способы формирования экосистем
Figure. Methods of ecosystem formation

Большинство крупнейших международных экосистем создавались именно по второму типу – это четыре американские технологические компании: «Google», «Apple», «Facebook» и «Amazon», а также две китайские: «Alibaba» и «Tencent». Сейчас наблюдается движение бигтехкомпаний в сторону финансового рынка: встраивая в свои платформы финансовые продукты, такие экосистемы либо предпочитают партнерства с классическими финансовыми институтами (банками, инвестиционными компаниями и т.п.), либо создают платежно-расчетный центр внутри самой фирмы.

Рассмотрим наиболее известные российские экосистемы по способам их формирования с участием элементов искусственного интеллекта. По первому типу создавались следующие крупнейшие игроки отечественного рынка: Сбер, ВТБ и Тинькофф.

1. *Сбер*, финансовым ядром которого является Сбербанк, одним из первых стал внедрять в свою работу ИИ. Он занимает доминирующее положение в российской банковской системе, обслуживая более половины всех клиентов – физических и юридических лиц. Доля Сбербанка по количеству их счетов составляет 56%. Банк контролирует порядка 65% активных платежных карт, а также более 70% оборота торгового

эквайринга и P2P-переводов («Person to Person», т. е. от человека к человеку) [2]. Таким образом, экосистема Сбера развивается, используя преимущества в финансовой сфере, накопленную клиентскую базу и инсайдерскую информацию о клиентах.

Искусственный интеллект применяется в Сбере для распознавания и анализа речи, классификации обращений клиентов виртуальным помощником, верификации сканов документов, создания новых продуктов, обслуживания банкоматов, построения маршрутов инкассации, кредитования, применения роботов-коллекторов и кибербезопасности. По результатам 2022 г., применение искусственного интеллекта повысило решаемость вопросов корпоративных клиентов при первом обращении на 20% и дало суммарный экономический эффект в 230 млрд руб. [3].

В настоящее время Сбер занимается увеличением количества предоставляемых клиентам нефинансовых офлайн-услуг, которые также связаны с системой ИИ. Частично это достигается путем приобретения соответствующих профильных бизнесов и стартапов в различных отраслях – от обработки данных (Big Data) до телемедицины. Ядром экосистемы служат финансовые подразделения и целый ряд исследовательских лабораторий, отвечающих за координацию ком-

плексного развития на основе распространения лучшего опыта обслуживания клиентов. В целях развития экосистемы Сбер тестирует новые рыночные ниши, создает логистические центры и собственные службы доставки. Все сервисы экосистемы Сбера имеют единые элементы, некоторые из которых на платной основе предоставляются всем желающим (например, услуги по киберзащите от хакерских атак в интернете). Интегрирующим механизмом регистрации и идентификации клиентов в экосистеме служит Сбер ID – единый вход в сервисы Сбербанка и партнеров. Развивая собственные цифровые платформы на основе искусственного интеллекта, Сбер старается учитывать востребованность тех или иных онлайн- и офлайн-услуг среди населения и юридических лиц посредством анализа потребительских запросов, учитывая спрос на рынке цифровых и натуральных продуктов – от сетевых игр до готовой еды.

2. ВТБ обозначил свою стратегию развития как построение открытой экосистемы на основе цифрового партнерства с применением искусственного интеллекта на базе нейросетей. Нейросеть (нейронная сеть) – это искусственно созданная электронно-математическая среда, работающая по принципам нервной системы живых организмов. С использованием ИИ банк определил несколько важнейших позиций осуществления стратегии построения собственной экосистемы: высокотехнологичные компании, электронная коммерция и ритейл, телеком, сервисы объявлений, индустрия развлечений, ипотечное кредитование и транспортная отрасль. Одним из примеров внедрения ИИ в деятельность ВТБ является применение для работы с клиентами робота-советника, с помощью которого даже неопытный пользователь может начать с успехом инвестировать на фондовом рынке.

3. Тинькофф является, пожалуй, одним из лидеров применения элементов искусственного интеллекта, так как данная экосистема с самого начала строилась на основе банка с дистанционным обслуживанием клиентов. Уникальностью данного финансового учреждения являлось то, что у него не было ни одного регионального филиала или представительства при наличии центрального офиса только в Москве. При этом почти вся территория России охвачена деятельностью банка. Имеется также небольшая сеть банкоматов в крупных городах. Тинькофф-банк одним из первых смог доказать, что организация банковского бизнеса может быть построена на использовании электронных интернет-систем при едва ли не полном отсутствии офлайн-офисов и многочисленного персонала операционного

обслуживания клиентов. Позже к интернет-банкингу компания подключила дополнительные виды услуг: страхование, бронирование отелей и ресторанов, бухгалтерское и платежное обслуживание для бизнеса, инструменты для инвесторов и многие другие. Так возникла полноценная экосистема Тинькофф, которая предоставляет следующие сервисы с использованием искусственного интеллекта:

- инвестиции в ценные бумаги (Тинькофф-Инвестиции);
- страхование имущества, жизни и т. д. (Тинькофф-Страхование);
- эффективное бизнес-обслуживание (Тинькофф-Бизнес);
- сотовая связь и мобильный интернет (Тинькофф-Мобайл);
- организация отпуска и путешествий (Тинькофф-Путешествия);
- услуги в сфере образования (Тинькофф-Учебник и Тинькофф-Образование).

Указанный список сервисов постоянно расширяется. В настоящее время фирма позиционирует себя как финансовую онлайн-экосистему, во-многом действующую на основе ИИ и нейросетей, выстроенную вокруг потребностей клиента, охватывающую многие аспекты его жизнедеятельности. Особое внимание Тинькофф уделяет развитию лайфстайл-банкинга (банка как спутника жизни): экосистема дает клиентам возможность анализировать и рассчитывать личные траты, инвестировать сбережения, получать бонусы в рамках программ лояльности, бронировать отели, планировать путешествия, покупать билеты в кино и многое другое. Единым способом доступа к онлайн-экосистеме Тинькофф является мобильное суперприложение. В соответствии с задуманной программой развития в фокусе экосистемы сосредоточены такие направления, как онлайн-ритейл с возможностью заказов товаров, услуг и продуктов питания, досуг и развлечения (квесты, экскурсии и т.д.), здоровье (фитнес и велнес), доставка еды, автозаправки, транспорт (например, каршеринг), управление инвестициями и пр. Суперприложение, выстроенное с применением элементов искусственного интеллекта, аккумулирует в себе широкий перечень как собственных продуктов компании Тинькофф, так и сервисы его партнеров, которые будут встраиваться в экосистему через общий интерфейс приложения.

К крупнейшим российским экосистемам, формирующимся по второму (технологическому) типу и использующим искусственный интеллект, можно отнести Яндекс, Mail.ru Group и МТС.

4. *Яндекс* – первоначально создавался как классический интернет-поисковик. На сегодняшний день является одной из крупнейших информационно-технологических интеллектуальных компаний, выстроивших за последние годы эффективно функционирующую экосистему с большим потенциалом дальнейшего развития. С 1998 г. и на протяжении многих лет бизнес *Яндекса* был построен вокруг информационных продуктов и услуг, таких как поиск данных, электронная почта, новости, а монетизация достигалась за счет интернет-рекламы, соответствующей запросам многочисленных пользователей.

После 2010 г. произошла корректировка основной стратегии развития *Яндекса*. Компания стала осуществлять выход из онлайн- в офлайн-формат посредством развития различных неvirtуальных сервисов (по итогам 2018 г. нерекламная выручка компании достигла 20% [2]). Очевидным преимуществом экосистемы *Яндекса* является единая гибкая технологическая платформа, работающая на основе ИИ: при запуске очередного сервиса все организационно-технические компоненты имеющихся платформ (бренд, менеджмент, реклама и программное обеспечение) встраиваются в обслуживание нового стартапа. Современный технологический охват компании имеет широкий спектр применения: от технологии интеллектуального поиска до биометрического распознавания речи и разработок в области беспилотного автомобилестроения.

Благодаря инновациям пользователи сервисов экосистемы, например «*Яндекс. Видео*» или «*Яндекс. Маркет*», могут осуществлять поисковый запрос голосом, выбирать музыкальные композиции или интересующий товар с заданными характеристиками. Кроме того, на основе технологии интернета вещей *Яндекс* активно разрабатывает экспериментальную систему «умного дома», в которую можно добавить различного рода бытовые устройства: мультиварки, СВЧ-печи, стиральные машины, кондиционеры и т.д., в том числе функционирующие с участием голосового помощника «*Алиса*» и соответствующих приложений для смартфонов.

На основе экосистемной трансформации *Яндекс* превратился из локального поискового механизма в крупнейшего в России генератора инновационных идей в области цифровых технологий и искусственного интеллекта. Так, распределение дорожного трафика в Москве между жителями, водителями, курьерами и таксистами сегодня во многом базируется на использовании платформ «*Яндекс. Карты*», «*Яндекс. На-*

вигатор», «*Яндекс. Транспорт*» и им подобных. Помимо этого, компания проводит широкую образовательную деятельность в сфере развития цифровой экономики.

5. *Mail.ru Group* в русле происходящих изменений позиционирует себя как «экосистема экосистем», указывая, что цель компании – обеспечить оптимальный режим работы всех платформ и найти синергетическую взаимосвязь между проектами, объединяя их общей инфраструктурой и сервисными продуктами. Под синергией здесь понимается связующая роль на основе нейросетей и искусственного интеллекта.

Mail.ru Group представляет собой группу равноправных горизонтально интегрированных подразделений: социальные сети «*Одноклассники*» и «*ВКонтакте*», игровое направление «*My. Games*», почтовый сервис и медиапроекты «*Mail.ru*». За последние годы их дополнили: служба доставки еды «*Delivery Club*», сервис бесплатных объявлений «*Юла*», музыкальный сервис «*BOOM*»; имеются доли в образовательных платформах «*GeekBrains*» и «*Skillbox*», а также в агрегаторе такси «*Ситимобил*». Эти платформы выстроили свои автономные экосистемы. Каждый проект обладает собственной идентичностью и уникальной потребительской ценностью для целевой аудитории пользователей.

Входящие в *Mail.ru Group* платформы выигрывают от экономии на масштабе и синергетического взаимодействия на уровне компаний. Каждый новый участник повышает эффективность деятельности *Mail.ru Group*, а уже входящие в группу платформы и фирмы, в свою очередь, усиливают позиции новых участников. Конечная задача – создать максимально эффективную интеллектуальную экосистему на основе использования нейросетей для ускорения развития существующих платформ и сервисов, а также предложения новых продуктов. Отличительная особенность модели *Mail.ru Group* – взаимодействие крупных партнерств с отечественными и зарубежными экосистемами. Так, вместе с «*Alibaba Group*» планируется развивать электронную коммерцию, а в партнерстве со Сбером – O2O-платформу («online-to-offline» – «торговля из онлайн в офлайн») в областях фудтеха и повышения мобильности экономических (в том числе трудовых) ресурсов, товаров и услуг.

6. *МТС* реализует планы создания на основе ИИ и телекоммуникационного бизнеса офлайн экосистемы с мобильным (в один клик) переходом между сервисами и платформами. Основой экосистемы станут следующие сервисы, в кото-

рых искусственный интеллект играет важную роль: биометрическая идентификация клиентов, использование технологии Big Data и сквозных каналов продаж, развитие сервисов лояльности, а также обновленных систем коммуникации с пользователями. К сферам формирования экосистемы кроме основного бизнеса относятся предоставление финансовых услуг и сервисов с использованием инновационных технологий, телевидение и другие продукты в области развлечений. В настоящее время МТС является эксклюзивным игроком в сфере доставки контента клиентам. В арсенале компании есть разнообразные типы телекоммуникационных каналов: спутниковые, кабельные, интерактивные, мобильные, плюс различные интернет-платформы. Следующим шагом развития возможно производство собственных мобильных средств связи, орбитальных спутников и развлекательного контента, что поставит экосистему МТС в один ряд с Apple и Amazon.

Необходимо отметить, что пандемия коронавируса объективно ускорила развитие экосистем на российском рынке. Переход на дистанционную работу и карантинные меры увеличили потребность в удаленном доступе к онлайн- и офлайн-услугам. Так, по некоторым данным, объем рынка доставки в последние годы повышался примерно на 10–15% в год, а в 2020 г. число продаж в данном сегменте выросло на 60% и продолжает расти по сегодняшний день [4]. Очевидно то, что именно доставка товаров и услуг является обязательным условием и одновременно узким местом функционирования экосистем. Тот, кто создал эффективную логистическую систему доставки, получает неоспоримое конкурентное преимущество перед соперниками. Но такая система может быть построена только на основе использования преимуществ нейросетей и искусственного интеллекта.

Результаты

Стремительное развитие экосистем, с одной стороны, расширяет рамки институционального взаимодействия, с другой – требует изменения государственного регулирования указанных организационных инноваций. Кроме того, с развитием экосистем возникают новые риски для клиентов и поставщиков товаров и услуг [5, с. 154]. Одним из таких рисков являются возможные сбои в функционировании нейронных сетей, действующих на основе искусственного интеллекта.

С формированием экосистем развиваются и приобретают новые формы соответствующие

интернет-экономические отношения. Это отношения между хозяйственными субъектами по поводу создания, распространения, обмена и использования информационного продукта или услуги посредством Глобальной сети Интернет [6, с. 33]. Указанные отношения принимают все более замкнутый характер (в рамках определенной экосистемы), что ограничивает рыночную конкуренцию. Однако конкуренция между самими экосистемами будет возрастать. Подобная дихотомия усиливает экономические риски в данном сегменте рынка.

Кроме того, современные интеграционные процессы приводят к тому, что на основе экосистем создаются метавселенные, в которых нейронные сети и искусственный интеллект играют решающую роль, как, например, компания «Meta», образованная на базе «Facebook». Метавселенная – это постоянно действующее интернет-пространство, в котором люди общаются между собой в качестве своих цифровых двойников (аватаров) на основе технологий виртуальной или дополненной реальности.

Указанные тенденции требуют дальнейшего изучения и научного осмысления, а также разработки соответствующей государственной стратегии регулирования экосистем и программ внедрения элементов искусственного интеллекта в качестве перспективного направления развития российской экономики.

Список литературы

1. Сопутствующий эффект цифровизации. URL: https://unicon.ru/sites/default/files/4_kurs_1.pdf (дата обращения: 25.02.2023).
2. Экосистемы: подходы к регулированию. Доклад для общественных консультаций. Апрель 2021 года // Банк России : [сайт]. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/119960/consultation_paper_02042021.pdf (дата обращения: 25.02.2023).
3. Искусственный интеллект в Сбербанке // TADVIZER : [сайт]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_в_Сбербанке (дата обращения: 27.02.2023).
4. Еда в кармане: продолжится ли рост спроса на доставку в 2022? URL: <https://habr.com/ru/post/587916/> (дата обращения: 28.02.2023).
5. Красильников О. Ю. Проблемы обеспечения безопасности экономического следа личности в интернете // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 152–159. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-2-152-159>
6. Красильников О. Ю., Красильникова Е. В. Интернет-экономика как хозяйственная система. Саратов : ИЦ «Наука», 217. 204 с.

References

1. *Soputstvuyushchiy effekt tsifrovizatsii* (The concomitant effect of digitalization). Available at: https://unecon.ru/sites/default/files/4_kurs_1.pdf (accessed February 25, 2023) (in Russian).
2. Ecosystems: Approaches to regulation. A report for public consultation. April 2021. *Bank of Russia. Site*. Available at: http://www.cbr.ru/content/document/file/119960/consultation_paper_02042021.pdf (accessed February 25, 2023) (in Russian).
3. Artificial intelligence in Sberbank. *TADVIZER. Site*. Available at: https://www.tadviser.ru/index.php/Stat'ja:Iskusstvennyj_intellekt_v_Sberbanke (accessed February 27, 2023) (in Russian).
4. *Eda v karmane: prodolzhitsia li rost sprosa na dostavku v 2022?* (Food in your pocket: Will the demand for delivery continue to grow in 2022?). Available at: <https://habr.com/ru/post/587916/> (accessed February 28, 2023) (in Russian).
5. Krasilnikov O. Yu. Problems of ensuring the security of an individual's economic trace on the Internet. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 152–159 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-2-152-159>
6. Krasil'nikov O. Yu., Krasil'nikova E. V. *Internet-ekonomika kak khoziaystvennaya sistema* [Internet economy as an economic system]. Saratov, Izdatel'skiy tsentr "Nauka", 2017. 204 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 03.03.2023; одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 25.03.2023
The article was submitted 03.03.2023; approved after reviewing 22.03.2023; accepted for publication 25.03.2023

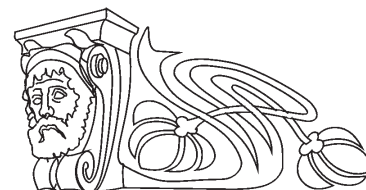

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 153–162
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 153–162
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-153-162>, EDN: IYFGCS

Научная статья
УДК 339.7

Эволюция и тенденции развития мировой валютно-финансовой системы

Н. В. Найденова

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Найденова Наталья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, nat.naid@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0813-6191>

Аннотация. Введение. Структурные изменения мировой экономики и торговли, ее финансиализация способствовали нарастанию нестабильности и обусловили необходимость новой архитектуры мировой валютно-финансовой системы. **Теоретический анализ.** Следствием эволюции мировой валютно-финансовой системы, в процессе которой функция мировых денег перешла от золота к фидуциарным резервным валютам и SDR, явилось формирование ее двухуровневой архитектуры. На верхнем уровне расположились страны с резервными валютами и имеющие благодаря этому привилегию формирования длинных и дешевых пассивов за счет создания государственного и корпоративного долга, финансирования дефицита платежного баланса посредством денежной эмиссии. К нижнему уровню принадлежат остальные страны, не имеющие значительных источников долгосрочных инвестиций, поскольку обязаны поддерживать соответствие национальной денежной базы объему международных резервов. Развитие мировой валютно-финансовой системы в рамках такой архитектуры поддерживалось увеличением объемов финансовых операций, появлением деривативов, целью которых являлось не только хеджирование, но и спекуляция. **Эмпирический анализ.** Выявлено, что если на протяжении 20-летнего периода хронический дефицит торгового и платежного балансов, нарастающий объем государственного долга не являлись для США проблемой, то резкое повышение ставки ФРС в 2022 г., вследствие которого выросла номинальная доходность трежерис, значительно увеличило расходы на обслуживание долга. Снижение степени доверия доллару подталкивает центральные банки к диверсификации международных резервов, в структуре которых стала увеличиваться доля золота. В тех странах, валюты которых не являются резервными, повысился интерес к CBDC. **Результаты.** Повышение значения материальных активов на фоне политической и финансовой нестабильности в мире, а также необходимость использования современных цифровых форм денег открывают рублю возможность стать одной из мировых резервных валют в новой архитектуре многополярной мировой валютно-финансовой системы.

Ключевые слова: фидуциарные валюты, глобализация доллара, резервные валюты, международные резервы, повышение роли монетарного золота, риск долгового кризиса, цифровая валюта, двухконтурная финансовая система, финансовая независимость, условия обеспеченности рубль

Для цитирования: Найденова Н. В. Эволюция и тенденции развития мировой валютно-финансовой системы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 153–162. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-153-162>, EDN: IYFGCS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Evolution and development trends of the world monetary and financial system

Natalia V. Naidenova

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Natalia V. Naidenova, nat.naid@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0813-6191>

Abstract. Introduction. Structural changes in the world economy and trade and its financialization contributed to the growth of instability and necessitated the building a new structure for the world monetary and financial system. **Theoretical analysis.** The evolution of the global monetary and financial system, when the function of world money shifted from gold to fiduciaries and SDR, resulted in the formation of a two-level structure. The top level consists of countries with reserve currencies and, thanks to this, such countries have the privilege of forming long and cheap liabilities by creating public and corporate debt, financing the balance of payments deficit through monetary issuance. The rest of the countries that do not have significant sources of long-term investments belong to the lower level, since they are obliged to maintain the compliance of their national monetary base with the volume of international reserves. The development of the global monetary and financial system within the framework of such structure was supported by an increase in the volume of financial transactions and the appearance of derivatives, the purpose of which was not only hedging, but also speculation. **Empirical analysis.** It was found out that, while the chronic deficit of the trade and balance of payments and growing volume of public debt were not a problem for the United States for the last 20 years, a sharp increase of Federal Reserve System rates in 2022, that resulted in increased nominal yield of the treasuries, significantly increased the cost of debt servicing.

The decrease in the degree of confidence in the dollar pushes central banks to diversify international reserves, as a result the share of gold in the structure of these reserves has begun to increase. Those countries that do not have reserve currencies are now more interested in CBDs. **Results.** The increasing importance of tangible assets against the background of political and financial instability in the world, as well as the need to use modern digital forms of money, open up the possibility for the ruble to become one of the world's reserve currencies in the new structure of the multipolar world monetary and financial system.

Keywords: fiduciary currencies, dollar globalization, reserve currencies, international reserves, monetary gold role increase, debt crisis risk, digital currency, dual-circuit financial system, financial independence, conditions for ruble security

For citation: Naidenova N. V. Evolution and development trends of the world monetary and financial system. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 153–162 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-153-162>, EDN: IYFGCS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современной мировой валютно-финансовой системе имманентны высокие риски. Глобальное расширение ее масштабов сопровождалось появлением множества различных финансовых инструментов, а также ростом количества спекулятивных финансовых сделок, которые со временем стали доминировать на фондовых рынках, увеличивая степень риска наступления долгового, финансового и, как следствие, экономического кризиса, в том числе в странах «ядра», чьи валюты являются резервными. Вместе с тем повышение роли ряда стран «периферии», доля которых в мировом производстве и торговле значительно увеличилась с началом нового тысячелетия, подвели к необходимости пересмотра норм и правил, разработанных международными организациями (МВФ, ФРС, МБРР, БМР, ВТО), с целью обеспечения интересов стран «ядра» и доминирования США. Попытки регулирования мировой валютно-финансовой системы, предпринятые после финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг., не увенчались успехом. Стало очевидно, что система нуждается не просто в ужесточении регулирования, а в существенных изменениях, построении новой архитектуры мировой валютно-финансовой системы.

Теоретический анализ

На протяжении многих веков, в течение которых функцию мировых денег выполняли серебро и золото, развитие валютно-финансовой системы было тесно связано с международной торговлей, по мере расширения которой доминирующими валютами, имевшими самые крупные доли на мировых биржах, стали британский фунт стерлингов, французский франк и германская марка. Их обменный курс определялся соотношением фиксированных цен унции золота, устанавливаемых государственными монетными дворами этих стран.

В России чеканились и имели хождение медные, серебряные, золотые и платиновые монеты вплоть до денежной реформы 1839 г.,

утвердившей серебряный монометаллизм. Международные обязательства России обеспечивались не только серебром, но и дуальными товарами (зерно, лен, мед, древесина). После того как во время Крымской войны (1853–1856 гг.) обмен бумажных денег на серебро был прекращен, денежное обращение России на протяжении нескольких десятилетий было основано на кредитных билетах, и его постоянным спутником стала инфляция.

Возрождение металлического обращения произошло в 1897 г. после введения денежной реформы под руководством министра финансов С. Ю. Витте золотомонетного стандарта. «Против этой реформы, – отмечал С. Ю. Витте в своих воспоминаниях, – была почти вся мыслящая Россия: во-первых, по невежеству в этом деле, во-вторых, по привычке и, в-третьих, по личному, хотя и мнимому, интересу некоторых классов населения. Все привыкли к бумажно-денежному обращению, как люди привыкают к некоторым хроническим болезням, хотя понемногу и ведущим к полному расстройству организма» [1, с. 359]. Реформе предшествовало укрепление системы государственных финансов (положительное сальдо бюджета) и многократное увеличение золотого запаса страны. Последствия реформы были неоднозначными. С одной стороны, устойчивость рубля, обеспеченного золотом, обуславливала привлекательность инвестиций, способствовавших подъему промышленного производства, расширению железнодорожного строительства. Российский фондовый рынок переживал невиданный ранее подъем, достигнув пика в 1899 г., в котором прирост капиталов акционерных обществ оставил 431 млн руб., что в 17 раз превысило показатель 1892 г. [2, р. 446]. С другой стороны, нарастание числа спекуляций на рынке ценных бумаг неизбежно вело к биржевому кризису и банкротству крупных российских компаний. Также в числе отрицательных последствий следует отметить тезаврацию, которая приводила к сокращению золотых резервов государства и оттоку золота за границу. Несмотря на неоднозначные послед-

ствия введения золотого стандарта, Российская империя к началу 1914 г. имела устойчивую валютно-финансовую систему с одним из самых больших золотых запасов в мире.

Денежная система золотого стандарта существовала до Первой мировой войны. После нее в разных странах предпринимались попытки возрождения золотого стандарта (в СССР с 1922 по 1927 г.; в Великобритании с 1925 по 1931 г.; в США в 1933–1934 гг.), однако они не увенчались успехом.

Исключительное значение для формирования существующей мировой валютно-финансовой системы имела конференция, состоявшаяся в 1944 г. в городе Бреттон-Вудс и заложившая основы новой мировой валютно-финансовой системы под управлением МВФ и МБРР. Статус мировой резервной валюты наряду с британским фунтом стерлингов получил доллар США. Страны-члены МВФ принимали на себя обязательства посредством экономической и финансовой политики стимулировать экономический рост, поддерживать разумную стабильность цен, не применять манипулирование обменными курсами с целью получения конкурентных преимуществ, проводить валютную политику в соответствии с соглашениями МВФ. Для стабилизации платежных балансов мог использоваться механизм займов МВФ за счет его резервов, однако их объем ограничивался, во-первых, под предлогом инфляции, во-вторых, в связи со стремлением подтолкнуть страны с дефицитными платежными балансами к решению проблемы при помощи внутренних механизмов и реже обращаться за помощью к фонду. В результате многие страны испытывали немалые трудности со стабилизацией платежных балансов.

Приобретение долларом функции мировых денег позволило США при помощи контроля денежной массы проводить собственную денежно-кредитную политику в глобальном масштабе и подчинить собственным национальным интересам деятельность всей мировой валютно-финансовой системы. В то же время, получив огромные привилегии, США стали игнорировать требования МВФ по стабилизации платежного баланса. Дефицит платежного баланса приводил к уменьшению золотого запаса США, поскольку для поддержания паритета доллара с основными мировыми валютами необходимы были объемные интервенции. Также проблемы, связанные со стабилизацией обменных валютных курсов и платежных балансов во многих странах, свидетельствовали о серьезных недостатках мировой валютно-финансовой системы и вынуждали искать пути их преодоления. К примеру, европей-

ские страны начали применять односторонние меры для стабилизации своих валютно-финансовых систем: Франция в 1965 и 1967 гг. конвертировала свои долларовые резервы в золото, ФРГ и Голландия в 1971 г. установили плавающие курсы своих валют. Одной из мер, предпринятых с целью решения проблем системы золотодолларового стандарта, явилось создание в 1969 г. специальных прав заимствования (Special Drawing Rights – SDR), открывшее следующий этап в развитии мировой финансовой системы. Роль МВФ, который получил возможность создания новых международных резервных активов, имеющих только безналичную форму в виде записей на банковских счетах, значительно возросла.

Но несмотря на применяемые меры, стало очевидно, что Бреттон-Вудская система не справляется с задачей поддержания стабильности обменных валютных курсов и мировых финансов. Де-факто эта валютная система прекратила существование в 1971 г., когда США объявили о приостановке конвертируемости доллара в золото и он стал фидуциарной валютой, как и другие мировые валюты. Де-юре новый этап развития международной валютно-финансовой системы наступил после Ямайской конференции в 1976 г., решениями которой не допускалось поддержание государством-членом МВФ стоимости своей валюты в таком эталоне стоимости, как золото. Роль международного платежного и резервного средства была закреплена за SDR.

Благодаря соглашениям Бреттон-Вудской и Ямайской конференций сформировалась двухуровневая структура мировой валютно-финансовой системы.

Финансовые системы тех стран, валюты которых выступают в качестве мировых резервных, расположились на верхнем уровне. В их структуре есть два контура – эмиссионный и инвестиционный. Эмиссионный контур – это центральные банки (Федеральная резервная система, Европейский центральный банк, Банк Англии, Национальный банк Швейцарии, Банк Японии), являющиеся эмитентами резервных валют. Здесь нужно отметить, что хотя швейцарский франк мало используется при международных расчетах, неофициально признается резервной валютой как наиболее стабильная. Инвестиционный контур представляют казначейства министерств финансов, формирующие длинные и дешевые пассивы при помощи эмиссии облигаций. Поскольку в странах с двухконтурной финансовой системой объем эмиссии национальной (резервной) валюты определяется объемом приобретенных государственных и корпоративных долговых обязательств, то они

получают значительные привилегии в виде широких источников долгосрочных инвестиций.

Центральные банки нижнего уровня, среди которых и Центральный банк РФ, не имеют возможности осуществлять эмиссию под обеспечение государственных и корпоративных долговых обязательств. Они обязаны поддерживать соответствие национальной денежной базы объему международных резервов с учетом курсовой разницы между национальной и резервными валютами, из которых сформированы золотовалютные резервы. ЦБ РФ не может использовать резервы для прямого финансирования бюджетного дефицита и инвестирования национальных программ. Поскольку между ЦБ РФ и Министерством финансов РФ отсутствует прямое межконтурное взаимодействие, российская экономика не имеет доступа к длинным и дешевым денежным средствам.

В последней трети XX в. двухуровневая мировая валютно-финансовая система развивалась вместе с фондовым рынком. С отменой золотодолларового стандарта и последующим переходом на плавающие валютные курсы стали внедряться производные финансовые инструменты, или деривативы, целью которых являлось не только хеджирование, но и спекуляция, арбитраж, уклонение от налогов. Количество расчетных финансовых сделок увеличивалось. Особенно широкое распространение деривативы приобрели после разработки модели ценообразования стандартных опционов и их внедрения в биржевую торговлю. И если вначале базовыми активами деривативов выступали только товары, то в 1972 г. появились валютные фьючерсы. В настоящее время базовыми активами выступают товары, ценные бумаги, валюта, процентные ставки, уровень инфляции, официальные статистические данные и др. Появились также деривативы на другие деривативы.

Вместе с распространением интернета и цифровизацией расширился доступ экономических агентов к финансовым инструментам, увеличивались объемы миграции капиталов. Поскольку цены на энергоресурсы и другие биржевые товары определялись на биржах товарных деривативов, рынки товаров стали трансформироваться в финансовые, а биржевые товары – в финансовые активы. Финансовый сектор стал расти темпами, опережающими развитие производственных отраслей, и его масштабы выросли настолько, что позволили говорить о финансовализации экономики и разрушении ее производственной основы. В значительной степени этот процесс характерен для стран «ядра», финансовые системы которых отлича-

ются высокоразвитыми фондовыми рынками с разветвленной сетью финансовых институтов, широким распространением деривативов.

Итак, на протяжении XX столетия мировая валютно-финансовая система эволюционировала по линии противостояния полноценных и символических денег, пройдя путь от применения в международных расчетах денег, имеющих собственную меновую стоимость (золотой стандарт, золотодолларовый стандарт), до фидуциарных валют с плавающими курсами и SDR. Среди основных характерных черт современной мировой валютно-финансовой системы следует выделить: глобализацию долларového обращения; распространение на международный уровень фидуциарного денежного обращения, не имеющего материальной основы; колоссальные масштабы распространения производных финансовых инструментов, существующих лишь в виде электронных записей на счетах.

Эмпирический анализ

Мировые экономические события нового тысячелетия привели к замедлению общемировых темпов экономического роста и нарушению стабильности мировой валютно-финансовой системы. Основная функция мировой валютно-финансовой системы – посредничество в международном движении экономических ресурсов и благ – окончательно ушла на второй план. В странах «ядра» объемы финансовых сделок и их роль в ВВП стали превышать объемы производственных сделок, что закономерно вело к существенным воспроизводственным диспропорциям.

Мировой финансовый и экономический кризис 2008–2009 гг. обострил системные противоречия. Необходимость поддержания устойчивости мировой валютно-финансовой системы обусловила изменение ее архитектуры, в том числе и реформирование деятельности международных финансовых институтов (МВФ, МБРР), целью которых декларировалось поддержание стабильности мирового экономического развития и международной торговли посредством монетарной политики. Но в действительности они, прежде всего, обеспечивали реализацию интересов стран «ядра».

После финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг. денежные власти США стали проводить политику количественного смягчения (Quantitative Easing, QE), в результате которой значительно выросла долларовая денежная масса. До поры до времени она не оказывала инфляционного давления на рынки, поскольку одновременно увеличивались масштабы фи-

нансовых, в том числе спекулятивных сделок. Механизмом координации экономических интересов США и их ближайших партнеров стали валютные свопы. В 2013 г. шесть центральных банков – ФРС, ЕЦБ, Банк Англии, Банк Канады, Национальный банк Швейцарии и Банк Японии – договорились о постоянно действующих валютных свопах с целью оперативного наращивания ликвидности при ухудшении рыночной конъюнктуры. По существу, был создан международный валютный картель, между валютами участников которого были установлены устойчивые пропорции обмена, что придавало им новое экономическое содержание: доллар, евро, британский фунт стерлингов, канадский доллар, швейцарский франк и японская иена стали выступать не как различные валюты, а как модификации единой мировой валюты. Страны-участницы данного соглашения получили все преимущества монопольного положения в мировой валютно-финансовой системе.

Однако успехи экономического развития стран «периферии» вносили коррективы в расстановку сил в мировой экономике и ее валютно-финансовой системе. С началом нового тысячелетия выгоды от глобализации рынков стали извлекать не только западные страны. Высокие темпы экономического роста, характерные для китайской экономики, вывели ее на первое место в мировой торговле и по объему ВВП, рассчитанному по ППС. Результатом явилось включение МВФ в 2015 г. китайского юаня

в корзину валют SDR. Основываясь на значении валюты в международной торговле и финансовой системе, МВФ при определении структуры корзины SDR в 2022 г. отвел юаню третье место (12,28%), после доллара США (43,38%) и евро (29,31%) [3]. Но несмотря на усиление позиций Китая, других развивающихся стран, а также сокращение доли экономики США в общемировом объеме производства, доллар продолжает удерживать мировое лидерство, что служит причиной огромного влияния ситуации в американской экономике, в том числе повышения долговых и кредитных рисков, на состояние мировой валютно-финансовой системы.

Статус мировой резервной валюты дает значительные привилегии, среди которых возможность финансирования дефицита платежного баланса посредством денежной эмиссии. Доверие к доллару как надежному средству платежа позволило США на протяжении многих лет иметь огромный дефицит торгового и платежного баланса. Так, за период с 2000 по 2022 г. отрицательное сальдо торгового баланса США увеличилось с -446,8 до -1191,1 млрд долл.; отрицательное сальдо баланса текущего счета также выросло в 2,3 раза (рис. 1). Такое нарастание обеспечивалось своеобразным «вечным денежным двигателем», при котором экономика США, кредитуемая ФРС, получает огромные финансовые возможности для импорта товаров и услуг, а доходы страны-экспортера направляются в ее международные резервы.

Рис. 1. Динамика сальдо торгового баланса и счета текущих операций США за 2000–2022 гг. [4]

Fig. 1. Dynamics of the US trade balance and current account balance for 2000–2022 [4]

Формирование международных резервов, которые могут быть использованы для стабилизации национального валютного рынка, оплаты необходимых стране импортных товаров, оплаты внешних долгов, является важнейшим условием финансовой безопасности стран «периферии», находящихся на нижнем уровне мировой финансовой системы. Минимальной считается величина международных резервов (в состав которых могут включаться монетарное золото, SDR, иностранная валюта, депозиты в иностранных центральных банках, долговые ценные бумаги нерезидентов и прочие активы) в объеме, достаточном для финансирования стоимости импорта продукции за три месяца. В структуре международных резервов все позиции отражаются в валюте эмитента и хранятся, за исключением монетарного золота, за пределами страны, на счетах иностранных банков. Для стран, находящихся на верхнем уровне мировой финансовой системы, объем резервов не играет большой роли. Так, для ФРС и ЕЦБ не имеет смысла формировать запас активов в долларах или евро, эмитентами которых они являются. Другие страны «ядра», имеющие высокие кредитные рейтинги, также не нуждаются в значительном накоплении средств в иностранной валюте.

Приобретение центральными банками самых безрисковых долговых ценных бумаг (облигаций казначейства США) в качестве ак-

тивов, пополняющих международные резервы, обеспечивало правительство США неиссякаемым источником финансирования бюджетного дефицита. Крупнейшими иностранными владельцами облигаций казначейства США (трежерис) на январь 2023 г. являлись Япония и Китай. Однако Китай с 2018 г. последовательно сокращает инвестиции в трежерис. За период с января 2022 г. по январь 2023 г. их объем снизился с 1033,8 до 859,4 млрд долл. [5]. На конец финансового года, т. е. на 30 сентября 2022 г., исторический непогашенный долг США составлял 30,9 трлн долл. [5], что соответствовало 118% от ВВП. Отличительной особенностью 2022 г. стали рекордные темпы повышения ставки ФРС с 0,25–0,5 до 4,25–4,5% [6], а также ставок трежерис. Номинальная доходность по краткосрочным (1 месяц) казначейским облигациям выросла в течение 2022 г. на 4,07 п.п. (рис. 2). Но даже такое значительное повышение не обеспечивало реальной доходности трежерис, поскольку уровень инфляции в США в 2022 г. составил 6,5%. И тем не менее, инвесторы, стремясь к минимизации рисков, продолжают покупки трежерис, сокращая вложения в акции и банковские депозиты. Поскольку в течение 2022 г. номинальная доходность краткосрочных трежерис превысила доходность долгосрочных, спред стал отрицательным. Это, как известно, является признаком рецессии.

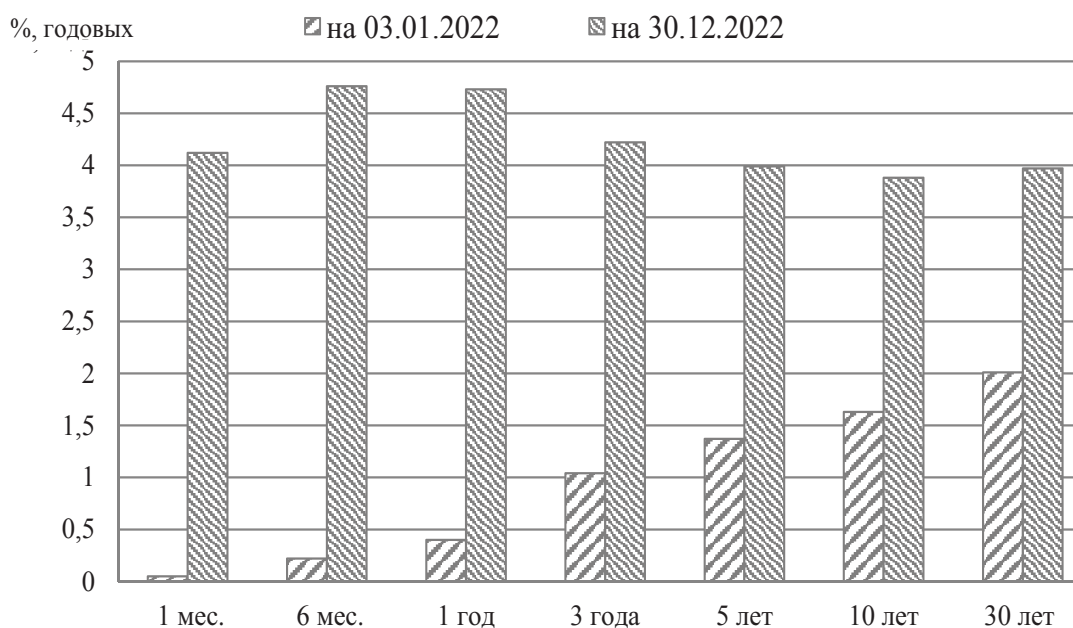

Рис. 2. Ставки номинальной доходности краткосрочных и долгосрочных казначейских облигаций США на начало и конец 2022 г. [5]

Fig. 2. Nominal yield rates of short-term and long-term US Treasury bonds at the beginning and end of 2022 [5]

Значительное повышение ставок трежерис усложняет для США обслуживание колоссального государственного долга. Так, в IV квартале 2022 г. текущие расходы федерального правительства США на выплаты процентов составили 853,3 млрд долл США [7], что сопоставимо с расходами на национальную оборону. Дефицит федерального бюджета США по итогам 2022 г. достиг –1375,4 млрд долл. [5], или –5,4% от ВВП. Аналогичная ситуация складывается и в других странах с развитой экономикой, у которых средний показатель отношения объема государственного долга к ВВП за 2019–2021 гг. превышал 120%; средний показатель отношения объема долга нефинансового частного сектора к ВВП был выше 150% [3]. Исходя из инверсии доходности трежерис и повышения расходов на обслуживание долга, напрашивается вывод об очень высокой степени риска наступления долгового и финансового кризиса в США.

Высокие риски, связанные с ситуацией в финансовой и денежно-кредитной системах США, подтолкнули центральные банки к постепенному снижению доли доллара в международных резервах. Если в 1999 г. она составляла 71%, то к 2021 г. сократилась до 59% [3]. В 2022 г. отмечены еще две новые тенденции: возрастание доли юаня и повышение роли валют, не являвшихся ранее резервными, таких как южнокорейская вона, австралийский доллар, шведская крона. Тому способствует экономическая стабильность и надежность финансовых систем данных стран. В 2022 г. доля доллара США в мировых резервах продолжила снижение.

Необходимость формирования Россией значительных международных резервов вызвана следующими обстоятельствами. Во-первых, одноконтурная российская финансовая система, как отмечено выше, обязана поддерживать соответствие национальной денежной базы объему международных резервов. Во-вторых, поскольку российская экономика имеет сырьевую специализацию, то она очень зависима от колебаний конъюнктуры сырьевых рынков и, следовательно, нуждается в значительных международных резервах, страхующих от внешних шоков. С 2014 г. Россия, формируя свои международные резервы, учитывает не только экономические, но и политические риски. Монетарное золото, являющееся частью международных резервов РФ, хранится на территории России. В структуре международных резервов РФ выросла доля золота и альтернативных валют и сократилась доля доллара США. А также в течение последних лет наша страна увеличивает количество расчетов в рублях при международных сделках, без использования доллара и евро.

Тенденция уменьшения вложений в доллары и диверсификации портфеля резервов характерна не только для России, но и для мировой валютно-финансовой системы в целом.

Поскольку, как отмечено выше, фидуциарное обращение вышло на международный уровень, то подрыв доверия к резервным валютам и финансовым инструментам представляет огромную опасность. Фактором, посеявшим недоверие в мире и вызвавшим смену приоритетов, особенно у стран «периферии», стали экономические санкции в отношении России и блокировка ее международных резервов. Несмотря на неудобства, с которыми связано использование золота в транзакциях (высокие издержки его транспортировки, складирования, хранения), в условиях высокой степени неопределенности оно приобретает ряд преимуществ. Монетарное золото рассматривается центральными банками как более надежный и безопасный актив по сравнению с другими активами, как инструмент хеджирования при высокой инфляции, как средство снижения санкционных рисков. С 2009 по 2021 г. объемы золота в официальных резервах стран постоянно увеличивались. Если в период 2000 по 2007 г. количество стран, продающих золото, ежегодно превышало число стран, его покупающих, то начиная с 2009 г. ситуация изменилась. В 2021 г. число стран, покупающих золото, более чем вдвое превысило количество продающих стран. В III квартале 2022 г. был отмечен самый высокий за предшествующие 55 лет темп роста официального спроса на золото. По итогам 2021 г. в общем объеме официальных мировых запасов монетарного золота на долю США и Европейского союза приходилось 53%. Среди стран «периферии» наиболее крупные доли в общем объеме официальных мировых запасов монетарного золота имели Россия, Китай, Индия и Турция (рис. 3).

Необходимо отметить, что для России, находящейся под санкциями западных стран, применение золота имеет целый ряд ограничений. Банки тех стран, которые не обременены санкциями, могут размещать золото на депозитах и использовать его в свопах, но для этого оно должно храниться в ФРС, Банке Англии или в депозитарии, управляемом одной из крупных бирж, торгующих золотом.

Таким образом, в условиях нестабильности мировой экономики при формировании международных резервов золото стало конкурировать с долларом, евро, трежерис.

В то же время современная высокотехнологичная экономика при заключении междуна-

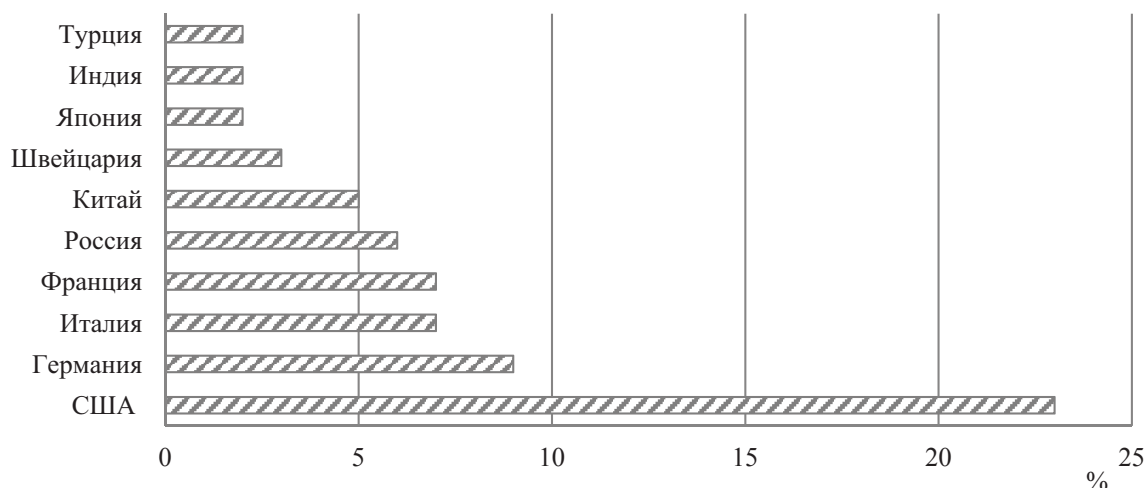

Рис. 3. Топ-10 стран, имеющих крупнейшие запасы монетарного золота по итогам 2021 г., % от официальных общемировых запасов [3]

Fig. 3. Top 10 countries with the largest reserves of monetary gold by the end of 2021, % of official global reserves [3]

родных сделок нуждается не только в точном измерении стоимости производимых благ, надежных средствах обращения, платежа, накопления, но также в высокой скорости расчетов, моментальной конвертации. В этой связи возвращение к золоту в качестве мировых денег не представляется целесообразным. Основные денежные функции с учетом требований высокотехнологичной экономики могут выполнять цифровые валюты.

Развитие цифровой экономики и широкое распространение цифровых сервисов вызывает необходимость соответствующих изменений в системе расчетов между экономическими агентами. Одно из направлений формирования новой архитектуры мировой валютно-финансовой системы связано с созданием системы CBDC, в которой деньгами могут стать цифровые валюты центральных банков.

Среди преимуществ цифровых валют, помимо уже названной высокой скорости транзакций, можно выделить их высокую прозрачность и, следовательно, сокращение масштабов теневой экономики, а также возможность расчетов в режимах online и offline, снижение транзакционных издержек. В то же время издержки, связанные с администрированием финансовой системы, будут возрастать в связи с необходимостью цифрового контроля, существенных изменений законодательства, повышением рисков финансовых потерь из-за киберугроз. Возникают риски оттока ликвидности из банковского сектора, технологические риски, связанные с модернизацией инфраструктуры системы расчетов банков и организаций торговли. Противники CBDC считают, что цифровые валюты централь-

ных банков станут инструментом жесткого монетарного контроля, полностью уничтожат экономическую свободу, предоставляемую фидуциарными деньгами, поскольку государство будет посредником при каждой транзакции, будет располагать полной информацией о доходах и расходах клиентов, получит прямой доступ к их «кошельку», тем самым ограничивая или лишая права собственности.

Многие страны уже включились в разработку и внедрение цифровых валют, эмитируемых центральными банками. В России платежи в цифровом рубле идут в тестовом режиме. Банк России планирует учитывать цифровой рубль в денежном агрегате M_0 и идентифицирует его как третью форму денег (наряду с наличными и безналичными деньгами).

Поскольку CBDC являются обязательствами центральных банков и их эмиссия не ограничена, то они не являются криптовалютами в традиционном понимании. Если же рассматривать перспективы выполнения цифровыми валютами, например цифровым рублем, функции мировых денег, очевидно, что для этого он должен стать полноценным, т. е. обеспеченным реальными или дуальными товарами, такими как золото, другие драгоценные металлы, нефть, пшеница и т.п. Те страны, которые смогут создать платежные системы с обеспеченными цифровыми валютами, обретут финансовую независимость. Среди стран, располагающих данными возможностями, находится Россия. Лидирующие позиции нашей страны в мировом производстве энергоносителей определяют ее ведущую роль не только на энергетических рынках, но и в мировой экономике в целом, формируя возможности

обеспечения рубля и использование его в качестве полноценных, а не фидуциарных мировых денег. В 2021 г. Россия занимала 2-е место после США в мировом производстве природного газа и нефти сырой с объемами 701,7 млрд куб. м и 536,4 млн т соответственно, а также 5-е место в мировом производстве электрической энергии, объем производства которой составил 1157,1 тераватт-час. [8]. В 2020 г. Россия производила 133,5 млн т зерновых и зернобобовых [9, с. 228], заняв 4-е место в мире, в том числе 85,9 млн т пшеницы [9, с. 232], что соответствовало 3-е месту в мире. Обладание не только значительными, но и стратегически важными, базовыми природными ресурсами; производство жизнеобеспечивающих экономических благ в объемах, достаточных для удовлетворения внутренних потребностей; устойчивость финансовой системы (низкий показатель отношения государственного долга к ВВП); возможность обеспечить стоимость рубля не только традиционным эталоном стоимости – золотом, но и дуальными товарами, – все это создает предпосылки обретения нашей страной финансовой и экономической независимости, построения двухконтурной финансовой системы, получения рублем статуса резервной валюты в рамках новой архитектуры валютно-финансовой системы.

В связи с трансформацией мировой экономики в направлении разделения на макрорегионы и построения новой архитектуры валютно-финансовой системы у России появляется возможность создания рублевой зоны. Например, сначала на пространстве ЕАЭС, внешнеторговый оборот которой в 2021 г. составил 844,2 млрд долл., а на долю России в объеме взаимной торговли приходилось 63,1% [10]. В перспективе рублевая валютная зона сможет расширяться.

Экономическая и финансовая независимость позволит России стать частью новой архитектуры мировой валютно-финансовой системы, одной из международных финансовых платформ, находящихся вне национальных юрисдикций, безопасных, деполитизированных, автоматизированных и не зависящих от какого-либо единого центра управления [11]. Россия имеет необходимые условия для выстраивания самостоятельной двухконтурной финансовой системы, обладающей высокой международной конкурентоспособностью благодаря запуску обеспеченного материальными активами цифрового рубля. Реализация возможностей, которыми располагает наша страна, позволит рублю стать полноценным по содержанию и цифровым по форме, и вследствие этого он сможет выполнять функции мировой резервной валюты.

Результаты

Факторами, ускоряющими трансформацию мировой валютно-финансовой системы с доминирующей ролью доллара США, стали высокие риски долгового и финансового кризиса в странах G-7, а также угроза мировой рецессии. Достижение предела государственного долга к началу 2023 г. и повышение объемов бюджетных расходов по его обслуживанию столкнули правительство США с угрозой дефолта. В этих условиях несомненным явилось снижение степени доверия к доллару и поиск путей снижения рисков, связанных не только с валютно-финансовой, но и с политической нестабильностью. Немалую роль в валютно-финансовой дестабилизации сыграло замораживание международных резервов России и применение беспрецедентного количества санкций к нашей экономике. В результате мировые центральные банки начали диверсифицировать портфель международных резервов, сокращая вложения в доллары, трежерис и отдавая предпочтение золоту. Кроме того, наметилась устойчивая тенденция уменьшения роли доллара в международных расчетах и повышения использования других валют. Начался процесс формирования многополярной мировой валютно-финансовой системы, в которой отсутствует доминирование одной валюты.

Россия, стремящаяся к обеспечению экономической безопасности и самостоятельности, заинтересована в формировании независимой финансовой системы со взаимодействующими эмиссионным и инвестиционным контурами, устойчивой национальной платежной системой, что существенно повысит ее международную конкурентоспособность. Учитывая, что на фоне политической и финансовой нестабильности в мире повышается значение полноценных денег и вместе с тем необходимы их современные цифровые формы, обеспечивающие высокую скорость расчетов и моментальную конвертацию, российский рубль получает возможность стать одной из мировых резервных валют в новой архитектуре многополярной мировой валютно-финансовой системы.

Список литературы

1. *Витте С. Ю.* Избранные воспоминания, 1849–1911. М. : Мысль, 1991. 708 с.
2. *Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории России и СССР. М. : Наука, 1966. 513 с.
3. Международный валютный фонд : [сайт]. URL: <https://www.imf.org/> (дата обращения: 31.01.2023).
4. ОЭСР. Статистика : [сайт]. URL: <https://stats.oecd.org/#> (дата обращения: 27.01.2023).

5. Министерство финансов США : [сайт]. URL: <https://home.treasury.gov/> (дата обращения: 02.02.2023).
6. Совет управляющих Федеральной резервной системы. URL: <https://www.federalreserve.gov/> (дата обращения: 07.02.2023).
7. Экономические данные Федерального резерва. URL: <https://fred.stlouisfed.org/> (дата обращения: 02.02.2023).
8. Статистический обзор мировой энергетики от ВР за июнь 2022 года. URL: <http://www.bp.com/statisticalreview> (дата обращения: 07.02.2023).
9. Россия и страны мира. 2022 : стат. сб. / Росстат. М., 2022. 400 с.
10. Евразийская экономическая комиссия. Статистика ЕАЭС. URL: https://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx (дата обращения: 07.02.2023).
11. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 27 октября 2022 г. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/69695> (дата обращения: 07.02.2023).
3. *International Monetary Fund. Site*. Available at: <https://www.imf.org/> (accessed January 31, 2023).
4. *OECD. Statistics. Site*. Available at: <https://stats.oecd.org/> (accessed January 27, 2023).
5. *US Department of the Treasury. Site*. Available at: <https://home.treasury.gov/> (accessed February 2, 2023).
6. *Board of Governors of the Federal Reserve System*. Available at: <https://www.federalreserve.gov/> (accessed February 7, 2023).
7. *Federal Reserve Economic Data. FRED*. Available at: <https://fred.stlouisfed.org/> (accessed February 2, 2023).
8. *BP's statistical Review of Global Energy for June 2022*. Available at: <http://www.bp.com/statisticalreview> (accessed February 7, 2023).
9. *Rossiia i strany mira. 2022: statisticheskiy sbornik* [Russia and the countries of the world. 2022: Statistical compendium]. Moscow, Rosstat, 2022. 400 p. (in Russian)
10. *Eurasian Economic Commission. Statistics of the EAEU*. Available at: https://www.eurasiancommission.org/ru/act/integer_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx (accessed February 7, 2023).
11. *Zasedanie Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valday", 27 oktiabria 2020 g.* (Meeting of the Valdai International Discussion Club, October 27, 2022). Available at: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/69695> (accessed February 7, 2023).

References

1. Witte S. Yu. *Izbrannye vospominaniya, 1849–1911* [Selected memories, 1849–1911]. Moscow, Mysl', 1991. 708 p. (in Russian).
2. Strumilin S. G. *Ocherki ekonomicheskoy istorii Rossii i*

Поступила в редакцию 18.02.2023; одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 20.03.2023
The article was submitted 18.02.2023; approved after reviewing 10.03.2023; accepted for publication 20.03.2023

УПРАВЛЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 163–173

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 163–173

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-163-173>

EDN: IETAHP

Научная статья
УДК 332.05

Цифровые технологии в сфере здравоохранения как способ обеспечения качества человеческого капитала

И. Н. Ткаченко, Л. К. Чеснюкова

Уральский государственный экономический университет, Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной воли, д. 62/45

Ткаченко Ирина Николаевна, доктор экономических наук, заведующий кафедрой корпоративной экономики и управления бизнесом, tkachenko@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0996-0684>

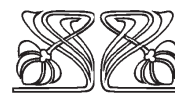
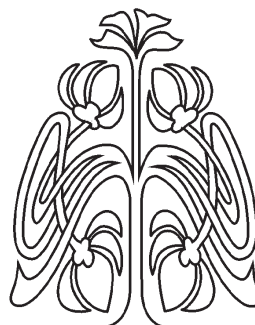
Чеснюкова Людмила Константиновна, старший преподаватель кафедры корпоративной экономики и управления бизнесом, chesnjkova_lk@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8867-9112>

Аннотация. Введение. В статье актуализируется внедрение цифровых технологий в организациях здравоохранения, ускорению которым способствовала пандемия коронавируса. Целью публикации является прояснение роли цифровых технологий в сфере здравоохранения для решения прикладных проблем и обеспечения качества человеческого капитала как фактора устойчивого развития экономики. **Теоретический анализ.** Дан обзор публикаций отечественных и зарубежных авторов по тематике цифровизации в сфере здравоохранения. Выделены проблемы цифрового здравоохранения. Представлены направления внедрения цифровых технологий в отечественную систему здравоохранения, базирующиеся на технологиях мобильного здравоохранения, электронных медицинских карт, медицинской аналитики, телемедицины, системах искусственного интеллекта. Исследование проведено на основе анализа статистических данных по федеральным округам России. **Результаты.** Результаты исследования позволили выявить ограничивающие факторы для внедрения цифровых технологий в организациях здравоохранения России, прояснить важность цифровых технологий для обеспечения качества человеческого капитала. **Выводы.** Результаты и выводы статьи могут стать теоретической платформой дальнейших исследований для продвижения здравоохранения к реализации модели цифровой зрелости и широкого использования цифровых технологий для оказания медицинской помощи и услуг в системе здравоохранения.

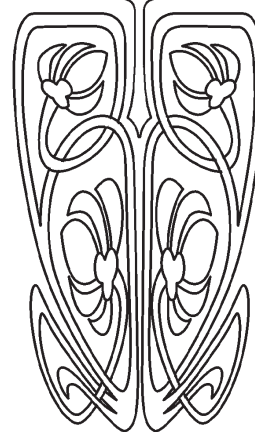
Ключевые слова: общие ценности, здравоохранение, цифровые технологии, цифровая медицина

Для цитирования: Ткаченко И. Н., Чеснюкова Л. К. Цифровые технологии в сфере здравоохранения как способ обеспечения качества человеческого капитала // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 163–173. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-163-173>, EDN: IETAHP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Digital technologies in the sphere of health care as a way to ensure the quality of human capital

I. N. Tkachenko, L. K. Chesnyukova✉

Ural State Economic University, 62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg 620144, Russia

Irina N. Tkachenko, tkachenko@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0996-0684>

Ludmila K. Chesnyukova, chesnjukova_lk@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8867-9112>

Abstract. Introduction. The article considers the relevance of the digital technologies introduction in healthcare organizations, accelerated by the coronavirus pandemic. The purpose of the publication is to clarify the role of digital technologies in the healthcare sector for solving applied problems and ensuring the quality of human capital as a factor of the sustainable development of the economy. **Theoretical analysis.** A review of Russian and foreign publications on the subject of digitalization in the field of healthcare is given. The problems of digital health are highlighted. The directions for the introduction of digital technologies in the domestic healthcare system based on the technologies of mobile healthcare, electronic medical records, medical analytics, telemedicine, and artificial intelligence systems are presented. The study is based on the analysis of statistical data on the federal districts of Russia. **Results.** The results of the study made it possible to identify the limiting factors for the introduction of digital technologies in healthcare organizations in Russia, to clarify the importance of digital technologies for ensuring the quality of human capital. **Conclusions.** The results and conclusions of the article can become a theoretical platform for further research to advance healthcare towards the implementation of the digital maturity model and the widespread use of digital technologies for the provision of medical care and services in the healthcare system.

Keywords: shared values, healthcare, digital technologies, digital medicine

For citation: Tkachenko I. N., Chesnyukova L. K. Digital technologies in the sphere of health care as a way to ensure the quality of human capital. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 163–173 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-163-173>, EDN: IETANP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Здоровье человека является признанной и неоспоримой общей ценностью. Повышение качества жизни людей на основе здоровья – путь к устойчивому развитию экономики. В этом смысле совершенствование и обеспечение на основе технологических инноваций и цифровизации сферы здравоохранения ведет к реальной возможности улучшения процессов, процедур, сосредоточения внимания на достижении целей, задач и результатов, ведущих к более здоровому человеку и обществу.

Однако процесс этот пока далек от совершенства. Системе здравоохранения в целом необходимо последовательно повышать уровень гибкости своих организаций, систем и операций за счет цифровизации. По этой причине важно рассматривать инновации как базовый элемент, как основу, обеспечивающую реальную ценность для организаций и позволяющую динамично, быстро и эффективно адаптироваться к вызовам внешней среды и реагировать на них.

Распространение цифровых технологий позволяет оптимизировать ресурсы, внедрять инновации, улучшать процесс принятия решений и прогнозировать будущие события, а также имеют большой потенциал в таких тесно связанных с социальным прогрессом областях, как здравоохранение, образование, баланс между работой и личной жизнью. Конечный результат этого цифрового перехода является неопреде-

ленным и непредсказуемым, но очевидно, что этот процесс является постоянно развивающейся реальностью. По сути, цифровая трансформация дает возможность изменить структуру роста и, таким образом, обеспечить стабильный и устойчивый прогресс как в экономической, так и в социальной перспективах. Однако изменения, которые цифровизация вызывает в экономике, не predetermined заранее, а зависят от стратегии и активности вовлеченных субъектов.

Теоретический анализ

Со стороны научного сообщества в последние годы непрерывно возрастал интерес к проблематике так называемых общих ценностей. В англоязычном контенте публикаций, посвященных концепции общих ценностей (Creating Shared Value – CSV [1]), отмечена динамика интереса к этой проблематике с единичных статей в 1990-е гг. до 2290 публикаций в 2020 г. [2]. Безусловно, среди общих ценностей есть главная – ценность быть здоровым. В этом контексте внимание к обеспечению здорового образа жизни и содействию благополучию для всех в любом возрасте определено ООН среди целей устойчивого развития. С этих позиций понятен интерес к тем процессам, которые происходят в системе здравоохранения.

В отечественных и зарубежных экономических исследованиях рассматриваются различные аспекты, посвященные проблематике транс-

формации системы управления в организациях здравоохранения. Статья в журнале «Ланцет» [3], М. Портер [4] рассматривают внедрение цифровых технологий в сферу здравоохранения как концепцию здравоохранения, основанную на ценностях. По мнению М. Портера, концепция ценности определяется как результаты, которые важны для пациентов, в сравнении с затратами, необходимыми для достижения этих результатов. В продолжение данной идеи Массачусетский технологический институт в 2021 г. концептуализировал цифровую ценность здравоохранения в трех плоскостях: ценность операций (процессов); ценность для клиентов и ценность для цифровых экосистем (бизнес-модели)

Дж. В. Карвальо [5], М. Соилемез и А. Тархан [6] рассматривают цифровизацию здравоохранения через призму организационной зрелости. И. Н. Ткаченко считает, что измерение организационной зрелости позволяет направлять продвижение стратегий улучшения, что способствует повышению эффективности организации [7].

Д. Ньюмен называет основные технологии цифровой медицины, активно развивающиеся в мире в последние годы [8], которые помогают людям жить дольше и вести более безопасную, здоровую и продуктивную жизнь. К этим технологиям относятся: телемедицина, искусственный интеллект, большие данные с облачными хранилищами, блокчейн-технологии, дополненная и виртуальная реальность, цифровые двойники, медицинский интернет вещей.

Безусловно, богатый опыт зарубежных стран в деле продвижения цифровых технологий в здравоохранении следует изучать как опыт, который в течение многих лет активно внедряется на практике. Действительно, электронное здравоохранение, использование цифровых информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) для поддержки или улучшения здоровья и здравоохранения активно развивается. Однако далеко не все так однозначно. Многие дискуссионные моменты и рассуждения мы находим, в частности, в статье нидерландского автора Дж. Стофферса, в которой не только говорится о безусловных плюсах электронного здравоохранения, но и заостряются имеющиеся в этой сфере проблемы [9]. Так, одной из таких проблем является то, что цифровые технологии межпрофессиональной коммуникации кажутся более устоявшимися, чем цифровые технологии для взаимного общения между врачом и пациентом. Последние не только требуют строгих гарантий кибербезопасности и конфиденциальности, но и предъявляют высокие требования к достоверности данных, основанных на само-

стоятельных измерениях, онлайн-опросах и т.д. Ряд фундаментальных вопросов лежит в сфере этики взаимоотношений: должны ли пациенты иметь «открытый доступ» к своим медицинским записям? каковы риски создания постоянно растущей сети цифрового здравоохранения, объединяющей всех («большие данные»)?

Пандемия коронавируса COVID-19 выступила катализатором использования инновационных технологий и цифровых инструментов в сфере здравоохранения. Благодаря развитию цифровой медицины медики в период пандемии дистанционно обследовали пациентов и оказывали помощь в самых отдаленных, труднодоступных регионах. Об этом пишут в своих статьях зарубежные авторы [10, 11].

Российские авторы также уделяют внимание вопросам цифровизации здравоохранения. Р. Р. Тимиргалеева отмечает, что цифровая трансформация сферы здравоохранения невозможна без автоматизации внутренних бизнес-процессов в учреждениях здравоохранения [12]. К. А. Мызрова и Э. А. Туганова отмечают необходимость партнерства при разработке и внедрении инновационных решений в сфере здравоохранения [13]. О. Э. Карпов с соавт. выделяют цифровое здравоохранение как подотрасль, которая оказывает медицинские услуги с использованием цифровых медицинских сервисов, в том числе на расстоянии с применением телемедицинских и информационных технологий [14]. Среди публикаций последних лет можно выделить исследование А. О. Фечиной [15] о развитии рынка телемедицинских услуг.

Дифференцированное состояние здоровья может повлиять на уровень подготовки, готовность к работе, выбор профессии, удовлетворенность работой, производительность, пенсионный возраст и множество других факторов. Плохое состояние здоровья человека имеет тенденцию обесценивать человеческий капитал, влияя на его профессиональную карьеру. Согласно существующей литературе [16–20] решающим фактором производительности труда и улучшения благосостояния является повышение качества человеческого капитала. Исследования [21–24] рассматривают расходы на улучшение здоровья и профилактику заболеваний как источник экономического роста.

В исследовании, проведенном Е. В. Филипповым, подчеркивается, как хронические заболевания влияют на многие сферы жизни людей, страдающих от них, и особое внимание уделяется профессиональной сфере [25]. По мнению исследователя, при хронических заболеваниях экономические проблемы являются причиной большинства семейных конфликтов. Также

хронически больные в целом прямо заявляют, что физическое нездоровье мешает их трудовой жизни, поскольку снижается их производительность и продуктивность. С другой стороны, автор призывает к дальнейшему изучению этого обстоятельства, которое он считает недостаточно интегрированным в исследовательскую область.

Таким образом, мы можем понимать связь между уровнем человеческого капитала и состоянием здоровья как взаимную. Человеческий капитал может влиять на состояние здоровья, а цифровые технологии в сфере здравоохранения позволяют воздействовать на уровень человеческого капитала.

Эмпирический анализ

Цифровые решения в области здравоохранения играют ведущую роль в поддержании социально-экономического развития России. По этой причине особенно важно проанализировать возможности системы здравоохранения в формировании человеческого капитала России.

Пандемия COVID-19 оказала негативное влияние на здоровье, образование и доходы граждан. Данные графика показывают снижение уровня человеческого капитала в 2020 г. во всех регионах России (рис. 1) (рассчитано по: [26]).

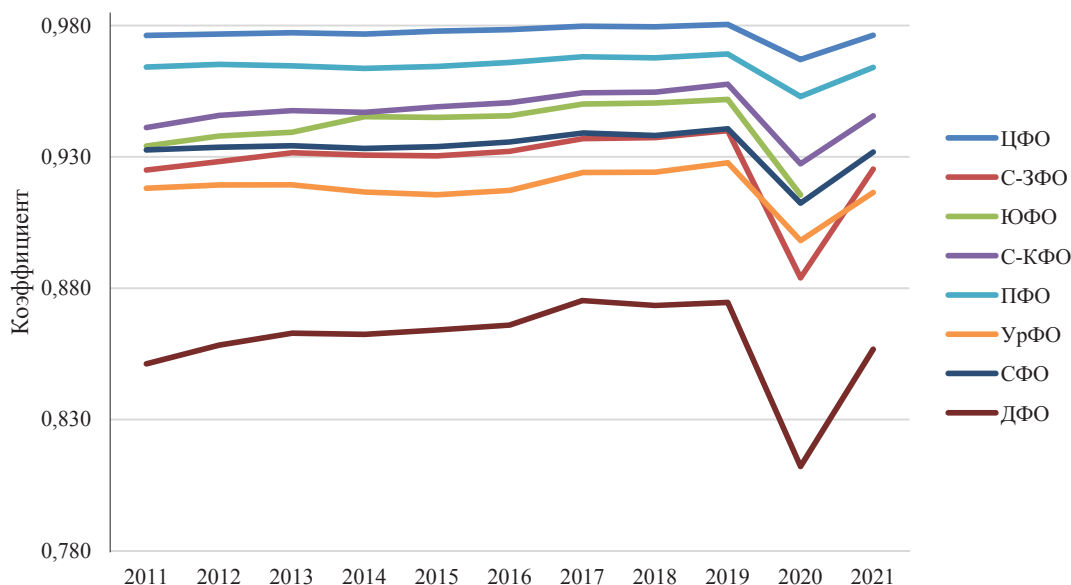

Рис. 1. Динамика уровня человеческого капитала регионов России в 2011–2021 гг. (цвет онлайн)

Fig. 1. Dynamics of the Russian regions human capital level in 2011–2021 (color online)

Индекс человеческого капитала позволяет разделить федеральные округа на три группы: с высоким уровнем человеческого капитала – ЦФО; с низким уровнем человеческого капитала – ДФО и средним уровнем человеческого капитала – остальные 6 округов.

Как показывают расчеты частоты зарегистрированных заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, существуют значительные различия в показателях человеческого капитала на региональном уровне (рис. 2, 3) (рассчитано по: [26]).

Самый высокий прирост хронических заболеваний за 10 лет наблюдается в Приволжском федеральном округе (+153,3%), также высокие показатели заболеваемости в Южном (+118,5%) и Северо-Западном (+104,2%) федеральных округах. Негативная ситуация по заболеваемости в Центральном, Уральском, Сибирском и Дальне-

восточном федеральных округах. Однако также наблюдается и противоположная тенденция к снижению хронических болезней в Северо-Кавказском федеральном округе (–42,7%). Отрицательную динамику за последние пять лет по росту заболеваний показывают Чеченская Республика, Республика Ингушетия и Ставропольский край [27].

Необходимо отметить что рост впервые зарегистрированных заболеваний связан с внедрением новых, в том числе цифровых технологий диагностики заболеваний, что позволило провести более точную диагностику и оказать первичную медико-санитарную помощь жителям сельских и труднодоступных районов.

Предполагается, что большие данные и искусственный интеллект смогут снизить количество неверно диагностированных заболеваний, а следовательно, уровень смертности.

Рис. 2. Статистика зарегистрированных заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, в 2011 г., чел. (цвет онлайн)

Fig. 2. Statistics of registered diseases in patients with a diagnosis established for the first time in life in 2011, people (color online)

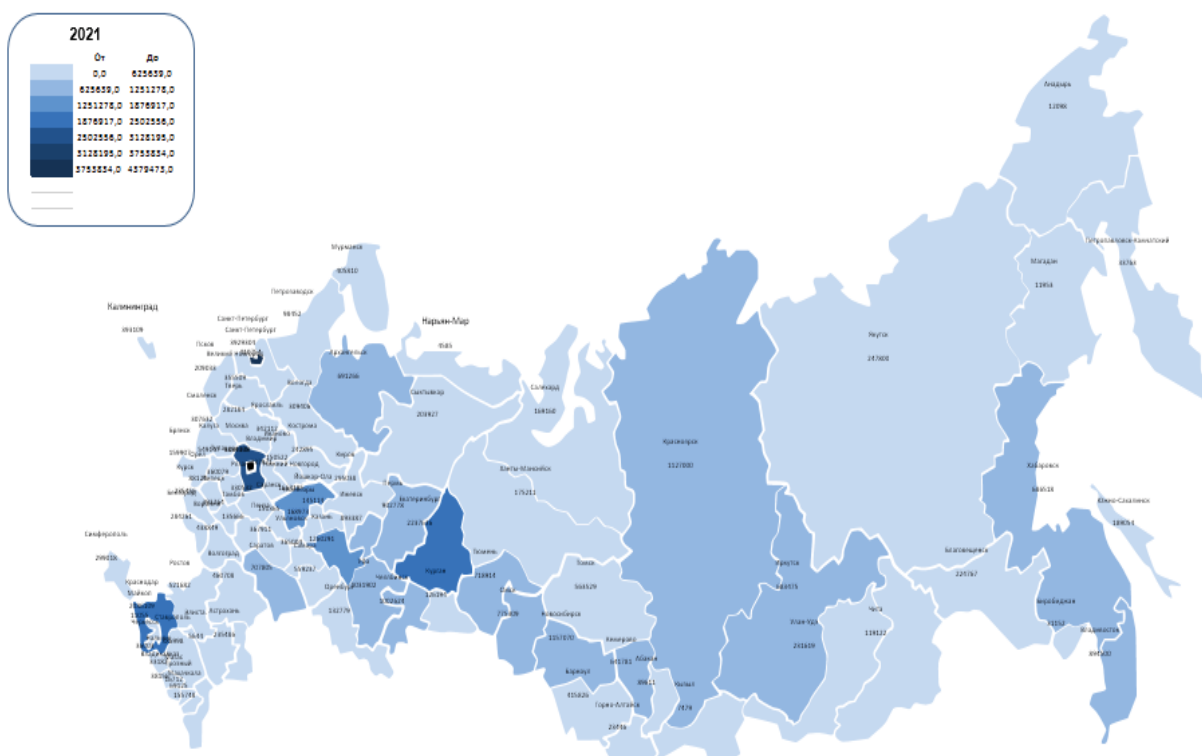

Рис. 3. Статистика зарегистрированных заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, в 2021 г., чел. (цвет онлайн)

Fig. 3. Statistics of registered diseases in patients with a diagnosis established for the first time in life in 2021, people (color online)

По информации Министерства здравоохранения, около 70 тыс. чел. в год испытывают осложнения из-за врачебных ошибок и халатности медицинского персонала. Это вопрос не только профессионализма, но и нехватки кадров. Проблема дефицита медицинского персонала впервые обострилась во время пандемии, когда потребность в медицинском персонале резко возросла. В 2022 г., несмотря на положительную с 2016 г. динамику, расчетный дефицит медработников в Российской Федерации составил 26 451 врач и 58 268 чел. среднего медицинского персонала [28]. За последние несколько лет искусственный интеллект (ИИ) в здравоохранении и медицине создал систему анализа медицинской литературы, перейдя к первым операциям по расшифровке генома человека (с 2010 г.) и без вмешательства человека (в 2020 г.). Но ИИ в системе здравоохранения и медицине в целом – это поддержка в принятии решений, когда ИИ предлагает варианты, а решение остается за человеком. Для помощи в принятии более качественных решений следует активнее внедрять новые управленческие технологии, в том числе технологии проектного управления.

Право на здоровье является ценностью в идеальном мире и во многих случаях воплощается в доступе к качественному медицинскому обслуживанию, защищающему жизнь людей, в профилактике, диагностике, лечении и медицинском сопровождении, необходимом для обеспечения благополучия населения. За последние два года системы здравоохранения многих стран оказались в центре внимания, и их хрупкость, потребность в инвестициях и прежде всего в трансформации были очевидны, необходимо оптимизировать процессы и генерировать данные для эффективного принятия решений перед лицом таких угроз здоровью, как пандемия COVID-19. Этот кризис в области здравоохранения стимулировал исследования и разработки новых лекарств и вакцин, а также широкое использование телеконсультаций в дополнение к проверке решений, принимаемых врачами, учеными, бизнесом, правительствами и обществом в целом для борьбы с пандемией. Развитие технологий мобильного здравоохранения, электронных медицинских карт, медицинской аналитики и телемедицины способствует росту рынка цифрового здравоохранения (рис. 4).

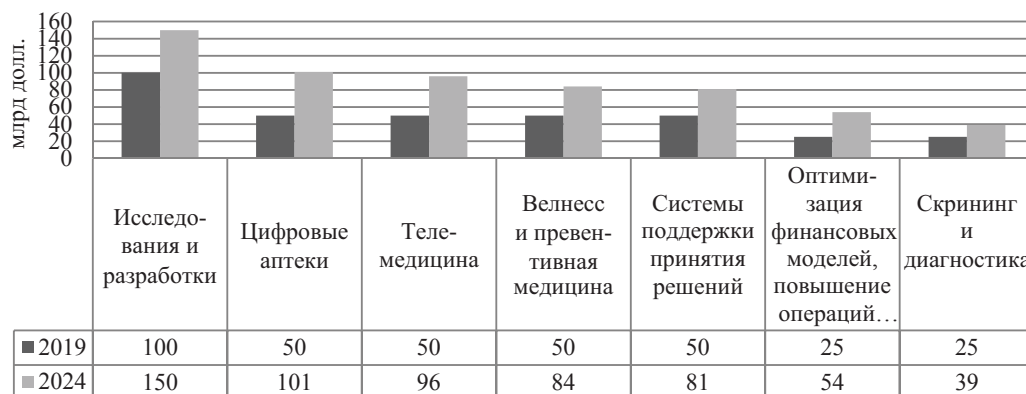

Рис. 4. Рынок цифровой медицины в 2019–2024 гг. [29]

Fig. 4. Digital medicine market in 2019–2024 [29]

По данным открытых источников, инвестиции России в цифровое здравоохранение в 2021 г. составили 50,2 млн долл. По сравнению

с общемировыми показателями, инвестиции незначительны, однако динамика неплохая (рис. 5).

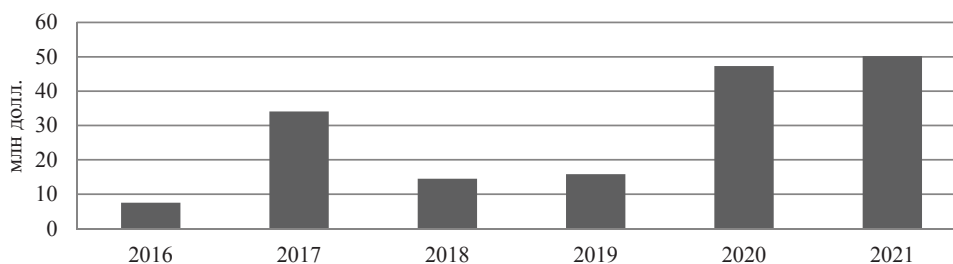

Рис. 5. Динамика российских инвестиций в цифровое здравоохранение [29]

Fig. 5. Dynamics of Russian investments in digital healthcare [29]

Есть две движущие силы цифровой трансформации в медицине: первая связана с внедрением цифровых технологий во все отрасли народного хозяйства, вторая – пандемия коронавируса, которая значительно увеличила потребность в телемедицине и дистанционном мониторинге пациентов. Эксперты полагают, что в ближайшие пять лет цифровые медицинские услуги могут

стать одним из самых быстрорастущих сегментов российского рынка здравоохранения, темпы роста которого составят 10–15% в год.

Крупнейшие российские инвестиции в России приходятся на технологии искусственного интеллекта, телемедицину и обслуживание клиентов (рис. 6). Кроме того, существует спрос на решения по медицинскому страхованию.

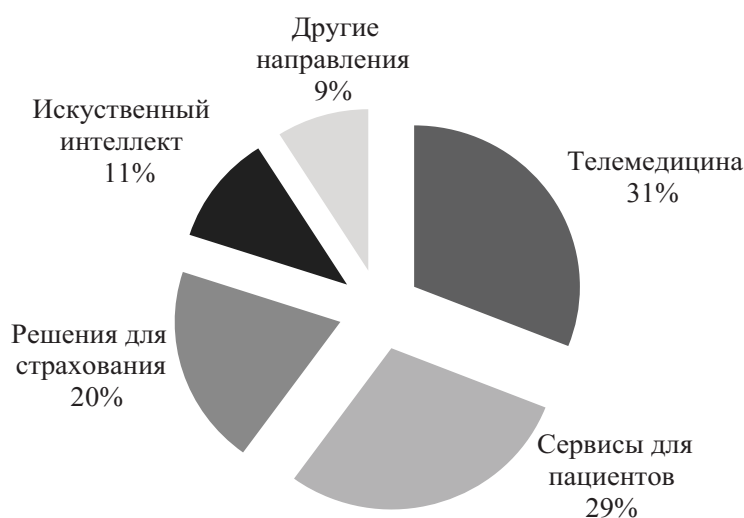

Рис. 6. Структура российских инвестиций в цифровое здравоохранение в 2021 г. [29]

Fig. 6. Structure of Russian investments in digital healthcare in 2021 [29]

Инвестиции России в цифровое здравоохранение увеличились в 2021 г. более чем в 3 раза по сравнению с 2019 г. Это связано как с общим ростом инвестиций в данную отрасль, так и с появлением новых компаний, работающих на данном рынке (рис. 7).

Российская стратегия электронного здравоохранения разрабатывалась в течение нескольких лет и опиралась на обширную лите-

ратуру и консультации, окончательная версия была официально выпущена в декабре 2021 г. Стратегия электронного здравоохранения, хотя и рассмотрена достаточно кратко, признает потенциал новых технологий, использующих мобильные устройства, интернет вещей, машинное обучение, искусственный интеллект, телевизионные информационные пространства и датчики для заполнения ин-

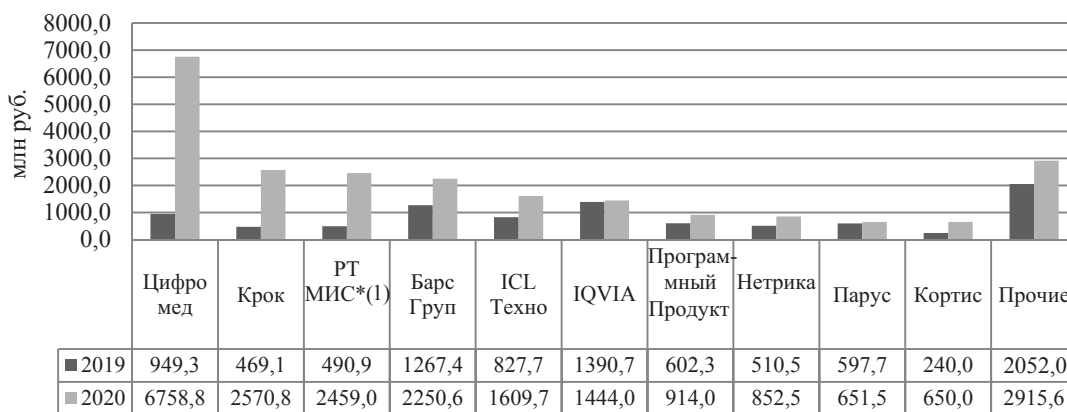

Рис. 7. Динамика инвестиций крупнейших российских поставщиков ИТ в здравоохранение в 2020 г. [29]

Fig. 7. Dynamics of the largest Russian IT suppliers investments in healthcare in 2020 [29]

формационных систем здравоохранения данными. Кроме того, особое внимание уделяется наращиванию потенциала и удобству использования всех систем (удобные интерфейсы, доступность, возможности производительности).

В рамках национального проекта «Здравоохранение» необходимо преобразовать систему здравоохранения страны за счет автоматизированной информационной поддержки, а также осуществления мониторинга и анализа использования ресурсов здравоохранения. Успешный опыт применения телемедицинских технологий в клинической практике показала Свердловская область, в которой в 2020 г. проведено более 21 тыс. телемедицинских консультаций [30].

Результаты

Основными проблемами, препятствующими внедрению цифровых технологий в здравоохранение, являются цифровое неравенство, которое предполагает подключение к интернету населения, проживающего в труднодоступных местах, а также недостаточность финансирования данного проекта. Необходимость масштабной трансформации системы управления здравоохранением вследствие цифровизации связана не только с технологиями и процессами, но и с культурными изменениями, другими способами обмена продукцией и услуг в новой экосистеме. Идея состоит в том, чтобы получить карту (как на национальном, так и на региональном уровне) направлений продвижения цифровой трансформации в здравоохранении (таблица).

Задачи, инструменты, результаты и целевые показатели цифровой трансформации в здравоохранении
Table. Tasks, tools, results and targets of digital transformation in healthcare

Задачи			
Развитие сотрудничества и содействие передаче знаний в области цифрового здравоохранения	Содействие осуществлению национальной стратегии в области цифрового здравоохранения	Повышение эффективности руководства цифровым здравоохранением на национальном и региональном уровнях	Совершенствование ориентированной на нужды людей системы здравоохранения на основе возможностей цифрового здравоохранения
Результаты			
Согласованность усилий для использования возможностей и решения проблем	Стратегические планы и комплексные действия на национальном уровне	Практические меры и капиталовложения на основе сбалансированных решений	Расширение прав и возможностей людей в области принятия полезных для здоровья решений
Промежуточные результаты			
Создание механизмов сотрудничества и партнерства с участием широкого круга заинтересованных сторон Создание национального информационного центра по эпиднадзору за болезнями и повышение эффективности его работы	Обеспечение интеграции цифровых технологий в национальную стратегию развития здравоохранения Определение приоритетов и разработка устойчивых моделей финансирования Внедрение динамической модели зрелости цифрового здравоохранения	Создание на национальном уровне механизма руководства цифровым здравоохранением Преобразование руководящих принципов и механизмов в ключевых областях цифровых преобразований системы здравоохранения	Повышение качества охраны здоровья различных групп населения Повышение уровня грамотности в вопросах цифрового здравоохранения и навыков обеспечения гендерного равенства
Инструменты политики и действия			
Программы и проекты Сотрудничество, партнерство и сеть Координационные советы	Законодательство, политика и контроль за соблюдением норм Управление преобразованиями	Технические и директивные документы Обмен знаниями и обучение	Индивидуальное и коллективное здоровье Системы и услуги в области регионального здравоохранения и социального обслуживания
Целевые показатели воздействия			
Повышение эффективности устойчивости экосистемы цифрового здравоохранения	Повышение эффективности системы и услуг здравоохранения	Ускорение цифровизации сектора здравоохранения и социального обеспечения	Рост показателей здоровья населения

Сост. по: [29].

Таким образом, по данным, представленным в таблице, мы видим, что масштабная цифровизация в здравоохранении направлена на достижение общих ценностей, таких как социальное обеспечение и рост показателей здоровья населения.

К основным барьерам развития отрасли можно отнести следующие. Непрозрачность создания ИИ-систем, низкое доверие к ним и ряд проблем этического плана препятствуют внедрению имеющихся решений. Современные технологические компании все больше смотрят на медицинские организации и существующую систему не как на своего заказчика, а как на конкурента. Технологии ИИ позволяют выдавать результаты в цифровом формате и обрабатывать для дальнейшей аналитики, однако нельзя и недооценивать важность профессионализма врачей и медицинских работников, которые будут на основе результатов проводить лечение пациента. Необходимо дополнительное обучение медиков работе с новыми технологиями. Еще одним барьером является цифровой разрыв не только регионов, но и городов и муниципальных образований внутри областей, и факт высокой бюджетной обеспеченности региона не гарантирует сохранения высоких позиций по уровню цифровизации экономической и социальной жизни.

Таким образом, цифровая трансформация требует коренной перестройки системы управления, которая должна соответствовать современным вызовам – обеспечивать возможность быстрого и эффективного реагирования на многочисленные изменения.

Выводы

Цифровизация организаций здравоохранения в современном мире становится насущной необходимостью. Вместе с тем практическая реализация проектов цифровой трансформации сталкивается с рядом проблем. С одной стороны, это проблемы, обусловленные особенностями развития данного направления деятельности: нарастающий кадровый дефицит, недостаток финансирования и при этом все возрастающая нагрузка на систему здравоохранения в целом. Необходимо внедрение технологий цифрового преобразования для усиления конкурентоспособности, снижения убыточных планов и страхования, а также повышения удовлетворенности клиентов. Поэтому одной из первоочередных задач является создание институциональных основ эффективного сотрудничества в цифровой экономике с вертикально интегрированными компаниями и ведомствами, которые могут стать заказчиками и инвесторами подобных проектов в сфере здравоохранения.

Направления цифровизации государственной системы здравоохранения включают: использование государственных информационных систем в субъектах РФ для управления работой медицинских организаций, цифровые сервисы для граждан, федеральные сервисы ЕГИСЗ, интеграцию с ЕПГУ и ИЗ других ведомств.

Список литературы

1. Porter M. E., Kramer M. R. Strategy and society: The Link between Competitive Advantage and corporate social responsibility // Harvard Business Review. 2006. Vol. 84, iss. 12. P. 78–92.
2. Аксенова Е. И., Горбатов С. Ю. Цифровизация здравоохранения: опыт и примеры трансформации в системах здравоохранения в мире. М. : ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2020. 44 с.
3. Is digital medicine different? // The Lancet. 2018. № 392 (10142). P. 95. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(18\)31562-9](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(18)31562-9)
4. Porter M. E., Kramer M. R. Creating shared value: How to reinvent capitalism and unleash a wave of innovation and growth // Harvard Business Review. 2011. January/February. P. 62–77.
5. Carvalho J. V., Rocha Á., Abreu A. Maturity Models of Healthcare Information Systems and Technologies: A Literature Review // Journal of Medical Systems. 2016. Vol. 40, iss. 6. P. 131. <https://doi.org/10.1007/s10916-016-0486-5>
6. Soylemez M., Tarhan A. The Use of Maturity/Capability Frameworks for Healthcare Process Assessment and Improvement // Software Process Improvement and Capability Determination. SPICE 2016 / P. Clarke, R. O'Connor, T. Rout, A. Dorling (eds.). Cham : Springer, 2016. (Communications in Computer and Information Science, vol. 609). https://doi.org/10.1007/978-3-319-38980-6_3
7. Ткаченко И. Н. Актуализация стейкхолдерского подхода корпоративного управления в условиях коронакризиса: от декларирования приверженности к прикладным моделям // Управленец. 2021. Т. 12, № 2. С. 2–16. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-2-1>
8. Newman D. Top 6 digital transformation trends in healthcare for 2019. Forbes. URL: <https://digitalbusinessmodel.ru/page4539569> (дата обращения: 14.01.2023).
9. Stoffers J. The promise of eHealth for primary care: Opportunities for service delivery, patient-doctor communication, self-management, shared decision making and research // European Journal of General Practice. 2018. Vol. 24, iss. 1. P. 146–148. <https://doi.org/10.1080/13814788.2018.1449779>
10. Hollander J. E., Carr B. G. Virtually Perfect? Telemedicine for Covid-19 // New England Journal of Medicine. 2020. Vol. 382. P. 1679–1681. <https://doi.org/10.1056/NEJMp2003539>

11. Wang Q., Huang R. The impact of COVID-19 pandemic on sustainable development goals – A survey // *Environmental Research*. 2021. Vol. 202. <https://doi.org/10.1016/j.envres.2021.111637>
12. Тимиргалеева Р. Р. Цифровая трансформация региональной системы здравоохранения // *Современная научная мысль*. 2020. № 4. С. 170–175.
13. Мызрова К. А., Туганова Э. А. Цифровизация здравоохранения как перспективное направление развития Российской Федерации // *Вопросы инновационной экономики*. 2018. Т. 8, № 3. С. 479–486. <https://doi.org/10.18334/vines.8.3.39355>
14. Карпов О. Э., Субботин С. А., Шишканов Д. В., Замятин М. Н. Цифровое здравоохранение. Необходимость и предпосылки // *Врач и информационные технологии*. 2017. № 3. С. 6–22.
15. Фечина А. О. Развитие рынка телемедицинских услуг в условиях цифровизации здравоохранения : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2022. 26 с.
16. Ávila Ó. Salud y crecimiento económico: un modelo de generaciones traslapadas, expectativa de vida endógena y capital humano // *Documento de Trabajo* núm. 60. Bogotá : Universidad del Rosario, 2009. P. 1–36.
17. Смирнова О. П., Чеснюкова Л. К. Влияние здравоохранения на уровень человеческого капитала субъектов Уральского федерального округа // *Региональная экономика: теория и практика*. 2022. Т. 20, вып. 11. С. 2083–2104. <https://doi.org/10.24891/re.20.11.2083>
18. Чеснюкова Л. К. Развитие человеческого капитала региона в условиях цифровизации экономики // *Производство. Наука. Образование: сценарии будущего (ПНО-2021)* : сб. ст. VIII Междунар. конгресса (Москва, 29 ноября – 01 декабря 2021 г.). СПб. : Ин-т нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, 2022. С. 296–306.
19. Mushkin S. Health as an Investment // *Journal of Political Economy*. 1962. Vol. 70, № 5, pt. 2: Investment in human beings. P. 129–157. <https://doi.org/10.1086/258730>
20. Grossman M. On the concept of health capital and the demand for health // *Journal of Political Economy*. 1972. Vol. 80, № 2. P. 223–255. <https://doi.org/10.1086/259880>
21. Бердиева Ш. Некоторые аспекты влияния здоровья на формирование человеческого капитала (в контексте пандемии COVID) // *Экономика Таджикистана*. 2020. № 4. С. 190–198.
22. Блинков С. Н., Левушкин С. П., Косихин В. П. Здоровье как основополагающий компонент развития человеческого капитала // *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*. 2021. № 9 (199), С. 11–15. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2021.9.p.11-15>
23. Ефимова Л. А. Расходы федерального бюджета на здравоохранение – основа развития человеческого капитала // *Известия Международной академии аграрного образования*. 2015. Т. 2, № 25. С. 193–195.
24. Карцхия А. А. Формирование цифрового здравоохранения как вызов времени // *Право и цифровая экономика*. 2021. № 3 (13). С. 39–46. <https://doi.org/10.17803/2618-8198.2021.13.3.039-046>
25. Филиппов Е. В. Факторы риска, неблагоприятные исходы хронических неинфекционных заболеваний и возможности их профилактики в регионе с высоким уровнем смертности : дис. ... д-ра экон. наук. Рязань, 2016. 293 с.
26. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022 : стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.
27. Заседание Правительственной комиссии по вопросам социально экономического развития Северо-Кавказского федерального округа. О развитии здравоохранения в Северо-Кавказском федеральном округе. URL: <http://static.government.ru/media/files/rQMZ0uVhAR EA0FlxyL0TUxoGAbhGj2Fd.pdf> (дата обращения: 14.01.2023).
28. Эпоха искусственного интеллекта. URL: https://spec.tass.ru/iskusstvenniy-intellekt/issledovatel'skiy-interes?utm_source=news.mail.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=informer (дата обращения: 14.01.2023).
29. Проект глобальной стратегии в области цифрового здравоохранения на 2020–2025 гг. URL: https://www.who.int/docs/default-source/documents/200067-draft-global-strategy-on-digital-health-2020-2024-ru.pdf?sfvrsn=e9d760b3_2 (дата обращения: 14.01.2023).
30. Объем телемедицинских консультаций в Свердловской области вырос на 20%. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4473546> (дата обращения: 14.01.2023).

References

1. Porter M. E., Kramer M. R. Strategy and society: The Link between Competitive Advantage and corporate social responsibility. *Harvard Business Review*, 2006, vol. 84, iss. 12, pp. 78–92.
2. Aksenova E. I., Gorbatov S. Ju. *Tsifrovizatsiya zdavookhraneniya: opyt i primery transformatsii v sistemakh zdavookhraneniia v mire* [Digitalization of healthcare: Experience and examples of transformation in healthcare systems in the world]. Moscow, 2020. 44 p. (in Russian).
3. Is digital medicine different? *The Lancet*, 2018, no. 392 (10142), pp. 95. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(18\)31562-9](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(18)31562-9)
4. Porter M. E., Kramer M. R. Creating shared value: How to reinvent capitalism and unleash a wave of innovation and growth. *Harvard Business Review*, 2011, January/February, pp. 62–77.
5. Carvalho J. V., Rocha Á., Abreu A. Maturity Models of Healthcare Information Systems and Technologies: A Literature Review. *Journal of Medical Systems*, 2016, vol. 40, iss. 6, pp. 131. <https://doi.org/10.1007/s10916-016-0486-5>
6. Soylemez M., Tarhan A. The Use of Maturity/Capability Frameworks for Healthcare Process Assessment and Improvement. In: Clarke P., O'Connor R., Rout T., Dorling A. (eds.) *Software Process Improvement and Capability Determination. SPICE 2016*. Communications in Computer and Information Science, vol. 609. Cham, Springer, 2016. https://doi.org/10.1007/978-3-319-38980-6_3
7. Tkachenko I. N. Rethinking the stakeholder approach to corporate governance in the coronavirus crisis: From commitment declaration to applied models. *Upravlenets [The Manager]*, 2021, vol. 12, no. 2, pp. 2–16 (in Russian). <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-2-1>

8. Newman D. *Top 6 digital transformation trends in healthcare for 2019*. *Forbes*. Available at: <https://digitalbusinessmodel.ru/page4539569> (accessed January 14, 2023).
9. Stoffers J. The promise of eHealth for primary care: Opportunities for service delivery, patient-doctor communication, self-management, shared decision making and research. *European Journal of General Practice*, 2018, vol. 24, iss. 1, pp. 146–148. <https://doi.org/10.1010/13814788.2018.1449779>
10. Hollander J. E., Carr B.G. Virtually Perfect? Telemedicine for COVID-19. *New England Journal of Medicine*, 2020, vol. 382, pp. 1679–1681. <https://doi.org/10.1056/NEJMp2003539>
11. Wang Q, Huang R. The impact of COVID-19 pandemic on sustainable development goals – A survey. *Environmental Research*, 2021, vol. 202. <https://doi.org/10.1016/j.envres.2021.111637>
12. Timirgaleeva R. R. Digital Transformation of the Regional Healthcare System. *Modern Scientific Thought*, 2020, no. 4, pp. 170–175 (in Russian).
13. Myzrova K. A., Tuganova E. A. Digitalization of health care as a perspective direction of development of the Russian Federation. *Russian Journal of Innovation Economics*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 479–486 (in Russian). <https://doi.org/10.18334/vinec.8.3.39355>
14. Karpov O. E., Subbotin S. A., Shishkanov D. V., Zamiatin M. N. Digital public health. Necessity and background. *Vrach i informatsionnye tekhnologii* [Physicians and IT], 2017, no. 3, pp. 6–22 (in Russian).
15. Fechina A. O. *Development of the market of telemedicine services in the conditions of digitalization of health care*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Econ.). Ekaterinburg, 2022. 26 p. (in Russian).
16. Ávila Ó. Health and economic growth: A model of overlapping generations, endogenous life expectancy and human capital. *Working Paper* no. 60. Bogota, University of Rosario, 2009, pp. 1–36 (in Spanish).
17. Smirnova O. P., Chesnyukova L. K. The healthcare effect on the human capital level of the Ural Federal District subjects. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2022, vol. 20, iss. 11, pp. 2083–2104 (in Russian). <https://doi.org/10.24891/re.20.11.2083>
18. Chesnyukova L. K. The development of the human capital of the region in the context of the digitalization of the economy. *Proizvodstvo. Nauka. Obrazovanie: stsennii budushchego (PNO-2021): sb. st. VIII Mezhdunarodnogo kongressa* [Proizvodstvo. The science. Education: Future Scenarios (PNO-2021): Sat. Art. VIII International Congress, Moscow, November 29 – December 01, 2021]. St. Petersburg, Institute of New Industrial Development named after S. Yu. Witte Publ., 2022, pp. 296–306 (in Russian).
19. Mushkin S. Health as an Investment. *Journal of Political Economy*, 1962, vol. 70, no. 5, pt. 2: Investment in human beings, pp. 129–157. <https://doi.org/10.1086/258730>
20. Grossman M. On the concept of health capital and the demand for health. *Journal of Political Economy*, 1972, vol. 80, no. 2, pp. 223–255. <https://doi.org/10.1086/259880>
21. Berdieva Sh. Some aspects of the impact of health on the formation of human capital (in the context of the COVID pandemic). *Ekonomika Tadjikistana* [Economics of Tajikistan], 2020, no. 4, pp. 190–198 (in Russian).
22. Blinkov S. N., Levushkin S. P., Kosikhin V. P. Health as fundamental component development of human capital. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*, 2021, no. 9 (199), pp. 11–15 (in Russian). <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2021.9.p.11-15>
23. Efimova L. A. Federal budget spending on health care – basis of human capital. *Izvestiya Mezhdunarodnoi akademii agrarnogo obrazovaniya*, 2015, vol. 2, no. 25, pp. 193–195 (in Russian).
24. Kartskhiya A. A. Formation of digital health as a challenge of the times. *Law and Digital Economy*, 2021, no. 3 (13), pp. 39–46 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/2618-8198.2021.13.3.039-046>
25. Filippov E. V. Risk factors, adverse outcomes of chronic noncommunicable diseases and opportunities for their prevention in a region with a high mortality rate). Diss. Dr. Sci. (Econ.). Rayzan, 2016. 293 p. (in Russian).
26. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2022: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2022: Statistical collection]. Moscow, Rosstat, 2022. 1122 p. (in Russian).
27. *Zasedanie Pravitel'stvennoi komissii po voprosam sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga. O razvitiy zdravookhraneniya v Severo-Kavkazskom federal'nom okruge* (Meeting of the Government Commission on the socio-economic development of the North Caucasus Federal District. On the development of healthcare in the North Caucasian Federal District). Available at: <http://static.government.ru/media/files/rQMZ0uVhAREA0FlxyLOTUxoGAbh-Gj2Fd.pdf> (accessed January 14, 2023) (in Russian).
28. *Epokha iskusstvennogo intellekta* (The era of artificial intelligence). Available at: https://spec.tass.ru/iskusstvenniy-intellekt/issledovatel'skiy-interes?utm_source=news.mail.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=informer (accessed January 14, 2023) (in Russian).
29. *Proekt global'noi strategii v oblasti tsifrovogo zdravookhraneniya na 2020–2025 gg.* (Draft global strategy for digital health 2020–2025). Available at: https://www.who.int/docs/default-source/documents/200067-draft-global-strategy-on-digital-health-2020-2024-ru.pdf?sfvrsn=e9d760b3_2 (accessed January 14, 2023) (in Russian).
30. *Ob'em telemeditsinskikh konsul'tatsiy v Sverdlovskoy oblasti vyros na 20%* (The volume of telemedicine consultations in the Sverdlovsk region increased by 20%). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4473546> (accessed January 14, 2023) (in Russian).

Поступила в редакцию 28.02.2023; одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 25.03.2023
The article was submitted 28.02.2023; approved after reviewing 22.03.2023; accepted for publication 25.03.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 174–179

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 174–179

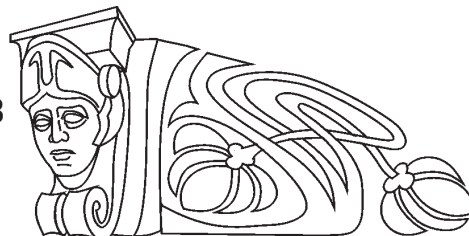
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-174-179>, EDN: MDSXFS

Научная статья

УДК 338.2

Развитие бизнес-планирования сбыта российских драгоценных металлов в условиях макроэкономической и геополитической нестабильности

И. А. Степанов

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Россия, 115409, г. Москва, Каширское шоссе, д. 31

Степанов Илья Алексеевич, аспирант кафедры финансового менеджмента, stepanovilya13@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8507-5401>

Аннотация. Введение. Под воздействием внешних ограничений российский рынок драгоценных металлов столкнулся с новыми вызовами и угрозами. Горно-металлургические компании оказались вынуждены перестраивать пострадавшие бизнес-процессы. Одной из основных задач в сложившихся условиях является реинжиниринг подходов к планированию сбыта. **Теоретический анализ.** Высокая волатильность на рынке, вызванная ростом макроэкономических и геополитических рисков, приводит к образованию ценовых пузырей. Пузыри негативно влияют на рынок, поскольку вызывают серьезные отклонения от фундаментальных уровней. Определено, что негативные новости приводят к формированию пузырей. **Эмпирический анализ.** Цены на драгоценные металлы в 2022 г. показали высокую волатильность. В результате анализа выявлен минимум один ценовой пузырь на палладий, образовавшийся на рынке в марте. В условиях возросшей неопределенности главная сбытовая задача российского бизнеса на 2022 г. состояла в продаже как можно большей части производства, с которой большинство горно-металлургических компаний справилось. **Результаты.** В рамках развития бизнес-планирования сбыта в условиях ограничений предложен комбинированный подход, дающий минимальные отклонения от средних цен и позволяющий уменьшить вероятность появления пузырей. Стоит использовать экономико-математические модели для своевременного выявления отклонений цен от их фундаментальных уровней. Обозначена необходимость стимулировать развитие региональных центров торговли драгоценными металлами.

Ключевые слова: бизнес-планирование, сбыт, рынок, драгоценные металлы, планирование сбыта

Для цитирования: Степанов И. А. Развитие бизнес-планирования сбыта российских драгоценных металлов в условиях макроэкономической и геополитической нестабильности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 174–179. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-174-179>, EDN: MDSXFS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Development of Russian precious metals sales planning under the conditions of macroeconomic and geopolitical instability

I. A. Stepanov

National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute), 31 Kashirskoe shosse, Moscow 115409, Russia

Ilya A. Stepanov, stepanovilya13@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8507-5401>

Abstract. Introduction. Under the influence of external limitations, Russian precious metals market faced new threats and challenges. Metallurgical companies have been forced to re-engineer affected business processes. One of the main tasks is to reassess their approach to sales planning. **Theoretical analysis.** High market volatility triggered by increased macroeconomic and geopolitical risks causes price bubbles. Bubbles have a negative impact on the market because they produce serious deviations from fundamental levels. There is a definite connection between negative news and bubbles growth. **Empirical analysis.** Precious metal prices showed high volatility in 2022. The analysis revealed at least one palladium price bubble formed during March. In the face of increased uncertainty, the main sales objective was to sell as much of the production as possible, which most metallurgical companies have coped with. **Results.** In order to develop sales planning under constraints, a combined approach is proposed that gives minimal deviations from average prices and reduces bubble probability. It is worth using econometric models for the early identification of price deviations from its fundamentals. It is necessary to encourage the regional trading hubs of precious metals.

Keywords: business planning, sales, market, precious metals, sales planning

For citation: Stepanov I. A. Development of Russian precious metals sales planning under the conditions of macroeconomic and geopolitical instability. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 174–179 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-174-179>, EDN: MDSXFS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Более двадцати пяти лет общеопределяющей тенденцией развития российского рынка драгоценных металлов являлось усиление интеграционных процессов в глобальный рынок, встраивание в международные логистические и финансовые цепочки. Постепенно осуществлялось институциональное признание российских горно-металлургических и аффинажных компаний значимыми участниками, влияющими на формирование спроса и предложения. За это время российским компаниям удалось выстроить и отладить бизнес-модель, сформировать и приумножить не только финансовый, но и научно-технический, инновационный и человеческий капитал. Развитие конкурентных преимуществ, к которым можно отнести богатую сырьевую базу и качество производимой товарной продукции, позволило российскому бизнесу хорошо зарекомендовать себя на премиальных рынках – европейском и американском.

Однако в 2022 г. ландшафт российского рынка драгоценных металлов сильно изменился по ряду макроэкономических и геополитических причин, среди которых можно выделить:

- региональные нарушения торговых, финансовых и логистических связей;
- устойчивое повышение общего уровня цен в большинстве стран мира;
- увеличение центральными банками процентных ставок;
- геополитическая напряженность в Европе и Юго-Восточной Азии;
- торговые ограничительные меры.

В этой связи привычные для российских горно-металлургических компаний бизнес-процессы оказались под давлением, что обозначило новые вызовы и вынудило пересмотреть приоритеты. Поскольку торгово-экономические связи с международными биржами, финансовыми институтами и традиционными для российских драгоценных металлов рынками сбыта пострадали, а возврата к прежним условиям сотрудничества в ближайшие периоды ждать не приходится, важными задачами бизнеса являются реинжиниринг сбытовых процессов и разработка новых подходов к планированию.

Теоретический анализ

Бизнес-планирование сбыта драгоценных металлов во многом базируется на исследовании внутренней и внешней среды. К основным для планирования данным внутренней среды относятся:

- информация о планируемом ежемесячном, квартальном, годовом производстве готовой продукции;
 - форма производства драгоценных металлов;
 - график ремонтов и инвентаризаций на обогатительных и аффинажных производственных площадках.
- К данным внешней среды, на которые зачастую опираются при планировании сбыта, можно отнести следующую информацию:
- состояние мировой экономики;
 - фундаментальное положение и тенденции развития отраслей применения драгоценных металлов;
 - биржевая и рыночная информация о динамике цен на драгоценные металлы;
 - данные о характере спроса и особенностях предложения;
 - нормативно-правовое регулирование в странах присутствия;
 - действующие ограничения;
 - особенности логистики и взаиморасчетов;
 - неторговые дни в странах присутствия.

Ключевое место на рынке драгоценных металлов занимает Лондонская ассоциация (LBMA), в состав которой входят более 140 крупнейших компаний-участников рынка по всему миру, включая горно-металлургические и аффинажные предприятия, а также трейдеров. LBMA выступает глобальным маркет-мейкером, каждый рабочий день публикуя цены на драгоценные металлы: две цены (утреннюю и вечернюю) на золото, платину, палладий и одну на серебро [1]. Помимо публикации цен, ассоциация ведет новостную ленту, выпускает рыночные обзоры и проводит отраслевые конференции.

Другими источниками исходных данных для целей планирования сбыта выступают аналитические обзоры рынков, периодически публикуемые международными аудиторскими и отраслевыми компаниями. Данные материалы содержат корпоративную статистику, позволяющую выявить тенденции развития рынка драгоценных металлов.

Публичные горно-металлургические компании в рамках раскрытия информации перед заинтересованными сторонами также выпускают аналитику рынков и формируют прогнозы их развития, подкрепляя отчеты собственными производственными и финансовыми показателями. На основе открытых данных можно судить об ожидаемом предложении первичного металла, рисках образования дефицита или профицита на рынке.

Наряду с добывающими компаниями рыночную статистику публикуют крупные заводы по производству промышленных изделий из драгоценных металлов и вторичной переработке. Такие крупные участники рынка аккумулируют до половины ежегодного мирового спроса на драгоценные металлы, а их данные о фактических и прогнозных результатах деятельности являются индикатором состояния отраслей потребления. Все обозначенные источники определяют фундаментально обоснованный уровень цен на драгоценные металлы.

В условиях макроэкономической и геополитической напряженности волатильность на рынках увеличивается. Настроение участников рынка становится более подвержено новостным сводкам. Ряд исследований содержат обоснование возрастающего влияния настроений на динамику цен драгоценных металлов. В своих работах Л. А. Смейлс проанализировал влияние настроений инвесторов в моменты выхода новостей на доходность золотых фьючерсов, обнаружив, что негативные новости оказывают более значительное влияние на изменение доходности, чем позитивные новости [2, 3]. Ю. Чжэн расширил перечень анализируемых драгоценных металлов, включив в исследование фьючерсы на серебро, платину и палладий. Он также показал взаимосвязь совокупных настроений фондового рынка с доходностью, заметив, что фьючерсы на металлы имеют более высокую доходность, когда настроения пессимистичны, а не оптимистичны. Результаты исследования демонстрируют асимметричную реакцию на положительные и отрицательные новости [4].

По мере роста такого влияния новостей, стоимость защитных активов, к которым традиционно относят драгоценные металлы, начинает превышать их фундаментальные значения, образуя ценовые пузыри [5]. Эмоциональная предвзятость побуждает субъектов рынка к отклонению от выбранных ранее стратегий и моделей. Важно отметить, что при усилении геополитического риска в странах, где сконцентрированы крупные месторождения отдельных металлов, вероятность образования пузыря возрастает прямо пропорционально [6]. Но в моменты, когда подобные пузыри начинают сжиматься, цены на драгоценные металлы резко снижаются и участники рынка перекладывают средства в другие активы, что показывает несостоятельность драгоценных металлов в роли убежища.

Для выявления ценовых пузырей на рынках драгоценных металлов в разное время ис-

пользовали частотный анализ и динамический факторный анализ. А. А. Халифа с соавт. подтвердили наличие ценовых пузырей на золото и серебро, применив модель обобщенной авторегрессионной условной гетероскедастичности (GARCH) [7]. Ю. Жао использовал расширенный супремум-критерий Дикки – Фуллера (SADF) и зафиксировал пять пузырей на рынке золота с 1973 по 2014 г. [8]. Х. Хан и С. Д. Кёсеоглу использовали обобщенный метод SADF (GSADF) для проверки взрывного поведения цен на палладий, выделив четыре пузыря в промежутке с 1994 по 2019 г. [9].

Нельзя не согласиться с упомянутыми авторами о периодическом появлении пузырей на рынках драгоценных металлов. Такие моменты негативно влияют на рынок, поскольку подтвержденные зависимости приводят к непоследовательным действиям и отклонению от целевых планов всех участников рынка. Поэтому при планировании сбыта российским горно-металлургическим компаниям в условиях повышенной нестабильности и действующих ограничений следует учитывать возможное появление пузырей, ориентироваться на фундаментальные факторы, определяющие ценообразование на рынках, а также, используя экономико-математические модели, идентифицировать образование новых пузырей [10].

Эмпирический анализ

Тенденции развития мировой экономики в 2022 г. оказывали серьезное влияние на международный рынок драгоценных металлов, однако к концу года цены на основные драгметаллы не претерпели больших изменений и практически остались на уровнях, с которых год начинали. В табл. 1 приведена рыночная информация по четырем биржевым драгоценным металлам за 2022 г.

Если проанализировать все цены на драгоценные металлы в 2022 г., количество которых по золоту, платине и палладию фиксировалось на торгах в Лондоне 498 раз, а по серебру 250 раз, становится понятно, что на рынке присутствовала сильная волатильность, особенно наблюдавшаяся в ценах на палладий (табл. 2).

Основная причина такой волатильности цен на драгоценные металлы в 2022 г. заключалась в том, что российский бизнес сильно пострадал от введенных ограничений, к числу которых можно отнести:

– решение лишить статуса «надежной поставки» (Good Delivery) всех российских аффинажных предприятий, принятое Лондонской ассоциацией по всем драгоценным металлам;

Таблица 1 / Table 1

Рыночная динамика драгоценных металлов в 2022 г.
Precious metals market price dynamics in 2022

Металл Metal	Цена на начало года, \$/Toz First year price, \$/Toz	Цена на конец года, \$/Toz Last year price, \$/Toz	Изменение, \$/Toz Change, \$/Toz	Изменение, % Change, %
Золото	1809,05	1812,35	3,30	0,18
Серебро	22,890	23,945	1,055	4,61
Платина	963,00	1065,00	102,00	10,59
Палладий	1869,00	1788,00	-81,00	-4,33

Рассчитано по: [1].

Таблица 2 / Table 2

Анализ цен на драгоценные металлы в 2022 г.
Precious metals price analysis in 2022

Металл Metal	Макс. значение цены, \$/Toz Max. price value, \$/Toz	Мин. значение цены, \$/Toz Min. price value, \$/Toz	Среднегодовая цена, \$/Toz Average annual price, \$/Toz	Дисперсия Dispersion	Коэффициент вариации, % Variation index, %	Коэффициент осцилляции, % Oscillation index, %
Золото	2039,05	1618,20	1800,45	8376,39	5,1	23,4
Серебро	26,175	17,700	21,730	4,854	10,1	39,0
Платина	1151,00	831,00	960,96	4161,04	6,7	33,3
Палладий	3339,00	1658,00	2112,30	61195,30	11,7	79,6

Рассчитано по: [1].

- ограничение прямого авиасообщения;
- ограничение доступа к биржевой и финансовой инфраструктуре;
- невозможность открытия металлических счетов в западных банках и заключения бумажных сделок с использованием производных финансовых инструментов;
- невозможность хеджирования ценовых рисков.

Однако на Россию приходится около 9% производимого золота (третье место в мире), 12–15% мирового производства платины (второе место в мире) и до 40% палладия (первое место в мире). Опасения участников рынка были связаны с риском эмбарго и глубоким дефицитом металлов, в первую очередь палладия, что образовало к марту ценовой пузырь на данный металл, который к осени себя исчерпал. Ограничительные меры вынудили российские компании минимизировать присутствие на премиальном европейском и американском рынке, переориентировав сбыт на дисконтные азиатские рынки.

Планирование сбыта в течение 2022 г. оказалось сильно затруднено по причине стихийного изменения внешней среды для российского бизнеса, который, очевидно, не закладывал подобный сценарий при планировании в пре-

дыдущие периоды. Поэтому переход на «ручное управление», который произошел с марта, оказался вполне оправдан. Из-за отсутствия диверсифицированных каналов и невозможности хеджирования ценовых рисков краткосрочная сбытовая модель изменила фокус на достижение максимальной реализации производимой продукции путем предоставления дисконтов, размер которых не превышал 2–5% от лондонских цен. Как ожидается, подобная модель обеспечит горно-металлургическим компаниям достижение высокого процента реализации и целевого уровня выручки, что вкуче с относительно низкой удельной себестоимостью добычи и производства металлов позволит профинансировать утвержденные инвестпрограммы и сохранить социальные гарантии. Однако экстраполировать такую схему при бизнес-планировании сбыта на последующие периоды не представляется оптимальным решением по причине того, что эффективность ее использования прямо пропорциональна степени рыночной неопределенности.

На конец 2022 г. внешний ограничительный потенциал на торговлю российскими драгоценными металлами практически полностью исчерпан. Единственным негативным риском, сохраняющим актуальность на текущий момент, можно считать введение полного эмбарго. По-

добный риск стоит закладывать в модель, но вероятность его реализации остается небольшой.

При планировании сбыта на последующие периоды, с учетом уже действующих ограничений и накопленного опыта по противодействию внешнему давлению, стоит закладывать в модель следующие ключевые рыночные процессы:

- риски рецессии и общее замедление экономического роста;
- сохраняющаяся геополитическая напряженность и ее возможная эскалация;
- рост деглобализационных процессов.

Замедление мировой экономики влияет на уровень потребления в отраслях, где применяются драгоценные металлы. Развитие таких отраслей, как автомобильная, ювелирная, химическая, приборостроение и электротехника, во многом зависят от финансового благополучия населения. Сокращение рабочих мест, рост инфляции и процентных ставок снижают потребительскую активность. Геополитическая напряженность будет сохранять высокую волатильность на рынках драгоценных металлов и может вызывать образование новых пузырей. Ожидается, что дезинтеграционные процессы, запущенные в 2022 г., сохраняют тенденцию и приведут к поляризации торгово-экономической деятельности и появлению новых региональных центров торговли драгоценными металлами, которыми могут стать Гонконг, Шанхай, Дубай, Стамбул и др. Важной задачей российского бизнеса при планировании сбыта остается диверсификация поставок драгоценных металлов и стимулирование формирования региональных центров в Азии, альтернативных Лондону, Цюриху и Нью-Йорку.

Результаты

Для оценки эффективности сбыта за отчетный период бизнес обычно ориентируется на отклонение от среднегодовой цены драгоценного металла, а также на отклонение за счет премии или дисконта.

Отклонение от средней цены показывает, по каким средневзвешенным ценам продавались металлы в течение года. Ранее это отклонение могло быть управляемым благодаря использованию инструментов хеджирования, к которым можно отнести производные финансовые инструменты. В настоящий момент хеджирование ограничено.

В среднесрочной перспективе стоит закладывать отрицательное отклонение за счет дисконта, которое будет уменьшаться по мере роста экономической активности и снижения геополитических рисков.

Чтобы оптимизировать результат, при планировании сбыта в новых условиях предлагается применять комбинированный метод, основанный на двух принципах:

1) следует продавать фиксированный объем металла на каждом фиксинге – моменте ежедневного установления цены на драгоценный металл, определяемом на Лондонском межбанковском рынке [1]. Фиксированный объем для продаж следует рассчитывать путем деления величины ожидаемого годового производства драгоценного металла на годовое количество фиксингов на этот металл;

2) в моменты образования ценового пузыря на драгоценный металл следует постепенно увеличивать объем реализации, а при его схлопывании уменьшать объем продаж драгоценного металла на каждом фиксинге.

Ценовые пузыри возникают при повышении макроэкономических и геополитических рисков. Используя комбинированный подход при планировании сбыта, российский бизнес сможет не только получить положительный финансовый результат относительно среднегодовой цены, но и стабилизировать рынок, обеспечивая ликвидность в моменты роста цен и не позволяя цене уходить сильно ниже ее фундаментального значения. Рост цен зачастую вызван опасениями дефицита металла на рынке. Увеличивая продажи в такие моменты, участники рынка получают сигнал, что металл доступен. Цены стабилизируются, а волатильность на рынках снижается.

Для развития бизнес-планирования сбыта также следует применять экономико-математические модели, которые способны определить текущую фундаментальную цену на драгоценный металл и сигнализировать о признаках образования пузыря. Одной из таких моделей может быть модель атрибуции возврата золота (GRAM), разработанная Всемирным советом по золоту для упрощения исторического анализа факторов, влияющих на цену [11].

В методологию расчетов GRAM входят:

- количественный анализ основных фундаментальных факторов, влияющих на ежемесячную динамику цен;
- выявление отклонений среднемесячных цен от фундаментальных значений, указывая возможные разовые обстоятельства или новые эффекты.

Для достижения лучших результатов при планировании сбыта стоит использовать несколько моделей, что повысит точность принятия решений при сопоставлении выходных данных.

В зависимости от задач сбыта подходы к планированию могут меняться, поэтому следует ежемесячно оценивать результаты фактических продаж и при необходимости дополнять подход.

Список литературы

1. LBMA Precious Metal Prices. URL: <https://www.lbma.org.uk/prices-and-data/precious-metal-prices/> (дата обращения: 30.12.2023).
2. Smales L. A. News sentiment in the gold futures market // *Journal of Banking & Finance*. 2014. Vol. 49. P. 275–286. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2014.09.006>
3. Smales L. A. Asymmetric volatility response to news sentiment in gold futures // *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. 2015. Vol. 34. P. 161–172. <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2014.11.001>
4. Zheng Y. The linkage between aggregate investor sentiment and metal futures returns: A nonlinear approach // *The Quarterly Review of Economics and Finance*. 2015. Vol. 58. P. 128–142. <https://doi.org/10.1016/j.qref.2015.02.008>
5. Stiglitz J. E. Symposium on bubbles // *Journal of Economic Perspectives*. 1990. Vol. 4, iss. 2. P. 13–18. <https://doi.org/10.1257/jep.4.2.13>
6. Shen J., Najand M., Dong F., He W. News and social media emotions in the commodity market // *Review of Behavioral Finance*. 2017. Vol. 9, iss. 2. P. 148–168. <https://doi.org/10.1108/RBF-09-2016-0060>
7. Khalifa A. A., Miao H., Ramchander S. Return distributions and volatility forecasting in metal futures markets: Evidence from gold, silver, and copper // *Journal of Futures Markets*. 2011. Vol. 31, iss. 1. P. 55–80. <https://doi.org/10.1002/fut.20459>
8. Zhao Y., Chang H.-L., Su Ch.-W., Nian R. Gold bubbles: When are they most likely to occur? // *Japan and the World Economy*. 2015. Vol. 34. P. 17–23. <https://doi.org/10.1016/j.japwor.2015.03.001>
9. Khan K., Köseoğlu S. D. Is palladium price in bubble? // *Resources Policy*. 2020. Vol. 68. Art. 101780. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2020.101780>
10. Maghyereh A., Abdoh H. Can news-based economic sentiment predict bubbles in precious metal markets? // *Financial Innovation*. 2022. Vol. 8, iss. 1. P. 1–29. <https://doi.org/10.1186/s40854-022-00341-w>
11. Gold Return Attribution Model (GRAM). URL: <https://www.gold.org/goldhub/tools/gold-return-attribution-model> (дата обращения: 30.12.2023).

References

1. *LBMA Precious Metal Prices*. Available at: <https://www.lbma.org.uk/prices-and-data/precious-metal-prices/> (accessed January 30, 2023).
2. Smales L. A. News sentiment in the gold futures market. *Journal of Banking & Finance*, 2014, vol. 49, pp. 275–286. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2014.09.006>
3. Smales L. A. Asymmetric volatility response to news sentiment in gold futures. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*, 2015, vol. 34, pp. 161–172. <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2014.11.001>
4. Zheng Y. The linkage between aggregate investor sentiment and metal futures returns: A nonlinear approach. *The Quarterly Review of Economics and Finance*, 2015, vol. 58, pp. 128–142. <https://doi.org/10.1016/j.qref.2015.02.008>
5. Stiglitz J. E. Symposium on bubbles. *Journal of Economic Perspectives*, 1990, vol. 4, iss. 2, pp. 13–18. <https://doi.org/10.1257/jep.4.2.13>
6. Shen J., Shen J., Najand M., Dong F., He W. News and social media emotions in the commodity market. *Review of Behavioral Finance*, 2017, vol. 9, iss. 2, pp. 148–168. <https://doi.org/10.1108/RBF-09-2016-0060>
7. Khalifa A. A., Miao H., Ramchander S. Return distributions and volatility forecasting in metal futures markets: Evidence from gold, silver, and copper. *Journal of Futures Markets*, 2011, vol. 31, iss. 1, pp. 55–80. <https://doi.org/10.1002/fut.20459>
8. Zhao Y., Chang H.-L., Su Ch.-W., Nian R. Gold bubbles: when are they most likely to occur? *Japan and the World Economy*, 2015, vol. 34, pp. 17–23. <https://doi.org/10.1016/j.japwor.2015.03.001>
9. Khan K., Köseoğlu S. D. Is palladium price in bubble? *Resources Policy*, 2020, vol. 68, Art. 101780. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2020.101780>
10. Maghyereh A., Abdoh H. Can news-based economic sentiment predict bubbles in precious metal markets? *Financial Innovation*, 2022, vol. 8, iss. 1, pp. 1–29. <https://doi.org/10.1186/s40854-022-00341-w>
11. *Gold Return Attribution Model (GRAM)*. Available at: <https://www.gold.org/goldhub/tools/gold-return-attribution-model> (accessed January 30, 2023).

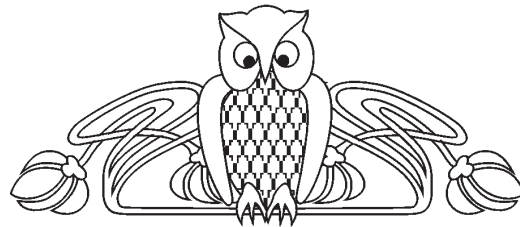
Поступила в редакцию 31.01.2023; одобрена после рецензирования 02.03.2023; принята к публикации 25.03.2023
The article was submitted 31.01.2023; approved after reviewing 02.03.2023; accepted for publication 25.03.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 180–185
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 180–185
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-180-185>, EDN: NLTGUR

Научная статья
УДК 338.1+338.001.36

Анализ динамики развития рынков интеллектуальных товаров и услуг в российских регионах

Р. Р. Тугушева, Е. В. Огурцова, А. А. Фирсова ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Тугушева Рясимья Ригагьяевна, старший преподаватель кафедры экономической теории и национальной экономики, ryasimya.tugusheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9043-6948>

Огурцова Елена Вячеславовна, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономической теории и национальной экономики, tirolmen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8751-7138>

Фирсова Анна Александровна, доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита, a.firsova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8906-6326>

Аннотация. Введение. Развитие науки и техники в последние десятилетия, активное внедрение инноваций и происходящие технологические изменения значительно повлияли на экономические процессы и привели к возникновению постиндустриальной экономической системы с преобладанием четвертичного знаниеемкого сектора экономики. **Теоретический анализ.** Развитие интеллектуальной деятельности и расширение сферы интеллектуального производства меняют качество самой экономической системы. В современной экономике развитие рынков интеллектуальных товаров и услуг приводит к качественным сдвигам в традиционных секторах экономики, что обуславливает важность изучения их динамики развития. **Эмпирический анализ.** На эмпирических данных 85 российских регионов за 2014–2021 гг. был рассчитан интегральный показатель уровня развития региональных рынков интеллектуальных товаров и услуг по девяти показателям, характеризующим наиболее масштабные знаниеемкие сектора генерации знаний региональных экономик: образовательные услуги, инновации и информационные технологии. **Результаты.** Определена динамика развития региональных рынков интеллектуальных товаров и услуг в целом и выявлены неравномерность их развития и высокая степень дифференциации. «Разорванность» регионов с высоким уровнем развития знаниеемких секторов друг от друга тормозит формирование равномерного инновационного пространства и распространение высокотехнологичного уклада, эффективный перелив знаний, технологий, информации и экономический рост в целом. **Заключение.** Результаты исследования могут использоваться для анализа изменений рынка образовательных услуг, при проведении исследований инновационного и информационного развития регионов, прогнозирования качественных и количественных трендов развития рынков интеллектуальных товаров и услуг.

Ключевые слова: рынки интеллектуальных товаров и услуг, регион, инновации, образование, информационные технологии

Для цитирования: Тугушева Р. Р., Огурцова Е. В., Фирсова А. А. Анализ динамики развития рынков интеллектуальных товаров и услуг в российских регионах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 180–185. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-180-185>, EDN: NLTGUR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Analysis of the markets for intellectual goods and services dynamics development in Russian regions

R. R. Tugusheva, E. V. Ogurtsova, A. A. Firsova ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Rysimya R. Tugusheva, ryasimya.tugusheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9043-6948>

Elena V. Ogurtsova, tirolmen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8751-7138>

Anna A. Firsova, a.firsova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8906-6326>

Abstract. Introduction. The development of science and technology in recent decades, the active introduction of innovations and ongoing technological changes have significantly influenced economic processes and led to the emergence of a post-industrial economic system with a predominance of the Quaternary knowledge-intensive sector of the economy. **Theoretical analysis.** The development of intellectual activity and the expansion of the intellectual production sphere change the quality of the economic system itself. In modern economy, the development of markets for intellectual goods and services leads to qualitative changes in traditional sectors of the economy, which makes it important to study

their development dynamics. **Empirical analysis.** Based on empirical data from 85 Russian regions for 2014–2021, an integral indicator of the development level of regional markets for intellectual goods and services was calculated using nine indicators that characterize the most large-scale knowledge-intensive sectors of knowledge generation in regional economies: educational services, innovations and information technologies. **Results.** The dynamics of the development of regional markets for intellectual goods and services as a whole is determined, and the unevenness of their development and a high degree of differentiation are revealed. The “disconnection” of regions with a high level of development of knowledge-intensive sectors from each other hinders the formation of an even innovation space and the spread of a high-tech way of life, the effective transfer of knowledge, technology, information and economic growth in general. **Conclusion.** The results of the study can be used to analyze changes in the educational services market, when conducting research on the innovative and informational development of regions, predicting qualitative and quantitative trends in the development of markets for intellectual goods and services.

Keywords: markets for intellectual goods and services, region, innovations, education, information technologies

For citation: Tugusheva R. R., Ogurtsova E. V., Firsova A. A. Analysis of the markets for intellectual goods and services dynamics development in Russian regions. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 180–185 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-180-185>, EDN: NLTGUR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Динамичное развитие науки и техники в последние десятилетия, активное внедрение инноваций и происходящие технологические изменения значительно повлияли и на экономические процессы [1]. Переход общества и экономики на новый этап экономического развития, характеризующийся ростом интеллектуализации хозяйственной деятельности, повышением роли нематериального производства и, прежде всего, производства новых знаний, сопровождается возникновением рынков интеллектуальных товаров и услуг [2].

Постиндустриальная экономическая система с преобладанием четвертичного сектора экономики обуславливает рост потребности в интеллектуальных услугах. Отличительной чертой интеллектуального товара является знаниеемкость [3]. Поэтому одним из важнейших сегментов постиндустриальной экономики и воспроизводственной цепочки превращения интеллектуального капитала в знания, в производстве нового знания, его приращении и распространении сегодня становится рынок интеллектуальных товаров и услуг, среди которых значительный сегмент составляют знаниеемкие образование, наука и инновации, информационные технологии. Эти сегменты экономики обладают наибольшим инновационным потенциалом, их динамика и эффективность развития являются сегодня очень важными для экономического роста в целом [4]. Однако при всей важности изучения данных рынков сегодня очень немногочисленны количественные оценки объема, структуры и динамики рынков интеллектуальных товаров и услуг, их представленности и распространения в региональном разрезе на территории Российской Федерации.

Теоретический анализ

В связи с тем, что производство интеллектуальных товаров и услуг сопряжено с исполь-

зованием нематериальных активов и информационным обменом, а также с когнитивными и интеллектуальными способностями человека, его знаниями, в современном научном дискурсе представлены различные толкования таких понятий, как «экономика знаний», «информационная экономика», «интеллектуальный товар», «рынки интеллектуальных товаров и услуг», «знаниеемкие сектора», однако общепризнанного понимания данных категорий нет, что делает их расплывчатыми и требующими методологического уточнения их формулировок и границ.

Знания в широком смысле слова представляют собой некую совокупность сведений, «осведомленность в какой-либо области как постижение действительности в отдельных ее сторонах и в целом; систему сведений о закономерностях развития природы, общества» [5, с. 89]. Дж. Ходжсон, сравнивая информацию и знания, пишет, что «знания – продукт использования информации» [6, с. 34]. Р. Кроуфорд отмечает, что «знание – это способность применить информацию к конкретному роду деятельности» [7, р. 4]. По мнению П. Друкера, сегодня знание является реальным капиталом, он также выделяет такую категорию, как «работник знаний» [8]. Навыки такого работника отличаются от навыков работника ручного труда и являются в основном интеллектуальными навыками, следовательно, в основе работы заложены интеллектуальные способности, нежели мастерство. П. Друкер утверждает, что наряду с природными ресурсами в экономическом развитии и конкуренции «работник знаний» является главным фактором производства.

Таким образом, если раньше перед работником стояли четкие обязанности, он следовал определенным инструкциям, то в настоящее время, когда нематериальное производство превосходит по значимости материальное, работник должен обладать интеллектом, творческими способностями. Другими словам, к

нему предъявляются не физические, а интеллектуальные требования. И одним из основополагающих факторов в инновационном процессе выступает креативный тип мышления, а также сотрудники, занимающиеся исследованиями и разработками [9].

Развитие интеллектуальной деятельности, расширение сферы интеллектуального производства меняют качество самой экономической системы. Термин «экономика знаний» используется для характеристики такого типа экономики, в которой ведущую роль в создании общественного богатства играют знания, и они являются главным фактором экономического роста [10]. Вместе с тем экономику, основанную на знаниях, в которой знания являются главным ресурсом, зачастую называют информационной экономикой. С данным утверждением сложно согласиться, поскольку в действительности информационная экономика не тождественна «экономике знаний», которая, в свою очередь, основана на аккумулированной информации, причем информации не всякой, а только качественной.

Основоположник «экономики знаний» Ф. Махлуп также писал о нетождественности категорий «информация» и «знания» [11]. Характеризуя элементы индустрии знаний, категорию «информация» Ф. Махлуп рассматривает как вспомогательный элемент. По Ф. Махлупу, индустрия знаний есть производство знаний, и данное явление необходимо относить к теории общества знаний, а не к теории информационного общества [12]. В. П. Колесов также различает эти два понятия. Информацию он рассматривает как сырье для мыслительной деятельности человека, которое порождает знания. А знания, с точки зрения Колесова, «возникают в результате мыслительной деятельности человека, имеющей целью восприятие, осмысление, систематизацию и интерпретацию информации» [13, с. 6–7]. Информация принимает вид знания, когда ее можно использовать для получения нового знания.

Знания можно классифицировать по нескольким признакам. А. Горц по характеру происхождения выделяет следующие его виды: живое опытное знание и научно-техническое. К первому он относит опыт и навыки, составляющие профессиональные компетенции, которые формируют человеческий потенциал. Его нельзя преподавать, так как оно возникает благодаря способностям субъекта. Научно-техническое знание связано с формализованными знаниями, которые можно отделить от его носителя, т. е. человека. Эти знания можно передать во всеобщее пользование [14].

В современной экономике развитие рынков интеллектуальных товаров и услуг приводит к качественным сдвигам в традиционных секторах экономики. В российских условиях важным фактором, влияющим на специфику экономических процессов, является большая протяженность территории и гетерогенное состояние ее экономического пространства [15]. Эти обстоятельства актуализируют и расширяют перечень исследуемых теоретических и эмпирических аспектов становления рынков интеллектуальных товаров и услуг. Условия и тенденции их формирования и развития представляют интерес как с теоретико-методологической, так и с практической точек зрения. Поэтому сегодня актуален анализ количественных и качественных структурных изменений рынков интеллектуальных товаров и услуг и исследование факторов, влияющих на функционирование знаниеемких сегментов региональных экономик.

Целью настоящего исследования является анализ динамики развития наиболее масштабных знаниеемких секторов – секторов генерации знаний в региональных экономиках: образовательных услуг, инноваций и информационных технологий за 2014–2021 гг.

Эмпирический анализ

В ходе исследования были использованы методы сравнительного, эмпирического, картографического, экономического и статистического анализа.

Информационная база настоящего исследования представлена статистическими данными Росстата [16]. Для оценки динамики развития и анализа количественных структурных сдвигов был выбран период 2014–2021 гг., что обусловлено наличием в российской статистике показателей цифровизации только с 2014 по 2021 г. на момент проведения исследования. Исследование проводилось на данных 85 регионов, по которым имелись релевантные и сопоставимые показатели за указанные годы. Исходные данные были нормированы методом линейного масштабирования, вычисление интегрального показателя произведено с помощью метода средней арифметической.

С целью определения уровня развития знаниеемких секторов по регионам России нами был использован подход, более подробно представленный в [17].

На эмпирических данных российских регионов был рассчитан интегральный показатель уровня развития региональных рынков интеллектуальных товаров и услуг по девяти показателям, характеризующим наиболее масштабные и

поддающиеся количественной оценке вследствие наличия данных Росстата сегменты: образование, инновации и информационные технологии за 2014–2021 гг., включающий:

1) показатели развития образовательных услуг в регионе: доля финансирования организаций высшего образования региона в общей доле финансирования по Российской Федерации, %; удельный вес студентов в общей численности населения в возрасте 17–25 лет, %; удельный вес численности высококвалифицированных работников в общей численности квалифицированных работников, %;

2) показатели развития инноваций в соответствующем регионе: доля внутренних затрат на исследования и разработки, % к ВРП; коэффициент изобретательской активности региона, ед.; удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %;

3) показатели развития цифровых технологий в регионе: доля затрат на ИКТ, % к ВРП; индекс цифровизации домашних хозяйств; индекс цифровизации бизнеса.

Показатели, характеризующие уровень развития рынка инноваций, отражают финансирование инновационной деятельности, их производство и спрос. Показатели рынка об-

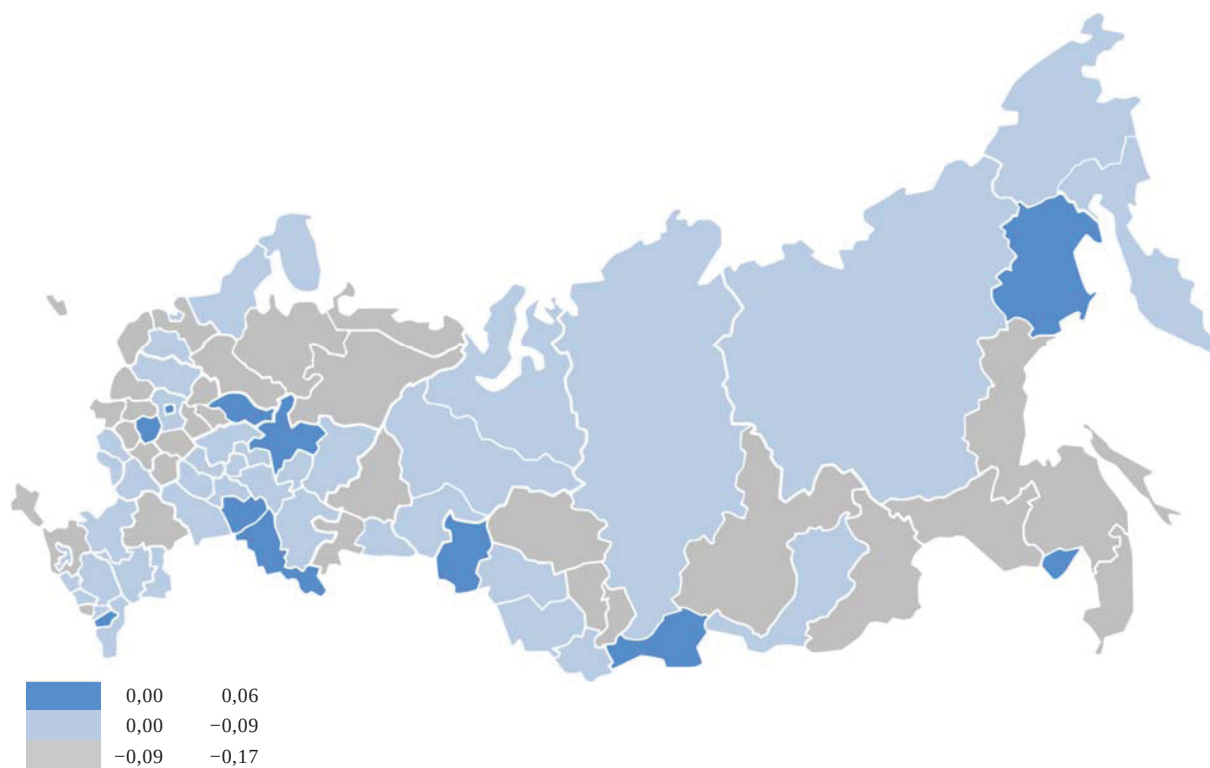
разовательных услуг региона отражают также уровень финансирования данного рынка, уровень образования населения и обеспеченность высококвалифицированными кадрами рынка труда. Показатели рынка цифровых технологий отражают долю затрат на ИКТ, а также уровень использования цифровых технологий населением и бизнесом.

Данный набор показателей, на наш взгляд, позволяет в условиях отсутствия релевантной информации рассмотреть динамику развития знаниеемких сегментов генерации знаний рынка интеллектуальных товаров и услуг в российских регионах, учитывая ограниченность статистических данных об исследуемом сегменте.

Результаты

В результате исследования указанных показателей был сформирован интегральный показатель уровня развития рынков интеллектуальных товаров и услуг региональных экономик по российским регионам за 2014–2021 гг.

На рисунке представлены регионы, в которых произошло наиболее значительное изменение уровня развития рынков интеллектуальных товаров, на нем выделены регионы, продемонстрировавшие рост и снижение роста знаниеемких секторов в период 2014–2021 гг.

Карта-схема: регионы, в которых произошли рост и снижение уровня развития рынков интеллектуальных товаров и услуг в 2014–2021 гг. (цвет онлайн)

Figure. Map-scheme: Regions in which there was growth and decline in the level of intellectual goods and services markets development in 2014–2021 (color online)

Анализ динамики развития рынков интеллектуальных товаров и услуг региональных экономик демонстрирует подъем общего уровня развития рынков интеллектуальных товаров и услуг на интервале 2014–2018 гг. и снижение на интервале 2018–2021 гг. Данная динамика в значительной мере обусловлена, на наш взгляд, последствиями пандемии коронавируса в 2020–2021 гг., отразившимися на показателях развития региональных экономик вследствие прямой и косвенной государственной поддержки и влияния ее спilloвер-эффектов на исследуемые сегменты региональных экономик.

Также была выявлена высокая дифференциация в уровне развития знаниеемких секторов в регионах. Уровень дифференциации регионов как отношение лидирующего региона к региону с наименьшим ростом увеличился: в 2014 г. он составлял 3,5 раза, а в 2018 г. – 4,5 раза, в 2021 г. составил 4,1 раза. Такая неравномерность развития и «разорванность» «территорий интеллектуального роста» – регионов с высоким уровнем развития знаниеемких секторов – друг от друга, тормозит формирование равномерного инновационного пространства и распространение высокотехнологичного уклада, эффективный перелив знаний, технологий, информации и экономический рост в целом.

Заключение

В настоящем исследовании была проанализирована динамика развития основных сегментов рынков интеллектуальных товаров и услуг, влияющих на функционирование знаниеемких сегментов региональных экономик. В целом, произошедшие структурные трансформации можно охарактеризовать следующими тенденциями – снижение уровня развития рынков, неравномерность развития и высокая дифференциация. Прослеживается «разорванность» регионов с высоким уровнем развития знаниеемких секторов друг от друга и усиление этого разрыва между регионами в динамике. Эта неравномерность развития информационных технологий, рынка образования и инновационной деятельности в регионах России тормозит перелив знаний, технологий и информации и эффективный экономический рост. Вероятнее всего, в современных условиях анализируемые сегменты рынков интеллектуальных товаров и услуг будут активнее распространяться в сильных и средних регионах, где имеется высокий потенциал развития этих рынков и соответствующая инфраструктура [18].

Результаты проведенного анализа позволяют проанализировать условия формирования и динамику знаниеемкой экономики в регионах

России и показывают необходимость создания эффективных программ и стратегий в области развития этих важных сегментов в рамках политики регионального выравнивания и стимулирования развития рынка интеллектуальных товаров и услуг.

Результаты исследования могут использоваться для анализа изменений рынка образовательных услуг, при проведении исследований инновационного и информационного развития регионов, прогнозирования качественных и количественных трендов развития рынков интеллектуальных товаров и услуг.

Список литературы

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
2. *Firsova A. A., Chernyshova G. Yu., Tugusheva R. R.* Approaches to Efficiency Assessing of Regional Knowledge-Intensive Services Sector Development Using Data Envelopment Analysis // *Mathematics*. 2022. Vol. 10, iss. 2. Art. 173. <https://doi.org/10.3390/math10020173>
3. *Тугушева Р. Р.* Проявление фиктивности в интеллектуальных товарах в экономике знаний // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 390–394. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2016-16-4-390-394>
4. *Тугушева Р. Р., Огурцова Е. В., Фирсова А. А.* Анализ условий развития дистанционных образовательных технологий в российских регионах // *Дистанционные образовательные технологии : сб. тр. VI Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. Н. Таран. Симферополь, ИТ «Ариал», 2021. С. 86–89.*
5. *Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецова.* СПб. : Норинт, 2001. 960 с.
6. *Ходжсон Дж.* Социально-экономические последствия прогресса знаний и нарастания сложности // *Вопросы экономики*. 2001. № 8. С. 32–45.
7. *Crawford R.* In the Era of Human Capital: The Emergence of Talent, Intelligence and Knowledge as the Worldwide Economic Force and Means to Managers and Investors. New York : Harper Business, 1991. 154 p.
8. *Drucker P.* The Effective Executive. London : Routledge, 2016. 184 p. <https://doi.org/10.4324/9780080549354>
9. *Фирсова А. А., Макарова Е. Л.* Факторы, влияющие на инновационное развитие региона // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 141–147. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2017-17-2-141-147>
10. *Красильников О. Ю.* Знания и информация в концепциях «новой» экономики // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 12–16. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2012-12-2-12-16>

11. Machlup F. *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. New Jersey : Princeton University Press, 1962. 416 p.
12. Карпов А. О. Основные теоретические понятия общества знания // Вестник российской академии наук. 2015. Т. 85, № 9. С. 812–820. <https://doi.org/10.7868/S0869587315090054>
13. Экономика знаний / отв. ред. В. П. Колесов. М. : ИНФРА-М, 2008. 432 с.
14. Горц А. Нематериальное знание, стоимость и капитал. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. 208 с.
15. Фенин К. В., Мусаева Д. Н. Различные измерения неоднородности экономического пространства Российской Федерации // Гуманитарный научный журнал. 2019. № 1. С. 120–127.
16. Росстат : [сайт]. URL: <http://rosstat.gov.ru/folder/14477> (дата обращения: 18.01.2023).
17. Firsova A. A., Tugusheva R. R., Ogurtsova E. V. Analysis of the Knowledge-Intensive Sectors Development in Russian Regions // Proceedings of VI International Scientific and Practical Conference Distance Learning Technologies (DLT–2021), September 20–22, 2021. Yalta, Crimea (CEUR Workshop Proceedings), 2021. P. 153–160.
18. Преображенский Ю. В. Макрорегионы как надрегиональные инновационные системы: проблема перетока знания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 17–22. <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2020-20-1-17-22>
5. Kuznetsova S. A. (ed.) *Sovremenniyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Modern Dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint, 2001. 960 p. (in Russian).
6. Khodzhsan Dzh. The socioeconomic consequences of the progress of knowledge and the increasing complexity. *Voprosy ekonomiki*, 2001, no. 8, pp. 32–45 (in Russian).
7. Crawford R. *In the Era of Human Capital: The Emergence of Talent, Intelligence and Knowledge as the Worldwide Economic Force and Means to Managers and Investors*. New York, Harper Business, 1991. 154 p.
8. Drucker P. *The Effective Executive*. London, Routledge, 2016. 184 p. <https://doi.org/10.4324/9780080549354>
9. Firsova A. A., Makarova E. L. Factors Affecting the Innovative Development of the Region. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 141–147 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2017-17-2-141-147>
10. Krasilnikov O. Yu. Knowledge and Information in «New Economy» Conception. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2012, vol. 12, iss. 2, pp. 12–16 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2012-12-2-12-16>
11. Machlup F. *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. New Jersey, Princeton University Press, 1962. 416 p.
12. Karpov A. O. Basic theoretical concepts of the knowledge society. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2015, vol. 85, no. 9, pp. 812–820 (in Russian). <https://doi.org/10.7868/S0869587315090054>
13. Kolesov V. H. (ed.) *Ekonomika znaniy* [Knowledge Economy]. Moscow, INFRA-M, 2008. 432 p. (in Russian).
14. Gorts A. *Nematerial'noe znanie, stoimost' i kapital* [Non-material knowledge, cost and capital]. Moscow, HSE Publishing House, 2010. 209 p. (in Russian).
15. Fenin C. V., Musaeva D. N. Various measurements of the heterogeneity of the economic space of the Russian Federation. *Humanitarian Scientific Journal*, 2019, no. 1, pp. 120–127 (in Russian).
16. Federal State Statistics Service (Rosstat). Site. Available at: <http://rosstat.gov.ru/folder/14477> (accessed January 18, 2023) (in Russian).
17. Firsova A. A., Tugusheva R. R., Ogurtsova E. V. Analysis of the Knowledge-Intensive Sectors Development in Russian Regions. In: *Proceedings of VI International Scientific and Practical Conference Distance Learning Technologies (DLT–2021)*, September 20–22, 2021. Yalta, Crimea (CEUR Workshop Proceedings), 2021, pp. 153–160.
18. Preobrazhenskiy Yu. V. Macroregions as supra-regional innovation systems: The problem of knowledge spillover. *Izvestiya of Saratov University. Earth Sciences*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 17–22 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2020-20-1-17-22>

References

Поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 20.03.2023
The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 10.03.2023; accepted for publication 20.03.2023

ПРАВО

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 186–192

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 186–192
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-186-192>

EDN: KWJDPE

Научная статья
УДК 342.413,342.415,342.417

Стратегические национальные приоритеты России в поправках к Конституции РФ 2020 года

Г. Н. Комкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Комкова Галина Николаевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, декан юридического факультета, komkova_galina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2572-2443>

Аннотация. Введение. Стратегические национальные приоритеты в России закрепляются в Стратегии национальной безопасности, которая была утверждена в 2021 г. В связи с этим возникает вопрос: как соотносятся данные приоритеты с теми поправками к Конституции Российской Федерации, которые были внесены в 2020 г.? **Теоретический анализ.** Выявлено, что в зависимости от этапов развития государства система приоритетов может меняться, что обусловлено как внутригосударственными, так и международными факторами. Закрепление системы приоритетов в специальном документе задает векторы развития государства на определенный период. Фиксация данных стратегических приоритетов государства в Основном законе страны придает им особый смысл, значимость и специальную повышенную защиту. **Эмпирический анализ.** Проведен сравнительный анализ стратегических национальных приоритетов с текстом конституционных поправок, принятых в 2020 г., выявлено их соответствие и возможность реализации органами публичной власти современной России. **Результаты.** Система стратегических национальных приоритетов современной России выстроена таким образом, чтобы достичь национальных целей развития Российского государства, предотвратить наступление внутренних и внешних угроз страны, а их реализация возможна только посредством согласованного функционирования и взаимодействия всех органов публичной власти и институтов гражданского общества, граждан Российской Федерации.

Ключевые слова: стратегические национальные приоритеты, Конституция Российской Федерации, поправки к Конституции РФ 2020 года

Для цитирования: Комкова Г. Н. Стратегические национальные приоритеты России в поправках к Конституции РФ 2020 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 186–192. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-186-192>, EDN: KWJDPE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

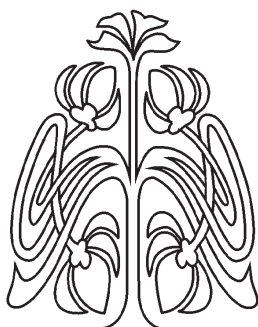
Strategic national priorities of Russia in the 2020 amendments to the Russian Constitution

G. N. Komkova

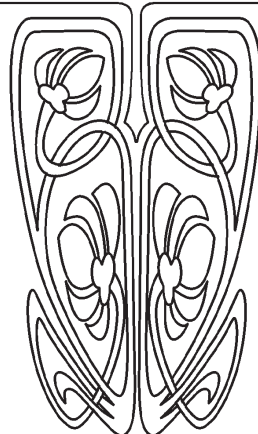
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Galina N. Komkova, komkova_galina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2572-2443>

© Комкова Г. Н., 2023

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. Introduction. Strategic national priorities in Russia are enshrined in the National Security Strategy, which was approved in 2021. In this regard, the question arises: how do these priorities correlate with the amendments to the Constitution of the Russian Federation that were introduced in 2020. **Theoretical analysis.** It was revealed that, depending on the stages of development of the state, the system of priorities may change, which is due to both domestic and international factors. Fixing the system of priorities in a special document sets the vectors for the development of the state for a certain period. The fixation of these strategic priorities of the state in the Basic Law of the country gives them a special meaning, significance and special increased protection. **Empirical analysis.** The author carried out a comparative analysis of strategic national priorities with the text of the constitutional amendments adopted in 2020. The analysis revealed their compliance and the possibility of implementation by the public authorities of modern Russia. **Results.** The system of strategic national priorities of modern Russia is built in such a way as to achieve the national goals of the development of the Russian state, prevent the onset of internal and external threats to the country, and their implementation is possible only through the coordinated functioning and interaction of all public authorities and civil society institutions, citizens of the Russian Federation.

Keywords: strategic national priorities, the Constitution of the Russian Federation, amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020

For citation: Komkova G. N. Strategic national priorities of Russia in the 2020 amendments to the Russian Constitution. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 186–192 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-186-192>, EDN: KWJDPE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Приоритеты принято рассматривать как направления развития, векторы любого общественного процесса, то, куда должны быть направлены усилия людей для достижения какой-либо значимой цели. Это те насущные на данный момент вопросы, которые требуют немедленного и эффективного разрешения. По отношению ко всему государству такие приоритеты задают курс его развития как на ближайшее время, так и на долгосрочный период, исходя из целей, которые планируется достигнуть.

В Российской Федерации такие приоритеты закрепляются в специальном документе – Стратегии национальной безопасности. Так, Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 была принята Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, где указывались следующие стратегические национальные приоритеты:

- оборона страны;
- государственная и общественная безопасность;
- повышение качества жизни российских граждан;
- экономический рост;
- наука, технологии и образование;
- здравоохранение;
- культура;
- экология живых систем и рациональное природопользование;
- стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство [1].

По правилам юридической техники в самом начале нормативного документа закрепляются наиболее важные положения, имеющие особое значение. Видим, что в 2015 г. оборона страны и государственная и общественная безопасность выступали в качестве важнейшего приоритета государственной политики страны, что было обу-

словлено сложным международным положением страны. Через пять лет структура приоритетов несколько поменялась, и в Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», которым был отменен прежний перечень национальных приоритетов, теперь значится:

«Обеспечение и защита национальных интересов Российской Федерации осуществляются за счет концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества на реализации следующих стратегических национальных приоритетов:

- 1) сбережение народа России и развитие человеческого потенциала;
- 2) оборона страны;
- 3) государственная и общественная безопасность;
- 4) информационная безопасность;
- 5) экономическая безопасность;
- 6) научно-технологическое развитие;
- 7) экологическая безопасность и рациональное природопользование;
- 8) защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти;
- 9) стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество» [2].

Видим, что изменилось не только содержание приоритетов, но и их расстановка. Если в 2015 г. на первом месте были оборона страны и государственная и общественная безопасность, то в 2021-м – это сбережение народа России и развитие человеческого потенциала, что наиболее приемлемо для целей развития современной России. Причем, если в 2015 г. в качестве отдельных национальных приоритетов обозначалось повышение качества жизни российских граждан, здравоохранение, то в 2021-м этот приоритет был сформулирован гораздо шире.

Подверглось трансформации и содержание других национальных приоритетов. Так, например, вместо «экономического роста» появилась «экономическая безопасность», а вместо такого национального приоритета, как «наука, технологии и образование» более современное понятие – «научно-технологическое развитие». «Экология живых систем и рациональное природопользование» видоизменялись в «экологическую безопасность и рациональное природопользование», что более соответствует современным реалиям. В Стратегии 2021 г. появился новый стратегический приоритет, которого раньше не было, – информационная безопасность, что было обусловлено бурным развитием информационных технологий во всем мире, чему в определенной мере способствовала пандемия коронавируса.

Особое внимание было уделено культурной составляющей национальных приоритетов: если в прежней Стратегии она была обозначена просто термином «культура», то в ныне действующей звучит как «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». Это, несомненно, свидетельствует о том, что данному направлению государство планирует уделить повышенное внимание. Такой приоритет, как «стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство», также претерпел изменение своей формулировки, которая теперь звучит следующим образом: «стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество». Действительно, интересам России теперь больше отвечает не равноправное партнерство с другими странами, а именно взаимовыгодное сотрудничество. Видим, что содержание и обозначение национальных стратегических приоритетов Российской Федерации в 2021 г. претерпело значительные изменения, что соответствует нынешнему этапу развития нашего государства.

Теоретический анализ

Принятие поправок к Конституции Российской Федерации в 2020 г. было обусловлено в том числе и необходимостью конституционно подтвердить модернизацию стратегических национальных приоритетов. Все данные приоритеты так или иначе нашли свое отражение в поправках [3]. Важность оформления конституционными нормами системы национальных приоритетов, закрепления их содержания в Основном законе страны обусловлена рядом причин, на которые указывал В. Е. Чиркин: «Определяющая роль конституционно-правовых терминов связана с тем, что они, во-первых, относятся к основам существующего в стране строя, а, во-вторых,

должны восприниматься (и воспринимаются) последующим законодательством, правоприменительной практикой, правовой идеологией как образец, модель» [4, с. 11]. Таким образом, будучи подкрепленными нормами Конституции РФ, стратегические приоритеты получают свое реальное воплощение в законотворчестве, практике и правовой культуре, что гарантирует их реализацию как в настоящий период, так и в будущем. Постараемся это доказать на примерах соответствия стратегических национальных приоритетов тексту поправок, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. [3].

Эмпирический анализ

1. Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала

Целями государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала являются устойчивый естественный рост численности и повышение качества жизни населения, укрепление здоровья граждан, сокращение бедности, снижение уровня социального и имущественного неравенства, повышение уровня образования населения, воспитание гармонично развитого и социально ответственного гражданина [2]. Содержание данного стратегического национального приоритета прослеживается во многих статьях новой редакции Конституции России. Примечательно, что сам термин «приоритет» нашел свое отражение в тексте поправок к Конституции применительно к основному элементу развития человечества – детям. В ч. 4 ст. 67-1 было закреплено следующее значимое положение: «*Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России*».

Кроме того, сбережение народа невозможно без развития здравоохранения, всемерной охраны здоровья граждан, что подтверждается включением в сферу совместных полномочий России и ее субъектов новой формулировки п. «ж» ст. 72: «координация вопросов здравоохранения, в том числе обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи, *сохранение и укрепление общественного здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью*».

Кроме того, в плане расширения полномочий высшего органа исполнительной власти России введен новый п. «в.2» ст. 114, где указано что Правительство РФ «*обеспечивает функционирование системы социальной защиты инвалидов, основанной на полном и равном осуществлении ими прав и свобод человека и гражданина, их*

социальную интеграцию без какой-либо дискриминации, создание доступной среды для инвалидов и улучшение качества их жизни». Причем необходимо отметить, что само понятие «инвалиды» введено в конституционный текст впервые.

2. Оборона страны

Обеспечение безопасности страны от воздействия внешних угроз, в том числе военной, выступает в качестве важнейшей внешней функции Российского государства. Как верно отмечает С. Н. Туманов: «В непростых условиях девальвации международных правовых инструментов сохранения и обеспечения справедливого и устойчивого миропорядка Российская Федерация вынуждена решать задачу повышения качества и совершенствования инструментария влияния на международные события с тем, чтобы обеспечить осуществление своих внешних функций и национальных интересов» [5, с. 6]. Реализация внешней функции, связанной с обороной страны, особенно в настоящее время, представляется важнейшим приоритетом.

Исходя из этого, в продолжении ч. 3 ст. 4 Конституции РФ, где закреплено, что Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории, поправкой 2020 г. п. 2.1 ст. 67 установлены гарантии данной основы конституционного строя: «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности». Поскольку оборона страны тесно связана с ее суверенитетом, то логично, что полномочия в этой сфере должны принадлежать исключительно самой Российской Федерации, а не ее субъектам. Из этого вытекает новая редакция п. «м» ст. 71 Конституции РФ, которая и относит к таким полномочиям следующие: «оборона и безопасность; оборонное производство; определение порядка продажи и покупки оружия, боеприпасов, военной техники и другого военного имущества».

3. Государственная и общественная безопасность

Безопасность государства и населения – одно из обязательных условий его существования, ведь именно этого ждут от органов публичной власти его граждане. Руководитель государства, как никто другой, должен это понимать и всячески препятствовать посягательствам на государственную и общественную безопасность. Именно поэтому в п. 2 ст. 80 появилась формулировка о том, что Президент России не только является гарантом Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина, но и «в установленном Конституцией Российской

Федерации порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, поддерживает гражданский мир и согласие в стране, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти».

Способствовать наиболее эффективному обеспечению государственной и общественной безопасности будет единая система публичной власти, созданная в соответствии с Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [6], в соответствии с которым «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» (п. 3 ст. 132 Конституции РФ).

4. Информационная безопасность

В современном мире развитие информационных технологий идет быстрыми темпами, а потому обеспечение информационной безопасности, поиск разумного баланса между доступностью и безопасностью информации является одним из приоритетов развития государства. В Концепции внешней политики Российской Федерации особо отмечается: «Россия принимает необходимые меры для обеспечения национальной и международной информационной безопасности, противодействия угрозам государственной, экономической и общественной безопасности, исходящим из информационного пространства, для борьбы с терроризмом и иными криминальными угрозами с применением информационно-коммуникационных технологий, противодействует их использованию в военно-политических целях, не соответствующих нормам международного права, включая действия, направленные на вмешательство во внутренние дела государств или представляющие угрозу международному миру, безопасности и стабильности, добивается выработки под эгидой ООН универсальных правил ответственного поведения государств в области обеспечения международной информационной безопасности, в том числе посредством интернационализации на справедливой основе управления информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет»» [7].

Особая значимость информационной безопасности в поправках 2020 г. к Конституции РФ подтверждается тем, что ее обеспечение отнесено к исключительным полномочиям Российской

Федерации. Так, в новой редакции п. «м» ст. 71 к таким полномочиям отнесено «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных», а в п. «и» этой же статьи «информация, информационные технологии и связь» относятся к суверенным правам России.

5. Экономическая безопасность

Как указано в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года, «экономическая безопасность – состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [8].

Экономическая безопасность государства – одна из важнейших гарантий стабильности конституционного строя. Именно поэтому так важно не допустить ее разрушения. Ведь безопасность экономики означает, что она может развиваться в сторону устойчивого состояния с помощью государства. Экономическая безопасность – это рост курса национальной валюты, сокращение бюджетных расходов государства, постоянное повышение показателей внутреннего валового продукта страны, рост благосостояния граждан. Именно поэтому в п. 2 ст. 75 закреплено: «Защита и обеспечение устойчивости рубля – основная функция Центрального банка Российской Федерации, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти», в п. 1 этой же статьи прямо указано, что «в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан».

6. Научно-технологическое развитие

Научно-технологическое развитие Российской Федерации является одним из приоритетов государственной политики и определяется комплексом внешних и внутренних (по отношению к области науки и технологий) факторов, формирующих систему больших вызовов. При этом своевременной реакцией на большие вызовы должно стать создание технологий, продуктов и услуг, не только отвечающих национальным интересам Российской Федерации и необходимых для существенного повышения качества жизни населения, но и востребованных в мире [9]. Исходя из этой глобальной задачи, к исключительным полномочиям России теперь отнесено «установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологиче-

ского, научно-технологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации (п. «е» ст. 71 Конституции РФ). В целях наиболее полной реализации мероприятий, обеспечивающих решение данной задачи, к полномочиям Правительства РФ теперь отнесено обеспечение государственной поддержки научно-технологического развития Российской Федерации, сохранение и развитие ее научного потенциала (п. «в.1» ст. 144 Конституции РФ).

7. Экологическая безопасность и рациональное природопользование

Экологическая безопасность – одна из глобальных проблем, волнующих все человечество, что, несомненно, является важным и для России. Впервые это понятие было включено в российскую Конституцию в 2020 г. Пункт «д» ст. 72, которая закрепляет предметы совместного ведения России и ее субъектов, теперь сформулирован таким образом, что включает в предметы совместного ведения не только природопользование, сельское хозяйство, но и охрану окружающей среды и обеспечение экологической безопасности. Ведь именно государство в лице создаваемых им органов публичной власти обязано обеспечить безопасную среду обитания для своих жителей, информировать их в случае возникновения угрозы экологической безопасности, а также защищать в случае наступления неблагоприятных последствий. Качество окружающей среды, ее безопасность для населения должны стать важнейшим критерием качества жизни и одним из основных показателей социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

Исходя из этого, значительно расширены полномочия Правительства РФ в данной сфере. Так, в ст. 114 добавлен п. «е.5», где сказано, что оно «осуществляет меры, направленные на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны, формирование в обществе ответственного отношения к животным»; кроме того, добавлено, что российское правительство «создает условия для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры» (п. «е.6» ст. 114 Конституции РФ). Примечательно, что на конституционном уровне впервые закреплены данные понятия. Экологическое просвещение необходимо включить в учебные планы на всех уровнях образовательного процесса в школах, средних профессиональных учебных заведениях, вузах.

8. Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти

Среди важных ценностей, объединяющих российское общество, огромное значение имеют патриотизм, любовь к своей Родине, нравственность. Память предков передается россиянам с помощью традиций, которые символизируют связь времен, обеспечивают создание, сохранение, трансляцию и утверждение значимых для народа духовно-нравственных ценностей.

Смысл патриотизма, кроме всего прочего, состоит в том, чтобы дать правильную объективную оценку тем событиям, которые происходили в истории страны. Именно молодое поколение, которое в силу своего возраста не могло принимать участие в этих событиях, должно знать правду о них. Однако в последнее время ряд исследователей на Западе и в бывших странах Советского Союза пытаются переосмыслить историю СССР и России, дать новую интерпретацию произошедшему, что иногда выливается в откровенное очернение и подтасовку фактов. Особенно болезненно такая фальсификация воспринимается, когда она связана с итогами и результатами Великой Отечественной войны, от которой пострадала буквально каждая российская семья [10, с. 60].

Вполне логично, что в Конституции России теперь закреплено положение о том, что «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» (п. 3 ст. 67-1).

Пункт 4 новой ст. 67-1 Конституции РФ закрепляет обязанности государства «по созданию условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим».

Одним из органов государства, осуществляющих такие обязанности, выступает Правительство РФ, которое «обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей» (п. «в» ст. 114).

9. Стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество

В аспекте обеспечения стратегической стабильности Российского государства выглядит обоснованной позиция С. Н. Бабурина, который

отмечает: «В настоящее время самоорганизация человечества переросла в многополярный мир, полюсами в котором выступают самостоятельно развивающиеся цивилизационные системы. Иногда это одно могучее государство, чаще – укрепляющийся через межгосударственную интеграцию союз государств» [11, с. 253].

Россия – это государство, которое обладает великой миссией – сохранение и преумножение многополярного мира без войн и великих потрясений на Земле. За время своей истории наше государство много раз доказывало своими действиями приверженность к миру, разрешению всех межгосударственных конфликтов путем переговоров. Именно поэтому в Конституции РФ в 2020 г. появилась новая ст. 79-1, где говорится: «Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства».

Результаты

Система национальных стратегических приоритетов современной России выстроена таким образом, чтобы достичь национальных целей развития государства, предотвратить наступление внутренних и внешних угроз страны, а их реализация возможна только посредством согласованного функционирования и взаимодействия всех органов публичной власти и институтов гражданского общества, граждан Российской Федерации. Закрепление содержания данных приоритетов в современной Конституции России придает им особую значимость, защищенность государством и его органами, а соответственно, гарантированность их воплощения в жизнь.

Список литературы

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1, ст. 212.
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27, ст. 5351 (ч. II).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собр. законо-

дательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416 ; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2022).

4. Чиркин В. Е. Конституционная терминология. М. : Норма : ИНФРА-М., 2013. 272 с.
5. Туманов С. Н. Механизм реализации внешних функций Российского государства (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Пенза, 2017. 70 с.
6. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.
7. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1> (дата обращения: 15.11.2022).
8. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года : указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
9. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/1> (дата обращения: 15.11.2022).
10. Комкова Г. Н. Конституция России как основа патриотического воспитания молодежи // Патриотизм как феномен современной общественной жизни : сб. ст. / сост. Д. А. Усанов. 2-е изд., доп. Саратов, Изд-во Саратовского ун-та, 2018. С. 58–63.
11. Бабурина С. Н. Интеграционный конституционализм. М. : Норма : ИНФРА-М., 2020. 264 с.

References

1. National Security Strategy of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation no. 683 of December 31, 2015. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2016, no. 1, art. 212 (in Russian).
2. On the National Security Strategy of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation no. 400 of July 2, 2021. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2021, no. 27, art. 5351 (pt. II) (in Russian).
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 (amended by

Federal Constitutional Law 6-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of February 5, 2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of July 21, 2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of March 14, 2020, Federal Constitutional Law 5-FKZ of September 4, 2022, Federal Constitutional Law 6-FKZ of September 4, 2022, Federal Constitutional Law 7-FKZ of September 4, 2022, Federal Constitutional Law 8-FKZ of September 4, 2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416; *Official Internet portal of legal information*. Available at: <http://pravo.gov.ru> (accessed November 15, 2022) (in Russian).

4. Chirkin V. E. *Constitutional terminology*. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2013. 272 p. (in Russian).
5. Tumanov S. N. *The mechanism for the implementation of the external functions of the Russian state (questions of theory and practice)*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Jur.). Penza, 2017. 70 p. (in Russian).
6. On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities. Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation 1 FKZ of March 14, 2020. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).
7. *On the approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation no. 640 of November 30, 2016*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1> (accessed November 15, 2022) (in Russian).
8. On the Strategy for the Economic Security of the Russian Federation until 2030. Decree of the President of the Russian Federation no. 208 of May 13, 2017. *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
9. *On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation no. 642 of December 1, 2016*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/1> (accessed November 15, 2022) (in Russian).
10. Komkova G. N. The Constitution of Russia as a basis for the patriotic education of youth. In: *Patriotizm kak fenomen sovremennoy obshchestvennoy zhizni* [Patriotism as a phenomenon of modern public life. Collection of articles. 2nd ed., add.]. Saratov, Saratov State University Publ., 2018, pp. 58–63 (in Russian).
11. Baburin S. N. *Integratsionnyi konstitutsionalizm* [Integration constitutionalism]. Moscow, Norma, INFRA-M, 2020. 264 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 20.11.2022; одобрена после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 15.02.2023
The article was submitted 20.11.2022; approved after reviewing 10.12.2022; accepted for publication 15.02.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 193–199
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 193–199
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-193-199>, EDN: LTKHZF

Научная статья
УДК 342.41

Ребёнок и Конституция России: разговоры о важном

Н. А. Галкин, Т. М. Пряхина ✉

Московский городской педагогический университет, Россия, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, корп. 1

Галкин Никита Антонович, магистрант департамента права Института экономики, управления и права, GalkinNA@mgpu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8538-283X>

Пряхина Татьяна Михайловна, доктор юридических наук, профессор департамента права Института экономики, управления и права, PryahinaTM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9291-9644>

Аннотация. Введение. Презумпция знания права и законов государства предполагает, что каждый гражданин владеет необходимым объёмом правовой информации, чтобы исполнять основную обязанность соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации. Соответственно, изучение Конституции РФ и базовых законов обязательно и должно быть интегрировано в образовательные программы всех уровней. Особое внимание следует уделять конституционно-правовому образованию детей, ибо в данном возрасте закладывается модель поведения, которой будет следовать человек в дальнейшем. **Теоретический анализ.** Изучение Конституции России в детско-юношеском возрасте опирается на концепцию метаправа, утверждающую единство права, религии, философии, науки, искусства. В образовательной парадигме метаправа Конституция воспринимается сквозь духовно-нравственные ценности, этические, моральные установки, подтверждая юридическим авторитетом правильность усвоенных ребёнком представлений о должном. Начальный этап изучения Основного закона страны может совпадать с изучением ребёнком азбуки, когда отдельные буквы алфавита будут закрепляться в его памяти на примере доступных для понимания категорий конституционного права. Плодотворно обращение к содержанию Конституции РФ через призму элементарных сюжетов народных сказок, отражающих архетипы народного сознания. Посредством сказки ребёнок приобщается к народному мировосприятию, учится осознавать себя частью многонационального народа Российской Федерации, воплотившего свою политическую волю в Основном законе страны. Народное творчество выражает идеал, облечённый в художественную форму. Конституция юридически оформляет народную идею. Именно поэтому юридическая фольклористика должна быть встроена в образовательные программы по литературе, обществоведению, юриспруденции. Произведения детской художественной литературы, посвящённые Основному закону страны, – наиболее правильная форма для восприятия текста Конституции детьми шести-восьми лет. Серьёзный разговор о Конституции России, истории конституционной идеи в нашей стране, политической власти и конституционной практике государства должен состояться в старшем школьном возрасте. Выбор формы подачи конституционно-правовой информации определяется ментальными поколенческими особенностями детей, обусловленными информационной средой, в которой проходило их становление и развитие. **Результаты.** Авторы приходят к выводу, что теория Конституции должна быть встроена в программу основного общего образования, и предлагают основы специализированной педагогической стратегии изучения Конституции детьми. Методологию изучения Конституции РФ детьми определяет самобытность правовой системы России, где мораль, этика, нравственность, культура являются сорегуляторами права. Формат образовательных практик зависит от этапов взросления, социализации и индивидуализации ребенка.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, ребёнок, дети, право, метаправо, народ, образование, элементарные сюжеты, юридическая фольклористика

Для цитирования: Галкин Н. А., Пряхина Т. М. Ребёнок и Конституция России: разговоры о важном // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 193–199. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-193-199>, EDN: LTKHZF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The child and the Constitution of Russia: Conversations about important issues

N. A. Galkin, T. M. Pryakhina ✉

Moscow City University, 4, corp. 1 2nd Sel'skokhozyaistvennyi proezd, Moscow 129226, Russia

Nicita A. Galkin, GalkinNA@mgpu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8538-283X>

Tatyana M. Pryakhina, PryahinaTM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9291-9644>

Abstract. Introduction. The presumption of knowledge of the law and laws of the state assumes that every citizen knows the necessary amount of legal information sufficient to fulfill the basic obligation to comply with the Constitution and laws of the Russian Federation. Accordingly, the study of the Constitution of the Russian Federation and basic laws is mandatory and should be integrated into educational programs at all

levels. Special attention should be paid to the constitutional and legal education of children, because at this age the model of behavior, which a person will follow in the future, is laid. **Theoretical analysis.** The study of the Constitution of Russia in childhood and adolescence is based on the concept of meta-law, which asserts the unity of law, religion, philosophy, science, and art. In the educational paradigm of meta-law, the Constitution is perceived through spiritual and moral values, ethical, moral attitudes, confirming by legal authority the correctness of the ideas about what is due that the child has learned. The initial stage of studying the Basic Law of the country may coincide with the child's study of the alphabet, when individual letters of the alphabet will be fixed in the child's memory by the example of categories of constitutional law that are accessible to understanding. It is fruitful to address the content of the Constitution of Russia through the prism of elementary plots of folk tales reflecting the archetypes of popular consciousness. Through the fairy tale, the child is introduced to the national worldview, learns to recognize himself or herself as part of the multinational people of the Russian Federation, who embodied their political will in the Basic Law of the country. Folk art expresses an ideal presented in an artistic form. The Constitution legally formalizes the people's idea. That is why legal folklore studies should be integrated into educational programs in literature, social studies, and jurisprudence. Works of children's fiction devoted to the Basic Law of the country are the most correct form for the perception of the text of the Constitution by children aged six to eight. Serious discussions about the Constitution of Russia, the history of the constitutional idea in our country, political power and constitutional practice of the state should take place at high school age. The choice of a form of submission of constitutional and legal information is determined by mental generational characteristics of children in accordance with the information environment in which their formation and development took place. **Results.** The authors conclude that the theory of the Constitution should be integrated into the program of basic general education and offer the fundamentals of a specialized pedagogical strategy for studying the Constitution by children. The methodology of studying the Constitution by children determines the identity of the legal system of Russia, where moral norms, ethics, morality, culture are the co-regulators of law. The format of educational practices depends on the stages of growing up, socialization and individualization of the child.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation, child, children, law, meta-law, people, education, elementary subjects, legal folklore

For citation: Galkin N. A., Pryakhina T. M. The child and the Constitution of Russia: Conversations about important issues. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 193–199 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-193-199>, EDN: LTKHZF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Основной обязанностью соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы корреспондирует право знать Конституцию и законы (ч. 2 и 3 ст. 15 Конституции РФ) [1]. Реализация данного права не зависит от усмотрения человека, поскольку без знания и понимания законов невозможно их надлежащее исполнение и соблюдение. Соответственно, правовую информацию для детей следует встраивать в образовательный процесс, так как основное общее образование в Российской Федерации – обязательно (ч. 4 ст. 43 Конституции РФ). Ценностные установки права, стандарты правомерного поведения как основы социально-коммуникативного развития ребёнка, элементарные юридические понятия и схемы правоприменительной деятельности интегрированы в образовательные программы всех уровней. Юридический материал включён в гуманитарные учебные дисциплины: историю, литературу, обществознание, разговоры о важном. В школах проводятся «Уроки Конституции», классные часы, квест-игры, интеллектуальные игры, посвященные Основному закону. Просветительская деятельность принесла положительные результаты. Согласно данным ВЦИОМ, 69% граждан имеют общее представление, а 6% хорошо знают содержание Конституции РФ [2]. Более половины опрошенных (54%) убеждены, что Конституция –

Основной закон страны, от которого зависят не только все остальные законы, но и то, как живут люди [3]. Очень интересные цифры показали результаты акции «Всероссийский тест на знание Конституции РФ». Всего за шесть лет в тестировании приняли участие более 4 млн человек. Средний балл вырос с 6 (2016 г.) до 11 (2021 г.). Наибольший интерес к Акции проявила молодёжь 12–17 лет (67,37%) [4].

Мы видим рост интереса к Конституции России, уважения к Основному закону, готовность его изучать, вовлечённость молодёжи в просветительские практики. Важно поддерживать эти настроения. В этой связи возникает ряд вопросов. Какой методологический инструментарий следует использовать, рассказывая ребёнку об Основном законе страны? С какого возраста ребёнку можно и нужно говорить о Конституции? В каком формате следует ее изучать? Какой объём знаний о Конституции России доступен для понимания ребёнка?

Теоретический анализ

Вектор образовательных практик в конституционной сфере задают самобытность правовой системы России и особенности психофизических характеристик каждого этапа взросления, социализации и индивидуализации ребёнка. Отличительной чертой российской правовой системы является тесная связь права

и религии, морали, нравственности, культуры, традиций, обычаев, светской этики, художественной литературы. Только опираясь на иные сорегуляторы, право в полной мере реализует свой управленческий потенциал, способствует гармонизации социальных отношений. В свете сказанного полагаем правильным выстраивать образовательную среду для детей исходя из концепции метаправа, утверждающей единство права, религии, философии, науки, искусства. Предметом метаправа является право, рассматриваемое не только как мера свободы, а ещё как искусство добра и справедливости в приложении к реальной действительности [5, с. 80–81]. Обучение праву в контексте метаправа будет наиболее плодотворным именно в детско-юношеском возрасте, когда человек познает мир, осваивает его физически, эмоционально, чувственно, определяет свое положение в обществе, учится выстраивать отношения с окружающими. Метаправо близко ребёнку в силу бесконечности его (и ребёнка, и метаправа) творческих возможностей.

В концепции метаправа достижима особая красота конституционного дизайна, когда в тексте Основного закона удаётся обеспечить ёмкость и содержательную глубину с минимальным использованием юридических формул и правовых доктрин. Простота и ясность, лаконизм конституционных форм чрезвычайно значимы, ибо конституционные положения должны быть априори доступны для понимания (хотя бы на самом элементарном уровне) каждым гражданином [6, с. 34]. Гениальная простота элементарного уровня понимания Конституции предполагает её встроенность в культурный, нравственный, моральный, идеологический, интеллектуальный, мировоззренческий контекст жизнедеятельности социума и отдельной личности. Конституция как бы «прорастает» сквозь духовно-нравственные ценности, подтверждая юридическим авторитетом правильность усвоенных ребёнком представлений о должном. Это делает Основной закон доступным для понимания. Методика постижения ребёнком конституционных норм есть движение от эстетики к этике права, от этики к философии права, от субъектно-центристской позиции в понимании права к объектно-центристской, от личного к общественному, от «Я и право» к «право и Я».

Оптимальным периодом начала изучения азов конституционного права является второе детство (3 года – 6 лет). В этом возрасте человек осваивает свой первый язык. Язык – не только речь, это ещё те смыслы, которые отражаются в структуре мозга. Эти смыслы сохраняются у

человека на всю жизнь, будут воспроизводиться в социальном поведении. Запомнить буквы, понять смыслы образов, за ними стоящих, – вот задача, которая решается при изучении букв родного языка младшей возрастной группой. Ребёнок может узнать, что с буквы «К» начинаются слова «качели», «колобок» и «Конституция», с буквы «П» – «паровоз», «подарок» и «право», а «З» – это не только «Золушка» и «зебра», но и «закон» и т.д. Изучение мнемотической модели литературного языка на фоне формально-практической модели языка права может быть достаточно перспективным. Понимание букв как знаков окрашивается в тона личного знания, поскольку прочтение азбуки есть опыт личного переживания от уроков, общения с учителем, картинок, сопровождающих текст; узнавания новых историй; сопоставления собственного поведения с правилом, закреплённым конституционной нормой. В результате рабочая память активизирует знание (семантическую память) и личные воспоминания (эпизодическую память) – знания и воспоминания переплетаются в эпизодическом буфере головного мозга, знания приобретают личный характер и запоминаются на всю жизнь.

Интересный опыт правового воспитания детей предлагает постижение Конституции сквозь сюжет волшебных сказок. Убеждены, что такое направление художественно-правовой литературы – сказки о праве – может открыть новую страницу в технологии обучения юриспруденции на основе междисциплинарного научного направления – юридическая фольклористика. Сказки и право, а в нашем случае Конституцию, роднит не только то, что они представляют собой текст, системно изложенное повествование со своим сценарием, главными героями, моделями правильного поведения и т.п. Тексты эти, по сути, воплощают в себе архетипы народного сознания. Архетипы отражают типические образы и сюжеты, отобранные социальным интеллектом и социальным мозгом в результате длительной эволюции рода человеческого. Данные тексты включают в себя управляющие структуры, присутствующие в коллективном сознании. Управляющая структура представляет волю народа как вневременную неперсонифицированную категорию, которую трудно вычлнить, но можно понять, прочувствовать, разделить, осознать, отразить, воплотить в тексте, донести институционализированную и формализованную волю до самого народа, который подтвердит либо нет, что он действительно так осознает себя и свои чаяния. Конституция, отражающая догмат воли, принятая народом, так же отражает базовые управляющие структуры, как и фольклор.

Посредством сказки ребёнок приобщается к народному мировосприятию, учится осознавать себя частью многонационального народа Российской Федерации.

Вместе с тем воспитательное значение сопоставления сказки и права состоит в том, что мы наглядно можем подчеркнуть существующую между ними разницу, объясняющую неизбежность перехода от «сказочного» типа мышления к юридическому. Самым чудесным, невозможным в рамках сказки как вымысла, но вполне реальным в жизни является то, что человек на основе осознания ситуации может изменить роль, отведённую ему сюжетной линией. Иначе говоря, изменение личностных характеристик позволяет «Бабе Яге» стать «Доброй Феей». Подобное преобразование в рамках сказки невозможно. Современное право, и в этом его бесспорная заслуга, предоставляет такую возможность каждому. Право конституирует свободу воли человека как важнейшую составляющую всех социальных процессов. Поэтому так важно сопрягать знакомство со сказками и изучение права.

Известный учёный Б. Кербелите в качестве единицы нарративного анализа сказки предложила учение об элементарных сюжетах. Элементарный сюжет – основная единица сюжетной структуры текста, типическая событийная фабула, выражающая и отражающая архетипический образ народного сознания. Филолог выделила пять классов элементарных ситуаций: стремление к свободе от чужих или господству над ними; добывание средств существования или объектов, создающих удобство; стремление к равноправному или высокому положению в семье, роду или обществе; поиски невесты или жениха (либо того, с кем возможно единение, духовное родство, единомышленников); стремление к целостности и полноценности рода или семьи (общества, социума, политической структуры, нации, народа и т.д.) [7, с. 9–15]. Ситуации универсальны, поскольку стремления и цели главных героев сказок имеют общечеловеческий характер.

Содержание Конституции России коррелируется с вышеприведёнными классами элементарных ситуаций. Подобное совпадение закономерно. Основной закон закрепляет архетипические образы, которые расположены в политической сфере, определяют сюжет отношений главных героев по поводу публичной власти. Так, в стремлении к свободе от чужих или господству над ними можно увидеть предтечу идеи суверенитета, самостоятельности и независимости государства как внутри страны, так и за её пределами. При этом «господство» понимается многозначно: политическое, эко-

номическое, идеологическое, культурное и т.д. Стремление к целостности и полноценности рода, социума отражает императив территориальной целостности и неприкосновенности государства; институционализацию механизмов обеспечения политического единства народа; поощрение единения социальных групп, поддержку семьи как устойчивой группы, как образа союза по любви. Сценарий поиска того, с кем возможно единение, имеет многоаспектное воплощение: многонациональный народ объединяет общие судьба, Родина, предки, идеалы; ценность исторического единства обуславливает федеративное устройство, так как все субъекты федеративного государства соединяются в единую страну; многопартийность есть способ единения в парламенте разных социальных групп со своими избирательными предпочтениями и т.д. Добывание средств существования или объектов, создающих удобство, – центральный сюжет конституционных положений, посвящённых экономическому строю; организации финансовой системы; государственному регулированию промышленно-хозяйственной деятельности; предпринимательству, труду и вознаграждению за него; социальному обеспечению и социальной поддержке различных групп населения. Стремление к равноправному или высокому положению в семье, роду или обществе отражается в конституировании равноправия каждого перед законом либо социального равенства, в установлении процедур продвижения по властной вертикали, в объяснении высокого статуса лиц, наделённых публичной властью, высокой мерой позитивной ответственности перед избравшим их народом и т.д. Таким образом, ребёнку содержание Конституции может быть рассказано сквозь близкие, знакомые, понятные сюжеты волшебной сказки.

Юридическая фольклористика может быть встроена в образовательные программы по литературе, обществоведению и юриспруденции. В любом случае очевидно, что признание воли народа единственным легитимным источником государственной власти предполагает знание того, как содержательно и процессуально эта воля формируется. Познание воли народа как точки пересечения факторов, влиявших на формирование суверенной идентичности народа во всех её проявлениях, обязательно приведёт нас к фольклористике, к эпосу, к сказке, отражающей и выражающей глубинные основы народного сознания. Обращение к народному творчеству в аспекте конституционного строительства неизбежно и необходимо, если мы признаём народ субъектом конституционного права. На-

род – субъект особый: он не просто участвует в конституционных отношениях, он сам определяет их характер, формат, содержание. Разделяем убеждение В. Я. Проппа, что народ – не просто участвующая, а ведущая сила истории, и в своей поэзии он выражает свою историческую волю, свои вековые стремления и идеалы. Эпос идёт не позади истории, а выражает чаяния и ожидания народные. Эти чаяния представляют собой идеалы, лежащие впереди. Это значит, утверждал В. Я. Пропп, что, выражая свой суд и свою волю, народ путём художественного творчества мобилизует свои силы на достижение поставленных им себе целей [8, с. 38].

Задача исследователя – установить исторические стремления народа, выраженные в различных формах народного творчества. Не такова ли задача государства в области конституционного строительства? Все это делает фольклористику сподвижницей конституционного права. По сути, мы предлагаем вернуть в конституционное право идейность. В основе народного творчества заложена идея, выражающая некоторый идеал, облечённый в художественную форму. Равно и в Конституции должна содержаться идея, отражающая созвучный народному правовой идеал, выраженный в юридической форме. Пора отойти от механистического восприятия закона. Конституцию и народное творчество роднит направленность в перспективу, проецирование идеалов будущего на сегодняшний день. Именно в этом смысле мы сможем правильно понять и объяснить детям конституционный императив почитания памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, ответственности за Родину перед нынешним и будущими поколениями. В Преамбуле Конституции РФ воплощён вневременной контекст Основного закона, принятого в конкретную историческую эпоху для достижения конкретных целей. Иначе говоря, конституционное регулирование должно исходить из идеи «на все времена».

Ближе к концу второго детства оптимальным будет обращение к специальным книгам для детей, в которых доступным языком рассказывалось бы об Основном законе страны. Блестящим примером художественной литературы советского периода является книга З. И. Воскресенской «Слово о Великом Законе» [9]. Книга написана в доверительном тоне. Автор тепло, по-матерински обращается к маленькому читателю, что способствует личностному восприятию положений Конституции СССР. «Слово о Великом Законе» – бесценный опыт конституционного воспитания граждан, к кото-

рому следует присмотреться более внимательно. Сегодня конституционная тематика для детской аудитории представлена в основном учебно-методической литературой, помогающей взрослым объяснять конституционные понятия. Детям же нужна художественная литература, яркая интересная история о Конституции.

Период отрочества и юности – время серьёзного взросления, формирования теоретико-абстрактного стиля мышления, что предрасполагает к более углублённому изучению Конституции, концентрирующей в своем тексте предельно абстрактные, обобщённые понятия. Важно избежать упрощения конституционно-правовых конструкций, которое может опростить содержание права. Программа по изучению Конституции должна включать изучение текста Основного закона, истории конституционного развития России, социокультурологических аспектов становления конституционной идеи в российской цивилизации, основ теории Конституции, конституционной правоприменительной практики. Это должна быть учебная, учебно-методическая литература экспертного уровня. К её созданию помимо педагогов, историков, обществоведов необходимо привлекать авторитетных ученых-государствоведов с тем, чтобы исключить возможные ошибки в изложении конституционно-правовой тематики. Приведём пример. Кандидат педагогических наук Е. К. Калущая в учебном пособии для 9–11 классов «Наша Конституция» пишет: «В России федеративное устройство оформлено Федеративным договором от 31 марта 1992 года» [10, с. 23]. Автор не указывает, что предметом Договора было разграничение предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, поскольку Федеративный договор объединял три самостоятельных соглашения: Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации от 31.03.1992 г.; Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации от 31.03.1992 г.; Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации от 31.03.1992 г. Договор не имел своей

целью закрепление формы государственного устройства России, поскольку она была конституционно установлена в далеком 1918 г. [11]. Россия является конституционной федерацией, что порождает определённые юридические последствия. Возможно, педагог по образованию не видит разницы между «оформлением федеративного устройства» и «разграничением предметов ведения и полномочий между органами государственной власти», но для юриста она очевидна.

Формат конституционно-правового воспитания детей – вопрос, от решения которого во многом зависит уровень заинтересованности, вовлечённости детей в процесс обучения. У разных возрастных групп и разных поколений детей (бывших и настоящих) сформированы несовпадающие предпочтения восприятия правовой информации. Поколения «беби-бумеров», «детей с ключом на шее» (1943–1963 г.р.), X (1964–1984 г.р.), Y (1984–2003 г.р.) и Z (2004–2024 г.р.) являются носителями разных ментальных кодов, что объясняется своеобразием информационной среды, в которых эти коды формировались. Поколенческий разрыв при изучении Конституции зачастую возникает потому, что учебная, учебно-методическая, научно-популярная литература создана поколениями «беби-бумеров» и X в рамках их вербальной культуры. Информация для поколения Z, которые сегодня являются детьми, должна быть комплиментарна для них. Поколение Z предпочтёт текстовое сообщение разговору. Текстовые материалы должны быть простыми для восприятия, структура текста – соответствовать его содержанию, а ключевые пункты – выделены визуально. Учебный материал должен быть «ярким и зримым», поскольку данное поколение лучше всего воспринимает именно визуальную информацию [12, с. 29–30]. Конечно, необходимо учитывать факторы, разъединяющие поколения, но акцент следует делать именно на те формы подачи информации о Конституции, которые будут поколения объединять.

Результаты

Презумпция знания права и законов государства обуславливает обязательное изучение Конституции Российской Федерации в рамках программы дошкольного и основного общего образования. Методику изучения Конституции России ребёнком определяет концепция мета-права в силу тесной взаимосвязи российского права, морали, нравственности, религиозных догм, правил светской этики, культуры, традиций и обычаев народов России. Методические приёмы и образовательные практики, использу-

емые при изучении Основного закона, должны учитывать специфику возрастных характеристик каждого этапа взросления ребенка. Начинать изучать Конституцию России можно, когда ребёнку исполнится три года. Оптимально будет совместить изучение букв азбуки на примере отдельных, доступных для понимания малыша, понятий конституционного права (семья, дети, родители, Отечество, труд, закон и т.д.). Весьма плодотворно с точки зрения постижения Основного закона, духовно-нравственного, эстетического, этического, правового воспитания ребёнка изучение Конституции России на примере элементарных сюжетов народных и авторских сказок. В данном случае осваиваются азы юридической фольклористики, которую следует включить в образовательные программы по литературе, обществоведению, юриспруденции. Фольклористика, выражающая и отражающая стремления и чаяния народа, воплощающая народные идеалы, является сподвижницей конституционного права. В возрасте шести–восьми лет следует включать в учебный процесс произведения детской художественной литературы, посвящённые Основному закону страны. Период отрочества и юности открывает возможности углублённого изучения текста Конституции, её теории, истории конституционного развития России, социокультурологических аспектов становления конституционной идеи в российской цивилизации. При этом важно обратить внимание на форму подачи этой информации, которая должна быть максимально доступна для восприятия разных «поколений» детей, ориентирована на их ментальные предпочтения, определяющие набор паттернов восприятия и поведения индивида. В любом случае это должен быть деятельный подход совместного изучения Конституции России, когда и учитель, и ученик вместе узнают нечто новое об Основном законе, но в этой новизне – преломление вечного, постоянного, неизменного – императив добра. Вневременные ценности, заложенные в Конституции, могут и должны быть восприняты и осознаны человеком любого возраста. Важно, чтобы воспитание правом было интересным, деликатным, ненавязчивым, формировало устойчивый выбор правомерной модели поведения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014

- № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416 ; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).
- Изучение информированности и восприятия населением Российской Федерации Конституции Российской Федерации: Исследование ВЦИОМ от 10.12.18 г. // ВЦИОМ : [сайт]. URL: https://profi/wciom.ru/open_projects/constitucija_rf (дата обращения: 10.12.2022).
 - Конституция: людям или государству? Исследование ВЦИОМ от 12.12.22 г. // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-konstitucii/> (дата обращения: 10.12.2022).
 - VII Всероссийский тест на знание Конституции РФ в цифрах // Общественное движение «Гражданин» : [сайт]. URL: https://гражданин-дети/test_const./?ysclid (дата обращения: 10.12.2022).
 - Самигуллин В. К. Правосознание: корень добра и справедливости. М. : Омега-Л ; Уфа : Диалог, 2014. 176 с.
 - Барциц И. Н. Конституционный дизайн: образ государства и образ эпохи. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 60 с.
 - Кербелите Б. П. Историческое развитие структур и семантики сказок (на материале литовских волшебных сказок) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1989. 44 с.
 - Пропт В. Я. Русский героический эпос. СПб. : Азбука, 2021. 832 с.
 - Воскресенская З. И. Слово о Великом Законе. М. : Детская литература, 1977. 32 с.
 - Калуцкая Е. К. Наша Конституция. 9–11 классы : учеб. пособие. М. : Просвещение, 2022. 144 с.
 - П. 2 Главы первой Раздела первого «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» Конституции (Основного закона) РСФСР от 10 июля 1918 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
 - Сапа А. В. Поколение Z – поколение эпохи ФГОС // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. № 2. С. 24–30.
 - September 4, 2022, Federal Constitutional Law 6-FKZ of September 4, 2022, Federal Constitutional Law 7-FKZ of September 4, 2022, Federal Constitutional Law 8-FKZ of September 4, 2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416; *Official Internet portal of legal information*. Available at: <http://pravo.gov.ru> (accessed October 6, 2022) (in Russian).
 - Study of awareness and perception of the Constitution of the Russian Federation by the population of the Russian Federation: WCIOM research from 10.12.18. *WCIOM. Site*. Available at: https://profi/wciom.ru/open_projects/constitutiona_rf (accessed December 10, 2022) (in Russian).
 - Constitution: To people or to the state? WCIOM research from 12.12.22. *WCIOM. Site*. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-konstitucii/> (accessed December 10, 2022) (in Russian).
 - VII All-Russian test of knowledge of the Constitution of the Russian Federation in numbers. *Obschestvennoe dvizhenie "Grazhdanin"* (Public movement "Citizen". Site). Available at: https://citizen-children/test_const./?ysclid (accessed December 10, 2022) (in Russian).
 - Samigullin V. K. *Pravosoznanie: koren' dobra i spravedlivosti* [Legal consciousness: The root of good and justice]. Moscow, Omega-L, Ufa, Dialog, 2014. 176 p. (in Russian).
 - Bartsits I. N. *Konstitutsionnyi dizayn: obraz gosudarstva i obraz epokhi* [Constitutional design: The image of the state and the image of the epoch]. Moscow, Publishing House "Delo" RANEPА, 2018. 60 p. (in Russian).
 - Karbelite B. P. *Historical development of structures and semantics of fairy tales (based on the material of Lithuanian fairy tales)*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 1989. 44 p. (in Russian).
 - Propp V. Ya. *Russkiy geroicheskiy epos* [Russian heroic epic]. St. Petersburg, Azbuka, 2021. 832 p. (in Russian).
 - Voskresenskaya Z. I. *Slovo o Velikom Zakone* [The word about the Great Law]. Moscow, Detskaia literature, 1977. 32 p. (in Russian).
 - Kalutskaya E. K. *Nasha Konstitutsiya. 9–11 klassy: uchebnoe posobie* [Our Constitution. Grades 9–11. Textbook]. Moscow, Prosvechshenie, 2022. 144 p. (in Russian).
 - Item 2 of Chapter One of Section One of the "Declaration of the Rights of the Working and Exploited People" of the Constitution (Basic Law) of the RSFSR of July 10, 1918. *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
 - Sapa A. V. Generation Z – the generation of the era of the federal state educational standard. *Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii* [Innovative Projects and Programs in Education], 2014, no. 2, pp. 24–30 (in Russian).

References

Поступила в редакцию 20.12.2022; одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 15.02.2023
The article was submitted 20.12.2022; approved after reviewing 10.01.2023; accepted for publication 15.02.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 200–207

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 200–207

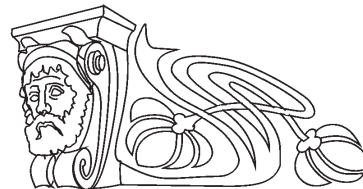
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-200-207>, EDN: VRVIKA

Научная статья

УДК 349.6

О правовом режиме Каспийского моря и направлениях совершенствования российского экологического законодательства

А. Я. Рыженков

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, Россия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, 4077778@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2015-1709>

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются меры по охране окружающей среды Каспийского моря, принятые в России и других прикаспийских государствах. **Теоретический анализ.** Исследуются меры по развитию экосетевого подхода к охране водных и биологических ресурсов Каспийского моря, проблемы сохранения биоразнообразия, значение охраны экосистем Каспия в стратегии перехода к устойчивому развитию, а также экологические угрозы из-за изменения уровня моря. **Результаты.** Проведенное исследование доказывает, что охрана окружающей среды Каспийского моря может носить только комплексный характер, требуя дальнейшего развития доктринального и нормативного экосетевого подхода, который находится сейчас в начале своего формирования и реализации. Данный подход предполагает принятие комплексных мер по охране водных экосистем Каспия вместе с охраной других природных ресурсов (главным образом, водных биоресурсов), а также проведение мероприятий по улучшению экологического состояния прилегающих к Каспийскому морю сухопутных (прибрежных) территорий и водных объектов, включая улучшение экологического состояния Волги. Разработка и выполнение таких мероприятий позволит сделать еще один шаг в сторону достижения целей устойчивого развития в России, предполагающих достижение баланса экономических, экологических и социальных интересов, в том числе на локальных территориях.

Ключевые слова: Каспийское море, водные биоресурсы, загрязнение, река Волга, экологическая безопасность, экосистемы, природные ресурсы

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта «Волга – Каспий: Право и зеленая экономика» Программы развития Калмыцкого государственного университета им Б. Б. Городовикова на 2021–2030 годы.

Для цитирования: Рыженков А. Я. О правовом режиме Каспийского моря и направлениях совершенствования российского экологического законодательства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 200–207. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-200-207>, EDN: VRVIKA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The legal regime of the Caspian Sea and directions for improving Russian environmental legislation

A. Ja. Ryzenkov

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovokov, 11 Pushkin St., Elista 358000, Russia

Anatoly Ja. Ryzenkov, 4077778@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2015-1709>

Abstract. Introduction. The article discusses the measures taken in Russia and other Caspian littoral states to protect the environment of the Caspian Sea. **Theoretical analysis.** The author explores measures to develop an eco-network approach to the protection of water and biological resources of the Caspian Sea, problems of biodiversity conservation, the importance of protecting the Caspian ecosystems in the strategy of transition to sustainable development, as well as environmental threats due to sea level changes. **Results.** The conducted research proves that environmental protection of the Caspian Sea can only be of a complex nature, which requires further development of the doctrinal and normative eco-network approach, which is now at the beginning of its formation and implementation. This approach involves taking comprehensive measures to protect the aquatic ecosystems of the Caspian Sea together with the protection of other natural resources (mainly aquatic biore-sources), as well as measures to improve the ecological condition of the land (coastal) territories and water bodies adjacent to the Caspian Sea, including improving the ecological condition of the Volga. The development and implementation of such measures will make it possible to take another step towards achieving the Sustainable Development Goals in Russia, which presuppose the balance of economic, environmental and social interests, including in local territories.

Keywords: the Caspian Sea, aquatic biore-sources, pollution, Volga River, ecological safety, ecosystems, natural resources

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the project “Volga – Caspian: Law and Green Economy” of the Development Program of the Kalmyk State University named after B. B. Gorodovokov for 2021–2030.

For citation: Ryzhenkov A. Ja. The legal regime of the Caspian Sea and directions for improving Russian environmental legislation. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 200–207 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-200-207>, EDN: VRVKA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Обеспечение экологической безопасности населения Земли невозможно без грамотного сочетания норм международного и национального права, что особенно ярко проявляется, когда речь идет о крупных морских экосистемах, попадающих в несколько национальных юрисдикций. Типичным примером такой проблемы является Каспийское море, площадь которого составляет более 390 000 км². Каспийское море простирается в длину более чем на 1030 км, а его ширина составляет от 200 до 400 км. В географической и юридической науке нет единства мнений относительно того, какой правовой режим следует придать Каспийскому морю. Некоторые авторы вообще предлагают признать его не морем, а озером (что делает невозможным применение положений Конвенции по морскому праву ООН 1982 г.). Используется и другая терминология – «приграничное море», «замкнутое море», «полузамкнутое море», «закрытое море» и т.д. [1, с. 259–260]. В настоящий момент Каспийское море подпадает под режим международной охраны (поскольку на его побережье располагаются пять государств – Россия, Азербайджан, Иран, Туркмения и Казахстан), его статус определяется Конвенцией о правовом статусе Каспийского моря 2018 г., а также (в пределах береговой линии каждой из названных стран) оно находится в сфере действия национального экологического и иного законодательства данных стран. Основное внимание на национальном уровне может уделяться как экономическим, так и экологическим проблемам охраны «своей» части Каспийского моря. Последнее направление хорошо представлено в Экологическом кодексе Республики Казахстан от 2 января 2021 г. № 400-VI ЗРК [2], глава 19 которого посвящена приданию северной (казахстанской) части Каспийского моря режима заповедной зоны с установлением там ряда ограничений и специальных экологических требований. К сожалению, ряд экологических требований, установленных ЭК РК, носит формальный характер. Например, в ст. 269 ЭК РК (как и в предыдущей версии кодекса 2007 г.) указывается, что для сохранения популяции каспийского тюленя проведение разведки и добычи углеводородов с октября по май месяцы должно осуществляться на расстоянии 1852 метров (1 морская миля) от мест их концентрации.

Однако, как отмечали казахстанские ученые, такие операции невозможно остановить, а тем более перенести в другую местность вследствие непрерывности технологического процесса. Неслучайно в законодательстве о недрах и недропользовании Казахстана таких экологических требований не имеется вследствие их неисполнимости [3, с. 205].

Природоохранные требования есть и в законах других государств. Закон Республики Туркменистан «Об охране природы» от 1 марта 2014 г. № 40-V (ред. от 20.03.2017) [4] устанавливает свои экологические требования в туркменском секторе Каспийского моря (ст. 38), направленные на охрану экосистем самого моря и прибрежной зоны от загрязнения и действия иных антропогенных факторов. Поскольку Россию омывает много морей, по каждому из них специального закона (или отдельной статьи) не принимается. Действует другой принцип – Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» [5] содержит специальную главу V, посвященную защите морской среды и других природных ресурсов внутренних морских вод и территориального моря. Данная глава регламентирует мониторинг, нормирование, экологическую экспертизу, захоронение отходов и ряд других вопросов охраны окружающей среды, распространяющихся в том числе и на Каспийское море. Исходя из этого и других экологических нормативно-правовых актов, можно сделать вывод о том, что национальный режим охраны экосистем Каспийского моря может осуществляться по двум направлениям. Во-первых, в Российской Федерации регламентируются как вопросы охраны самого Каспийского моря (и его берегов), так и водных ресурсов (река Волга и другие водотоки), впадающих в Каспийское море и усиливающих его загрязнение. Речь идет как о разрешенных сбросах вредных веществ промышленными предприятиями в реку Волга или другие водотоки, так и о различных аварийных выбросах (включая аварии на канализационных коллекторах в субъектах РФ, имеющих выход к реке Волга).

Кроме того, в реки могут попадать отходы сельскохозяйственного производства, они могут размывать скотомогильники и иные экологически опасные объекты. Большой экологический ущерб причиняют и затонувшие в речных бас-

сейнах суда. Все это в конечном итоге попадает в Каспийское море. Во-вторых, можно говорить об охране водных ресурсов Каспийского моря, а также птиц и водных биоресурсов Каспия. Последний аспект важен в части борьбы всех прикаспийских государств с браконьерством и регламентацией законного вылова (квотирования) водных биоресурсов.

Теоретический анализ

Рассмотрим некоторые принципиально важные проблемы охраны каспийских экологических систем в Российской Федерации более подробно.

1. Обеспечение эффективной охраны каспийских экосистем невозможно без использования комплексного (экосетевого) подхода. Дело в том, что нормативное установление запретов и ограничений в отношении одного природного объекта (или его части) может дать позитивный эффект, однако он будет носить ограниченный характер. Например, в юридической науке давно обсуждается необходимость установления режима дополнительной охраны не только для экосистем, включенных в особо охраняемую природную территорию (например, заповедник), но и смежных экосистем через систему экологических ядер, буферных зон и экологических коридоров (это позволяет ликвидировать «островной эффект», обеспечить взаимную поддержку популяций и генетический обмен между разделенными в результате деятельности человека биоценозами), что даже отражено в законодательстве некоторых стран [6]. Обеспечение охраны водных или биологических ресурсов Каспийского моря невозможно без аналогичного комплексного подхода, связанного с разработкой специальных природоохранных мероприятий в отношении вод рек, охраны экосистем побережья Каспийского моря, а также птиц, рыб, животных и иных биоресурсов, обитающих не только в самом море, но и на прикаспийских территориях (или охране речных экосистем, впадающих в Каспийское море). В российской правовой науке уже высказывались предложения о том, что для эффективной охраны водных биологических ресурсов необходимо принятие целевых федеральных законов, посвященных «регулированию рыболовства и охране рыбных запасов в соответствующих водных бассейнах (например, бассейн река Волга – Каспийское море; река Дон – Азовское море)» [7, с. 9–10]. Много уже сделано в этом направлении, например, действует Приказ Росрыболовства от 13 января 2009 г. № 1 «Об утверждении Правил рыболовства для Волжско-Каспийского рыбохозяйственного бассейна» [8].

Аналогичный экосистемный подход формируется и в законодательстве других прикаспийских государств. Так, азербайджанские ученые отмечают, что экологическое состояние бассейна рек Кура и Аракс влечет угрозу экологической безопасности Каспийского моря. Поэтому в будущем в международных конвенциях, определяющих международно-правовой статус Каспийского моря, предлагается закрепить меры по предотвращению загрязнения рек Кура и Аракс, для чего необходимо предусмотреть нормы, определяющие юридическую ответственность за их нарушение [9, с. 9].

Дальнейшее развитие этого подхода в российском экологическом законодательстве (и законах других прикаспийских государств) является залогом успеха охраны Каспийского моря в целом, особенно если учесть рост публикаций о влиянии загрязненных экологических систем Каспия (воды) на состояние здоровья населения прикаспийских стран [10, с. 638].

2. Необходимо усиливать охрану уникальных водных биоресурсов Каспийского моря. В России ведется большая работа по сохранению редких и исчезающих видов растений и животных. Наиболее известным проявлением этой работы является Красная книга Российской Федерации и субъектов РФ. На территории прикаспийских регионов России эта работа должна быть усилена. Это обусловлено тем, что на данных территориях суши и моря встречается большое количество живых организмов, которых больше нигде нет (эндемиков). В их числе – каспийский тюлень, виды осетровых рыб (белуга, стерлядь, осетр и др.), другие виды водных биоресурсов, состояние которых многими учеными оценивается как катастрофическое. Причиной этого является варварское отношение человека к природным ресурсам моря, включая его загрязнение нефтью [11, с. 4]. Последняя проблема «приобрела особую остроту и злободневность в связи с крупномасштабным освоением углеводородных запасов его шельфа всеми прикаспийскими государствами и отсутствием широкой практики осуществления природоохранных функций. Правда, справедливости ради следует отметить определенные успехи компании «Лукойл», которая первой внедрила замкнутую систему производства и перешла к нулевому выбросу. В последнее время вопросам экологической безопасности значительное внимание уделяют Азербайджан и Казахстан. Что касается России, в целом надзор за морским недропользованием в части добычи нефти и газа, а также проводимые природоохранные мероприятия на Каспии недостаточны» [12, с. 72].

В настоящий момент в Северном Прикаспии отмечается минимальная за всю историю наблюдений численность популяции осетровых рыб, что влечет экологические последствия всей экосистеме Каспия, нарушает в ней экологическое равновесие. Одной из причин этого считается научно-технический прогресс, позволивший создать новые орудия убийства водных животных (электроудочки, навигаторы и т.д.). Это требует повышения эффективности борьбы с браконьерством и последующим преступным оборотом водных биологических ресурсов, имеющим в том числе и международный характер. Уничтожение ценных видов водных биоресурсов не только означает экологические потери, но и несет угрозу экономической и продовольственной безопасности страны, поскольку незаконный экспорт водных биоресурсов оценивается экспертами в 25–30 млрд долл. в год. Бюджет не получает налоги и таможенные пошлины, а граждане потребляют не всегда качественные импортные замещающие продукты, а не свежую рыбу [13, с. 3–4]. Между тем решение этой проблемы должно носить комплексный характер. Если говорить о браконьерстве, то причины совершения таких экологических преступлений обусловлены не только субъективным «антропоцентристским» и нигилистическим отношением граждан к природе (пренебрежением к ценности живых существ и законодательству об их охране), но и социальными болезнями общества – безработицей, низкими зарплатами в сельской местности, алкоголизмом и т.д. Поэтому кроме дополнительных правовых мер по охране уникальных водных биоресурсов Каспийского моря и впадающих в него водотоков необходим и более широкий круг мер по борьбе с преступностью, выходящий за рамки Каспия и его экологических проблем.

Отдельного упоминания заслуживает биологическая угроза экологической безопасности Каспийского моря. Наиболее известным примером катастрофических биологических инвазий является сравнительно недавнее занесение с балластными водами судов американского гребневика мнемнопсиса в Черное и Каспийское моря [14]. В Каспийском море он уменьшил кормовую базу каспийского тюленя, что привело к уменьшению его численности. Противодействие таким угрозам слабо проработано в российском экологическом законодательстве, требующем изменений и дополнений.

3. Решение упомянутых экономических, экологических и социальных проблем Прикаспийских регионов будет означать и еще один шаг к достижению целей устойчивого развития

(ЦУР) в России. ЦУР были определены ООН еще в 2015 г., и из 17 заявленных целей применительно к охране природы Каспия относятся цели 14 (сохранение морских экосистем) и 15 (сохранение экосистем суши). Как отмечалось на Конференции ООН по океану (г. Лиссабон, 27 июня – 1 июля 2022 г.) [15], решения по обеспечению рационального использования океана включают зеленые технологии и инновационное использование морских ресурсов. К ним также относится борьба с такими угрозами здоровому состоянию экологии, экономики и управлению океаном, как закисление, морской мусор и загрязнение, незаконный, нерегистрируемый и нерегулируемый рыбный промысел, а также утрата естественной среды обитания и биоразнообразия. ЦУР признаются всеми прикаспийскими государствами, которые участвуют в работе по предотвращению и ликвидации источников загрязнения на суше и на море, развитию управления речными бассейнами с учетом экосистемного подхода, что было отражено в Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря, подписанной 4 ноября 2003 г. в г. Тегеране (Иран).

Меры по защите Каспия обсуждались и на шестой сессии конференции сторон Тегеранской конвенции 21 октября 2022 г. Представителем России было отмечено, что большая часть экологических инициатив в РФ сегодня проводится в рамках национального проекта «Экология». Он реализуется на всей территории страны, в том числе в прикаспийских регионах России, и включает в себя различные направления: оздоровление Волги и сохранение уникальных водных объектов, ликвидация свалок и наиболее опасных объектов, сохранение биологического разнообразия и лесов, создание комплексной системы обращения с отходами, сокращение выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, создание комплексной системы мониторинга окружающей среды. Кроме того, в результате внесения изменений в экологическое законодательство была установлена ответственность за нарушение требований по предупреждению и ликвидации разливов нефти [16]. В целях реализации природоохранных мероприятий в прикаспийских регионах приняты специальные государственные стратегии. Так, в Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года [17] (в него входит Республика Дагестан), в частности, отмечается важность решения проблем, связанных с промышленным загрязнением нефтяных территорий (в том числе в Каспийском море), главной из которых явля-

ется угроза экологической катастрофы в районе северной и западной частей Каспийского моря в результате загрязнения морских акваторий жидкими и газообразными выбросами, образующимися при разработке и проведении буровых работ и добыче нефти. Аналогичный документ был принят и для других прикаспийских регионов – «Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа до 2020 года» [18] (туда входят Астраханская область и Республика Калмыкия).

Между тем переход России к устойчивому развитию предполагает наличие четкого поэтапного плана действий, который в данный момент отсутствует. Как отмечалось в научной литературе, в России сейчас нет конкретной стратегии достижения целей устойчивого развития (например, аналогичной Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 [19], содержащей четкие параметры достижения (или не достижения) ее целей). И хотя такая попытка имела место в новейшей истории нашей страны (в Указе Президента РФ «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» от 1 апреля 1996 г. № 440 [20]), предложенные в Указе меры являются устаревшими, декларативными и необязательными. Нет перечня мер по переходу на стандарты устойчивого развития и в других стратегических документах в сфере охраны окружающей среды, например в Основах государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 г. (утв. Президентом РФ 30 апреля 2012 г.) [21]. Представляется, что переход как всей страны, так и ее отдельной части (прикаспийского региона) к устойчивому развитию должен происходить поэтапно и в соответствии с четким планом, предусматривающим и перечень действий (мероприятий), и их финансирование. В этом смысле и Национальный проект «Экология», и Стратегии социально-экономического развития России в целом или ее отдельных регионов решают каждый свою задачу и являются недостаточно сбалансированными между собой.

4. Достижение целей устойчивого развития в прикаспийских регионах во многом зависит от факторов, не подконтрольных человеку. Одним из них является изменение уровня вод Каспийского моря. В настоящий момент нет доказательств причинно-следственных связей между выбросами парниковых газов, изменением климата и снижением (или повышением) уровня Каспийского моря. Скорее всего, на эту

динамику влияет сложный набор факторов, не все из которых связаны с хозяйственной деятельностью человека.

Однако изменение уровня Каспия влияет на динамику социально-экономического и экологического развития трех российских регионов. Снижение уровня Каспия в XX в. привело к тому, что на ранее занятых водой территориях возникли населенные пункты (Махачкала, Каспийск), а также посевы сельскохозяйственных культур и рекреационные территории. Повышение уровня Каспия представляет угрозу и для особо охраняемых природных территорий, в том числе объектов животного мира, рыб и птиц. Намечающийся подъем уровня моря может привести к затоплению населенных пунктов и ценных почв, разрушению берегов, повышению уровня грунтовых вод и другим не всегда предсказуемым последствиям. Под водой могут оказаться места добычи нефти и промышленные производства, что повлечет дополнительное загрязнение морских экосистем. Это требует новых бюджетных расходов на строительство защитных дамб и иных сооружений [22, с. 144–145]. Данная проблема уже попадала в поле зрения российских органов исполнительной власти. Например, в 1990-е гг. был принят ряд подзаконных актов, посвященных защите населения в связи с подъемом уровня моря: постановление Правительства РФ от 05.01.1995 № 13 «О дополнительных мерах по защите населения и решению других проблем, связанных с подъемом уровня Каспийского моря» [23]; постановление Правительства РФ от 27.07.1996 № 897 «Об оказании государственной поддержки в приобретении жилья гражданам, жилье которых оказалось на затопленных Каспийским морем территориях» [24]. Данный перечень не является исчерпывающим. По мере развития ситуации следует разработать новые правовые акты о защите населения и окружающей среды прибрежных территорий.

Результаты

Проведенное исследование показывает, что охрана окружающей среды Каспийского моря должна носить комплексный характер, что требует дальнейшего доктринального и нормативного развития экосетевого подхода, который находится сейчас в начале своего формирования и реализации.

Данный подход предполагает принятие комплексных правовых актов по охране водных экосистем Каспия вместе с охраной других природных ресурсов (главным образом, водных биоресурсов), а также проведение мероприятий

по улучшению экологического состояния прилегающих к Каспийскому морю сухопутных территорий и водных объектов, включая улучшение экологического состояния реки Волга. Разработка и выполнение таких мероприятий позволит сделать еще один шаг в сторону достижения целей устойчивого развития в России, предполагающих баланс экономических, экологических и социальных интересов, в том числе на локальных территориях. Одной из них и являются прикаспийские территории.

Учитывая, что Россию омывает много морей, характеризующихся различной географической, климатической, экологической и иной спецификой, принятие единых требований по ее учету в одном федеральном законе, как это сделано сейчас, является недостаточным. Поэтому представляется целесообразным разработать специальный федеральный закон о правовом режиме вод российской части Каспийского моря. Отражение таких особенностей должно происходить и в законодательстве Прикаспийских регионов, что в данный момент сделать весьма затруднительно ввиду незначительного количества закрепленных за российскими регионами полномочий. Расширение их перечня позволит заложить основы правового режима прибрежных территорий, общие контуры которого целесообразно прописать в федеральном законодательстве, а отдельные особенности – в законах субъектов РФ.

Список литературы

1. Анянова Е. С. Территориальный спор вокруг Каспийского моря // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2009. № 4. С. 259–265.
2. Экологический кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 г. № 400-VI ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400> (дата обращения: 24.01.2023).
3. Елюбаев Ж.С. Теоретические и методологические проблемы правового регулирования недропользования: отечественный опыт и зарубежная практика : дис. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 2010. 332 с.
4. Об охране природы : закон Республики Туркменистан от 01.03.2014. № 40-V (ред. от 20.03.2017). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31526428 (дата обращения: 24.01.2023).
5. О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации : федер. закон от 31.07.1998 № 155-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Анисимов А. П., Воронина Н. П. Национальная экологическая сеть как правовая категория: опыт зарубежных стран и его приемлемость для России // Экологическое право. 2022. № 6. С. 36–39.
7. Корчагина И. В. Административно-правовое регулирование рыболовства и охраны рыбных запасов Каспийского региона : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2010. 29 с.
8. Об утверждении Правил рыболовства для Волжско-Каспийского рыбохозяйственного бассейна : приказ Росрыболовства от 13 января 2009 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Сафаров А. Т. Международно-правовые проблемы экологической охраны бассейна рек Кура и Аракс : автореф. дис. ... д-ра филос. Баку, 2014. 21 с.
10. Мурсалиев А. О. Соотношение норм международного права и национального права Российской Федерации в отношении охраны окружающей среды Каспийского моря // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2021. Т. 14, № 5. С. 636–661. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0748>
11. Тагиева С. Ч. Международно-правовая защита среды Каспийского моря : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 32 с.
12. Лепехин А. А. Каспийский регион: проблемы и поиски путей решения // Общество, право, личность: историко-правовые, философские и социологические предпосылки развития экономики шестого технологического уклада : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 18–20 апреля 2018 г.). Вып. 7. Минск : Международный университет «МИТСО», 2018. С. 71–74.
13. Мухамбетов Ф. Н. Незаконные добыча и оборот водных биологических ресурсов: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2022. 30 с.
14. Куделькин Н. С. Понятие «загрязнение морской среды» в российском и международном праве // Международное право и международные организации. 2013. № 4. С. 578–582. <https://doi.org/10.7256/2226-6305.2013.4.10566>
15. Конференция ООН по океану (г. Лиссабон, 27 июня – 1 июля 2022 г.). URL: <https://www.un.org/ru/conferences/ocean2022> (дата обращения: 24.01.2023).
16. Меры по защите Каспия обсудили на шестой сессии конференции сторон Тегеранской конвенции. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/mery_po_zashchite_kaspiya_obsudili_na_shestoy_sessii_konferentsii_storon_tegeranskoy_konventsii/?special_version=Y (дата обращения: 24.01.2023).
17. Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа до 2020 года. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»..
19. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию : указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Анисимов А. П. О некоторых дискуссионных проблемах концепции устойчивого развития // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3. С. 31–36.
22. Сиваков Д. О. Правовой режим земель водного фонда : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 209 с.
23. О дополнительных мерах по защите населения и решению других проблем, связанных с подъемом уровня Каспийского моря : постановление Правительства РФ от 05.01.1995 № 13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
24. Об оказании государственной поддержки в приобретении жилья гражданам, жилье которых оказалось на затопленных Каспийским морем территориях : постановление Правительства РФ от 27.07.1996 № 897. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Anyanova E. S. Territorial dispute over the Caspian Sea. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2009, no. 4, pp. 259–265. (in Russian)
2. *Environmental Code of the Republic of Kazakhstan 400-VI ZRK of January 2, 2021*. Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400> (accessed January 24, 2022) (in Russian).
3. Yelyubaev Zh. S. *Theoretical and methodological problems of legal regulation of subsoil use: domestic experience and foreign practice*. Diss. Dr. Sci. (Jur.). Almaty, 2010. 332 p. (in Russian).
4. *On Nature Protection. Law of the Republic of Turkmenistan 40-V of March 1, 2014 (an edition of March 20, 2017)*. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31526428 (accessed January 24, 2022) (in Russian).
5. On Internal Sea Waters, Territorial Sea and Adjacent zone of the Russian Federation. Federal Law 155-FZ of July 31, 1998. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
6. Anisimov A. P., Voronina N. P. National ecological network as a legal category: The experience of foreign countries and its acceptability for Russia. *Ekologicheskoe pravo* [Environmental Law], 2022, no. 6, pp. 36–39 (in Russian).
7. Korchagina I. V. *Administrative and legal regulation of fishing and protection of fish stocks of the Caspian region*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Rostov-on-Don, 2010. 29 p. (in Russian).
8. On the approval of Fishing Rules for the Volga-Caspian fishery basin. Order of Rosrybolovstvo, January 13, 2009, no. 1. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
9. Safarov A. T. *International legal problems of environmental protection of the Kura and Araks river basin*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philos.). Baku, 2014. 21 p. (in Azerbaijan).
10. Mursaliev A. O. Correlation of international and Russian national law with regard to environmental protection of the Caspian Sea. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 636–661 (in Russian). <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0748>
11. Tagieva S. Ch. *International legal protection of the environment of the Caspian Sea*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2012. 32 p. (in Russian).
12. Lepekhin A. A. The Caspian region: Problems and the search for solutions. *Obshchestvo, pravo, lichnost': istoriko-pravovye, filosofskie i sotsio-logicheskie predposylki razvitiya ekonomiki shestogo tekhnologicheskogo uklada* [Society, law, personality: Historical, legal, philosophical and sociological prerequisites for the development of the economy of the sixth technological order. Collection of articles of the International scientific and practical conference, Minsk, April 18–20, 2018. Iss. 7]. Minsk, MITSO International University Publ., 2018, pp. 71–74 (in Russian).
13. Mukhambetov F. N. *Illegal extraction and turnover of aquatic biological resources: Criminal-legal and criminological aspects*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Kaliningrad, 2022. 30 p. (in Russian).
14. Kudelkin N. S. The concept of “marine pollution” in Russian and international law. *International Law and International Organizations*, 2013, no. 4, pp. 578–582 (in Russian). <https://doi.org/10.7256/2226-6305.2013.4.10566>
15. *UN Ocean Conference (Lisbon, June 27 – July 1, 2022)*. Available at: <https://www.un.org/ru/conferences/ocean2022> (accessed January 24, 2022).
16. *Mery po zashchite Kaspiya obsudili na shestoy sessii konferentsii storon Tegeranskoj konventsii* (Measures to protect the Caspian Sea were discussed at the sixth session of the Conference of the Parties to the Tehran Convention). Available at: https://www.mnr.gov.ru/press/news/mery_po_zashchite_kaspiya_obsudili_na_shestoy_sessii_konferentsii_storon_tegeranskoj_konventsii/?special_version=Y (accessed January 24, 2022) (in Russian).
17. Strategy of socio-economic development of the North Caucasus Federal District until 2025. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
18. Strategy of socio-economic development of the Southern Federal District until 2020. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
19. The Doctrine of food security of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation no. 20 of January 21, 2020. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).

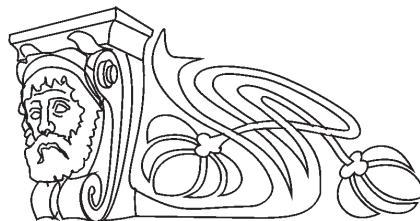
20. On the concept of transition of the Russian Federation to sustainable development. Decree of the President of the Russian Federation no. 440 of April 1, 1996. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
21. Anisimov A. P. About some debatable problems of the concept of sustainable development. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoy akademii* [Saratov State Law Academy Bulletin], 2017, no. 3, pp. 31–36 (in Russian).
22. Sivakov D. O. *The legal regime of the lands of the water fund*. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2004. 209 p. (in Russian).
23. On additional measures to protect the population and solve other problems related to the rise of the Caspian Sea level. Decree of the Government of the Russian Federation of January 5, 1995 no. 13. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
24. On state support for the purchase of housing for citizens, whose housing turned out to be on the territories flooded by the Caspian Sea. Decree of the Government of the Russian Federation no. 897 of July 27, 1996. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).

Поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 13.02.2023; принята к публикации 15.02.2023
The article was submitted 25.01.2023; approved after reviewing 13.02.2023; accepted for publication 15.02.2023

Научная статья
УДК 349.42

Государственная поддержка сельского хозяйства в эпоху П. А. Столыпина и современные реалии

Н. Н. Аверьянова

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Аверьянова Наталья Николаевна, доктор юридических наук, доцент, ¹профессор кафедры конституционного и муниципального права; ²профессор кафедры земельного и экологического права, averyanovann@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5718-5363>

Аннотация. Введение. Исследование историко-правового развития аграрных отношений в России имеет большое значение для теории и практики развития современных общественных отношений в сфере сельского хозяйства. Реализованные видным политическим деятелем Петром Аркадьевичем Столыпиным аграрные реформы, обобщенные в единый исторический опыт, могут являться основой для определения потенциала и направлений развития современных аграрных отношений, степени их либерализма и уяснения роли государства в данном процессе. Выявленные недостатки и достоинства таких реформ позволят определить историческую роль реформатора П. А. Столыпина в данных преобразованиях и проследить эволюцию Российского государства в социально-экономической сфере. **Теоретический анализ.** Исследуются основные идеи, направления и итоги аграрной реформы П. А. Столыпина, анализируются ее истоки, причины. Положения аграрной реформы рассматриваются в контексте государственной поддержки сельского хозяйства и тех мер в данном направлении, которые были задуманы и реализованы по инициативе Столыпина. **Эмпирический анализ.** Определяется, что в конце XIX в. в России образовался целый комплекс политико-правовых, социальных и экономических проблем, от решения которых зависело не только развитие Российского государства, но и его правосубъектность. Большинство этих проблем было связано с аграрным сектором экономики и правовым положением крестьянства – самой многочисленной в то время социальной группы российских граждан. Основными направлениями столыпинской аграрной реформы явились: наделение крестьян на праве собственности земель с целью формирования большого класса новых эффективных земельных собственников, а также внедрение рыночных механизмов в данный процесс, в том числе кредитования с государственной поддержкой потенциальных покупателей земли. **Результаты.** Выявлено, что отдельные направления реформ Столыпина, их течение и итоги не имели безоговорочного признания среди его современников. Их жесткая критика звучала и в новейшее время. Названы причины неудач столыпинских аграрных реформ и сделан вывод, что они носили в большей степени объективный характер, были обусловлены историческими и организационными причинами и не всегда зависели от воли реформатора. Отмечено, что прогрессивность и инновационность подхода Столыпина к развитию общественных отношений в России обеспечили ему долгую историческую память как великого реформатора, не равнодушного к будущему России и ее народа. Концептуальные же задумки Столыпина актуальны и в настоящее время, а его идеи являются перспективными и для современного преобразования аграрных отношений.

Ключевые слова: Столыпин, аграрная реформа, земельная собственность крестьян, государственная поддержка сельского хозяйства

Для цитирования: Аверьянова Н. Н. Государственная поддержка сельского хозяйства в эпоху П. А. Столыпина и современные реалии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 208–213. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-208-213>, EDN: RTWSMR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

State support for agriculture in the era of P. A. Stolypin and modern reality

N. N. Averyanova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Natalja N. Averyanova, averyanovann@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5718-5363>

Abstract. Introduction. The study of historical and legal development of agrarian relations in Russia is of great importance for the theory and practice of the development of modern social relations in the field of agriculture. The agrarian reforms implemented by the prominent political figure, Pyotr Arkadyevich Stolypin, generalized into a single historical experience, can be the basis for determining the potential and directions

for the development of modern agrarian relations, the degree of their liberalism and understanding the role of the state in this process. The identified shortcomings and advantages of such reforms will make it possible to determine the historical role of the reformer P. A. Stolypin in these transformations and trace the evolution of the Russian state in the socio-economic sphere. **Theoretical analysis.** The article examines the main ideas, directions and results of the agrarian reform of P. A. Stolypin and analyzes its origins and causes. The provisions of the agrarian reform are considered in the context of state support for agriculture and those measures in this direction that were conceived and implemented on Stolypin's initiative. **Empirical analysis.** The study demonstrated that at the end of the 19th century in Russia a whole complex of political, legal, social and economic problems was formed, the solution of which depended not only on the development of the Russian state, but also on its legal personality. Most of these problems were related to the agricultural sector of the economy and the legal status of the peasantry, the largest social group of Russian citizens at that time. The main directions of Stolypin's agrarian reform were: endowing peasants with the right to own land in order to form a large class of new effective land owners, as well as introducing market mechanisms into this process, including lending with state support to potential land buyers. **Results.** It was revealed that certain areas of Stolypin's reforms, their course and results did not have unconditional recognition among his contemporaries. Their harsh criticism sounded in modern times. The author identifies the reasons for the failures of Stolypin agrarian reforms and concludes that they were more objective in nature, were due to historical and organizational reasons and did not always depend on the will of the reformer. The author highlights that Stolypin's progressive and innovative approach to the development of social relations in Russia provided him with a long historical memory as a great reformer who was not indifferent to the future of Russia and its people. The conceptual ideas of the reformer are still relevant, and his ideas are promising for the modern transformation of agrarian relations. **Keywords:** Stolypin, agrarian reform, land ownership of peasants, state support for agriculture

For citation: Averyanova N. N. State support for agriculture in the era of P. A. Stolypin and modern reality. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 208–213 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-208-213>, EDN: RTWSMR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Петр Аркадьевич Столыпин – известный российский политический и общественный деятель, реформатор, понимал, что Россия к началу XX в. по-прежнему остро нуждается в серьезных реформах в сфере сельского хозяйства. Эффективно реализуемые реформы в этой сфере могли решить целый ряд важных государственных задач:

– во-первых, решение социальных проблем крестьян – огромного слоя населения России. Тяжелое положение дел в деревне, обнищание и безземелье крестьян, иные накопившиеся в этой сфере проблемы требовали от правительства незамедлительного реагирования;

– во-вторых, накопившиеся аграрные проблемы не позволяли стране эволюционировать, решать иные задачи. Поэтому развитие сельского хозяйства способствовало бы развитию рыночной экономики, в целом процветанию государства;

– в-третьих, социальная стабильность и благополучие крестьянства напрямую обуславливали и политическую стабильность страны. Поскольку стало более чем очевидно, что сложившаяся неблагоприятная ситуация в сфере сельского хозяйства напрямую угрожает и основам государственного устройства, самодержавию и монархии.

При этом, решая аграрный вопрос, государство не могло остаться только в роли регулятора и идеолога реформирования. Столыпин понимал, что большое значение для успеха задуманного имеет, прежде всего, государственная поддержка как крестьянства, так и их сельскохозяйственной деятельности.

По задумке реформатора, в первую очередь, было необходимо провести модернизацию крестьянского землевладения. В своей знаменитой речи, произнесенной в стенах Государственной Думы в 1907 г., Столыпин отметил, что «Правительство обязано помочь трудолюбивому крестьянину советом, деньгами и представить ему неотъемлемую собственность» [1, с. 145].

Теоретический анализ

Проблема крестьянского малоземелья существовала в России испокон веков. Однако если ранее решение этого вопроса представлялось возможным только за счет земель помещиков, что, безусловно, вызывало их недовольство, то П. А. Столыпин предложил принципиально иной выход из сложной ситуации: создание на развалинах земельной общины новой системы земледелия, порождающей кулаков, путем облегчения покупки земельных участков и создания благоприятных условий для переселения на массивы никем не освоенных земель, в Сибирь.

Переселение на сибирские просторы имело место и ранее, однако с другой целью – строительство Сибирской железной дороги. Аграрная же реформа с этим переселением связывала тройную пользу: во-первых, устранение напряженности в отношениях крестьян и помещиков на территории Европейской части России; во-вторых, компенсация быстрого роста крестьянского населения; в-третьих, получение государством экономической выгоды от развития сельского хозяйства в Сибири.

Законодательное оформление «стольпинская» реформа получила через несколько норма-

тивных актов. «Положившим начало считается Указ от 9 ноября 1906 года, который позволил крестьянам выходить из общины с землёй с закреплением участка в собственности отдельных домохозяев, а не двора, как было ранее» [2, с. 112]. Выкупные платежи, тяжким бременем лежавшие на крестьянах после реформы 1861 г., были отменены еще годом ранее Указом от 3 ноября 1905 г. [3, с. 337–338].

Вторая часть реформы – индивидуализация крестьянского землевладения, создание иной правовой оболочки крестьянского хозяйства и увеличение его производительности – регламентировалась Высочайшим указом от 4 марта 1906 г. [4], в котором устанавливалась возможность создавать общества и союзы как новые формы организации производства, а также Законом от 14 июня 1910 г., провозгласившим частную собственность на значительную часть наделных (т. е. предоставленных крестьянам во владение в результате реформы 1961 г.) земель [5]. Данный Закон также вводил положение о том, что общины, в которых переделы не производились с 1863 г., должны считаться перешедшими к подворному наследственному землепользованию, т. е. община распускалась даже независимо от желания крестьян. Закон о землеустройстве от 29 мая 1911 г. представлял собой техническую и процессуальную сторону перехода к отрубному и хуторскому хозяйствам [6].

Таким образом, постепенно рыночные отношения стали проникать в сферу отношений земельно-правовых, повышая тем самым эффективность сельскохозяйственного производства. Множество форм собственности заменили единую систему землевладения. Однако, как отмечает Ф. П. Румянцев, «можно говорить и об успехе, и о провале реформы. Мероприятия Правительства усилили социальную напряженность в деревне» [7, с. 12]. Старые полукрепостнические порядки, в каком-либо виде проявляющие себя, создавали очередные сложности. Правовые нормы были разнообразны, разбросаны по разным частям Свода законов Российской империи. Причиной этому были различия прав на землю в зависимости от субъектов, способов владения и характера вещного объекта. Однако статистические данные говорят об успехе внедренных инноваций: урожайность у крестьянских хозяйств уже в 1914 г. возросла на 15% [8].

Вторым важным направлением поддержки сельского хозяйства является процедура льготного кредитования крестьян на покупку частновладельческих дворянских земель. Стоит отметить, что идея льготного кредитования

крестьянства как наиболее социально незащищенной категории граждан была реализована еще до П. А. Столыпина. Специальное государственное кредитное учреждение – Крестьянский поземельный банк – был создан еще в 1882 г. по Указу императора Александра III.

Однако при Столыпине льготное кредитование крестьянства было системно реализовано как обеспечительное средство, способствующее формированию нового класса крестьян – собственников земли. При этом деятельность Крестьянского банка выглядит достаточно эффективной. По данным статистики, за период с 1883 по 1915 г. его клиентами стали около 1 млн крестьянских дворов, приобретя около 16 млн десятин земли, общая сумма выданных банком ссуд составила более 1 млрд 350 млн руб. [9]. Ссуды крестьянам выдавались под залог приобретаемых земельных участков.

Однако не все исследователи оценивают деятельность данного учреждения с положительной точки зрения. В частности, историк Николай Алексеевич Троицкий, известный критик Столыпина и его реформ, отмечал, что цены у Крестьянского банка были очень завышены, и крестьянам ничего не оставалось как приобретать землю по цене выше рыночной [10, с. 89].

Вместе с этим нельзя не отметить, что роль такого рода кредитования в историческом контексте заключается в зарождении идей формирования рыночных инструментов оборота имущественных прав на землю, позволяющих привлечь средства для развития экономических проектов. Данный тезис, в частности, подтверждает факт того, что благодаря кредитованию стала развиваться кооперация как новая прогрессивная форма сельскохозяйственного товаропроизводства.

Что же в настоящее время? После распада СССР потребовалось вновь кардинальное реформирование большинства сфер жизнедеятельности государства. При этом земельные, аграрные отношения стали предметом реформирования одними из первых, переход на рыночные формы хозяйствования также потребовал системной поддержки сельского хозяйства и на государственном уровне. Какие же меры государственной поддержки сельского хозяйства предпринимаются сегодня?

Анализ действующего земельного и аграрного законодательства позволяет сделать вывод о том, что со времен Столыпина методы и способы повышения эффективности сельскохозяйственного производства не очень изменились.

В настоящее время, как и в эпоху Столыпина, проводится процесс смены земельных собственников, наделение сельскохозяйственных производителей землей как основным и незаменимым средством производства, осуществляется ипотечное кредитование и кредитование аграриев-предпринимателей.

Безусловно, спектр мероприятий в рамках государственной помощи сельскохозяйственным товаропроизводителям сегодня выглядит несравнимо масштабнее по сравнению со столыпинской эпохой: грантовая, иная финансовая, налоговая поддержка и другие государственные гарантии поддержки сельского хозяйства в целом и слабозащищенным сельскохозяйственным производителям в частности является безусловным приоритетом государственной аграрной политики и не вызывает сомнений, споров и дискуссий.

Прогрессивная же роль Столыпина заключается еще и том, что он, по сути, первый политический деятель, который задумал и попытался воплотить в жизнь в консервативной царской России комплекс мероприятий, направленных на развитие социально-экономического потенциала страны и повышения благосостояния крестьянства – самой большой социальной группы того времени. Однако и в далекие «столыпинской времена» не все прогрессивные личности были согласны с его идеями и начинаниями.

Эмпирический анализ

В период и до проведения столыпинских реформ в дореволюционной литературе земельный вопрос обсуждался очень остро. Отмечалось, что «Россия переживает тяжелый землевладельческий и земледельческий кризис» [11, с. 90]. При этом острота земельного вопроса неизбежно порождала мысль о нарушении и проблемах реализации прав на землю граждан России. Речь шла в основном о бесправном положении крестьян, предлагались новые меры и анализировались уже принятые, которые могут улучшить их социально-правовой статус в данной сфере.

Так, этнограф А. А. Риттих сетовал на то, что «российские крестьяне намного более социально уязвимы в вопросах землевладения, чем в Европе», отмечая, в частности, что «крестьянин, став лично свободным, был экономически зависим от феодальной власти» [12, с. 112].

«Когда будет уничтожена крупная земельная собственность, – писал публицист В. П. Воронцов, – крестьянин будет получать нужную ему землю от государства, он освободится от какой-либо зависимости в отношении важнейшего для него средства труда – от какой-либо зависимости от частных лиц» [13, с. 41].

Однако немало исследователей той эпохи не разделяют точку зрения о необходимости наделения крестьянства землей на праве собственности или расширения крестьянских землевладений, считая, наоборот, необходимым сосредоточение земельных ресурсов в руках помещиков и иных крупных землевладельцев. Известный юрист и общественно-политический деятель Н. Бржецкий отмечал, что «оскудение крестьянского хозяйства никак не зависит от растущего малоземелья, в Европе образцовое хозяйство ведется и на значительно меньших земельных участках. Российский же крестьянин тяготеет к работе не только на чужой земле за плату, но и на собственном участке» [14, с. 7–8].

Известный крупный землевладелец Н. А. Павлов, очень жестко критикуя реформы Столыпина, отмечал: «Вряд ли нужны перечисления по пунктам, они все выражены одним актом, который беспощадно и бесспорно доказателен: в 1905–1907 гг. власть беспрепятственно отдала землевладение на уничтожение» [15, с. 110]. Он считал, что данными реформами нарушаются права на землю помещиков.

Генерал-фельдмаршал В. Гурко на реформы Столыпина реагирует также достаточно резко, называет крестьян «грабителями», подмечая тенденцию того, что «крестьяне за счёт захваченных земель помещиков расширяют свои землевладения, хотя им не требуется для жизни такого количества земли. Власти же не защищают помещиков, поскольку боятся крестьянских бунтов» [16, с. 2–3]. Оценивая негативно данное обстоятельство, В. Гурко подытоживает: «Нельзя ради спасения руки снимать с человека голову» [16, с. 4]. При этом автор не ставит под сомнение социальное бедствие российского крестьянства, но, тем не менее, приводит целый ряд аргументов в пользу того, что крестьянские земельные наделы расширять нельзя.

Результаты

С одной стороны, глобальность, даже кардинальность задуманных реформатором и столь необходимых преобразований поражает. Идеи Столыпина, реализованные им в далекие времена, можно вполне воспринимать как предтечу перехода от классового общества к равноправию, предоставления равных возможностей для развития для всех слоев населения.

В этом его заслуга, обеспечившая Столыпину долгую историческую память. С другой стороны, по ряду субъективных (сопротивление крестьян, противостояние помещиков и отдельных политических сил) и объективных (Первая мировая война, внезапная смерть реформатора и,

наконец, Революция 1917 г.) причин существенных изменений в земельно-правовом устройстве России не произошло. Так, Л. Ю. Казанина справедливо отмечает, что «именно на кадетях лежит вина за срыв редкой возможности компромисса между властью и обществом, который мог обеспечить успех столыпинской модернизации» [17, с. 15].

В этой связи стоит прокомментировать позицию Н. Ю. Белокопытовой, которая негативно оценивает столыпинские аграрные реформы, при этом главным основанием такого мнения выступает их итоговая низкая результативность [18, с. 65]. Однако и здесь в полной мере согласиться с исследователем нельзя. М. А. Давыдова в своем исследовании, основанном на колоссальном анализе статистических данных, делает вывод о том, что реформа Столыпина в части наделения крестьян землей и выхода из общины развивалась позитивно, хотя и неравномерно в зависимости от региона России. Отмечается, что лидерами по внедрению данных инноваций стали Воронежская, Харьковская, Саратовская и Пермская губернии, на долю которых пришлось 23,3% всех ходатайств крестьянских дворов об изменении условий землепользования [19, с. 54].

Как уже отмечалось, в целом причинами неудач столыпинских реформ являются обстоятельства, которые практически не зависели от воли реформатора. Между тем гораздо большее значение имеют его задумки и концептуальный подход к реформированию организации сельскохозяйственного производства, недооценка которого чревата переосмыслением начавшейся складываться в эпоху Столыпина системы ценностей, позволившей сместить акценты от чисто экономических интересов элит и формирования их благосостояния как важнейшей функции государства того времени к внедрению социально ориентированных механизмов, направленных на поддержку слабозащищенных участников сельскохозяйственных отношений.

Социальная поддержка слабозащищенных категорий сельскохозяйственных товаропроизводителей, внедрение прогрессивных рыночных форм хозяйствования на земле и сегодня должно являться парадигмой развития общественных отношений в данной сфере, что в целом будет способствовать и решению более глобальных государственных проблем России. Поэтому историческое наследие Столыпина обладает ценным опытом, его идеи не теряют своей актуальности спустя сотню лет и могут быть взяты за основу при проведении реформ в сфере сельского хозяйства и в новейшей истории.

Список литературы

1. *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете (1906–1911). М. : Молодая гвардия, 1991. 410 с.
2. *Кофод А. А.* Русское землеустройство. СПб. : Тип. В. Ф. Киришбаума, 1913. 123 с.
3. *Тюкавкин В. Г.* Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917. М. : Просвещение, 1990. 416 с.
4. О временных правилах об обществах и союзах : Именной Высочайший указ 4 марта 1906 г. // Полный свод законов. 3-е изд. Т. 26. № 27479. Собрание узаконений. 1906. 7 марта. Ст. 308.
5. Закон 14 июня 1910 г. об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении. М. : Тип. т/д «Мысль» Н. П. Меснянкин и К°, 1914. 172 с.
6. Закон о землеустройстве 29 мая 1911 года. Гродна : Губернская типография, 1911. 55 с.
7. *Румянцев Ф. П.* Особенности правового обеспечения столыпинской и современной аграрной реформы России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 26 с.
8. Статистический справочник по аграрному вопросу. М. : Универсальная библиотека, 1917–1922. 24 с. (Лига аграрных реформ. Серия А).
9. История развития банковской системы России. Зарождение банковской системы в России. Банковская система до 1917 года. URL: <http://www.bibliotekar.ru/finance-7/2.htm> (дата обращения: 10.12.2022).
10. *Троицкий Н. А.* Россия в XIX веке. Курс лекций. М. : Высшая школа, 1997. 432 с.
11. *Тернер О.* Государство и землевладение : в 2 ч. Ч. 1. Крестьянское землевладение. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1896. 350 с.
12. *Риттих А. А.* Зависимость крестьян от общины и мира. СПб. : Тип. В. Ф. Киришбаума, 1903. 218 с.
13. *Воронцов В. П.* Социальное преобразование России. М. : Новое товарищество, 1906. 88 с.
14. *Бржеский Н. К.* Очерки аграрного быта крестьян. [Т.] 1; Земледельческий центр России и его оскудение. СПб. : Тип. В. Ф. Киришбаума, 1908. 100 с.
15. *Павлов Н. А.* Записки землевладельца. СПб. : Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1915. 362 с.
16. *Гурко В.* Отрывочные мысли по аграрному вопросу. СПб. : Лештуков. паровая скоропеч. П. О. Яблонского, 1906. 57 с.
17. *Казанина Л. Ю.* Судебная реформа П. А. Столыпина в оценке конституционных демократов // История государства и права. 2009. № 10. С. 14–17.
18. *Белокопытова Н. Ю.* Администрирование аграрной реформы Столыпина: задумки и нормативное воплощение // Административное право и процесс. 2012. № 11. С. 62–65.
19. *Давыдова М. А.* Аграрная реформа П. А. Столыпина: цифры и люди // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 5. С. 541–560. <https://doi.org/10.7256/2222-1972.2013.5.9187>

References

1. Stolypin P. A. *Nam nuzhna velikaya Rossiya. Polnoe sobranie rechey v Gosudarstvennoy dume i Gosudarstvennom sovete (1906–1911)* [We need great Russia. The Complete Collection of speeches in the State Duma and the State Council (1906–1911)]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1991. 416 p. (in Russian).
2. Kofod A. A. *Russkoe zemleustroistvo* [Russian land management]. St. Petersburg, Tipografiya V. F. Kirshbauma, 1913. 123 p. (in Russian).
3. Tyukavkin V. G. *Hrestomatiya po istorii SSSR. 1861–1917*. [Textbook on the history of the USSR. 1861–1917]. Moscow, Prosveshchenie, 1990. 416 p. (in Russian).
4. On temporary rules on societies and unions. Nominal Supreme Decree March 4, 1906. *Polnyy svod zakonov* [Complete Set of Laws], 3rd ed., vol. 26, no. 27479; *Sobraniye uzakoneny* [Collection of Legalizations], 7 March, 1906. Art. 308 (in Russian).
5. *Zakon 14 iyunya 1910 g. ob izmenenii i dopolnenii nekotorykh postanovleniy o krest'yanskom zemlevladienii* [The Law of June 14, 1910 on the amendment and addition of certain regulations on peasant land ownership]. Moscow, Tipografiya “Mysl” N. P. Mesnyankin i K^o, 1914. 172 p. (in Russian).
6. *Zakon o zemleustroistve 29 maya 1911 goda* [The Law on land management of May 29, 1911]. Grodna, Gubernskaya tipografiya, 1911. 55 p. (in Russian).
7. Rumyansev F. P. *Features of legal support of Stolypin and modern agrarian reform in Russia*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). N. Novgorod, 2004. 26 p. (in Russian).
8. *Statisticheskii spravochnik po agrarnomu voprosu* [Statistical handbook on the agrarian question]. Moscow, Universal'naya biblioteka, 1917–1922. 24 p. (in Russian).
9. *Istoriya razvitiya bankovskoi sistemy Rossii. Zarozhdenie bankovskoi sistemy v Rossii. Bankovskaya sistema do 1917 goda* (The history of the development of the banking system of Russia. The origin of the banking system in Russia. Banking system before 1917). Available at: <http://www.bibliotekar.ru/finance-7/2.htm> (accessed December 10, 2023) (in Russian).
10. Troitskiy N. A. *Rossiya v XIX veke. Kurs lektsiy* [Russia in the XIX century. Course of lectures]. Moscow, Vysshaya shkola, 1997. 432 p. (in Russian).
11. Terner O. *Gosudarstvo i zemlevladienie. Ch. 1. Krest'yanskoe zemlevladienie* [The state and land ownership. Pt. 1. Peasant land ownership]. St. Petersburg, Tipografiya M. Stasyulevicha, 1896. 350 p. (in Russian).
12. Rittikh A. A. *Zavisimost' krest'yan ot obshchiny i mira* [Peasants' dependence on the community and the world]. St. Petersburg, Tipografiya V. F. Kirshbauma, 1903. 218 p. (in Russian).
13. Vorontsov V. P. *Sotsial'noe preobrazovanie Rossii* [Social transformation of Russia]. Moscow, Novoe tovarishchestvo, 1906. 88 p. (in Russian).
14. Brzheskiy N. K. *Otsherki agrarnogo byta krest'yan. T. 1. Zemledel'cheskiy tsentr Rossii i ego oskudenie* [Essays on the agrarian life of peasants. Vol. 1. The agricultural center of Russia and its impoverishment]. St. Petersburg, Tipografiya V. F. Kirshbauma, 1908. 100 p. (in Russian).
15. Pavlov N. A. *Zapiski zemlevladel'tsa* [Landowner's Notes]. St. Petersburg, Tipografiya tovarishchestva A. S. Suvorina “Novoe vremya”, 1915. 362 p. (in Russian).
16. Gurko V. *Otryvochnye mysli po agrarnomu voprosu* [Fragmentary thoughts on the agrarian question]. St. Petersburg, Leshtukov. parovaya skoropech. P. O. Yablonskogo, 1906. 57 p. (in Russian).
17. Kazanina L. Yu. Judicial reform of P. A. Stolypin's in accordance with evaluation of the constitutional Democrats. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2009, no. 10, pp. 14–17 (in Russian).
18. Belokopytova N. Yu. Administration of Stolypin's agrarian reform: Ideas and normative implementation. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative Law and Process], 2012, no. 11, pp. 62–65 (in Russian).
19. Davydova M. A. Agrarian Reform of P. A. Stolypin: Numbers and People. *History Magazine: Researches*, 2013, no. 5, pp. 541–560 (in Russian). <https://doi.org/10.7256/2222-1972.2013.5.9187>

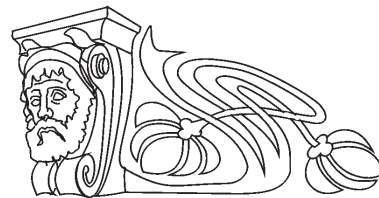
Поступила в редакцию 11.12.2022; одобрена после рецензирования 27.12.2022; принята к публикации 15.02.2023
The article was submitted 11.12.2022; approved after reviewing 27.12.2022; accepted for publication 15.02.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 214–218
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 214–218
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-214-218>, EDN: SEJAVW

Научная статья
УДК 340

Некоторые аспекты повышения эффективности государственного управления в непредвиденных ситуациях

С. Г. Василевич

Белорусский государственный университет, Беларусь, 220030, г. Минск, ул. Ленинградская, д. 8

Василевич Сергей Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права, sergey.workmail.135@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1016-8782>

Аннотация. Введение. Характер проблем и вызовов, которые появляются в современном государстве, предполагает переосмысление его функций, задач и подходов к их решению с целью своевременного реагирования и принятия эффективных мер. Важнейшим инструментом для этого является право – основной регулятор социально-экономических отношений. **Теоретический анализ.** Баланс интересов отдельного человека и общества в целом постоянно находится под воздействием объективных и субъективных факторов. Государство вынуждено адаптироваться к меняющейся ситуации, в том числе по причине накопления непредвиденных явлений в экономике, социальной и духовной сферах. В статье акцентируется внимание на некоторых аспектах повышения эффективности государственного управления в современных условиях, а также на кризисных явлениях, имеющих разнонаправленный характер (пандемия COVID-19, экологические и техногенные катастрофы, санкционное воздействие, обострившееся политическое противостояние между Россией и западными странами). **Результат.** В совокупности все аспекты, на которые обращается внимание, требуют принятия нестандартных и оперативных (быстрых) решений, следствием чего будет противодействие возникающим угрозам, обеспечение безопасности и соблюдение баланса интересов человека, общества и государства.

Ключевые слова: государственное управление, эффективность, эффективные меры, непредвиденные ситуации, социально-экономические отношения, санкции, санкционное воздействие

Для цитирования: Василевич С. Г. Некоторые аспекты повышения эффективности государственного управления в непредвиденных ситуациях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 214–218. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-214-218>, EDN: SEJAVW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Some aspects of improving the effectiveness of public administration in contingencies

S. G. Vasilevich

Belarusian State University, 8 Leningradskaya St., Minsk 220030, Belarus,

Sergey G. Vasilevich, sergey.workmail.135@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1016-8782>

Annotation. Introduction. The nature of problems and challenges that arise in the modern state involves rethinking its functions, tasks and approaches to their solution in order to respond in a timely manner and take effective action. The most important tool for this is the law – the main regulator of socio-economic relations. **Theoretical analysis.** The balance of interests of the individual person and society as a whole is constantly under the influence of objective and subjective factors. The state is forced to adapt to the changing situation, including due to the accumulation of unforeseen phenomena in the economy, social and spiritual spheres. The article focuses on some aspects of increasing the effectiveness of public administration in modern conditions, as well as unforeseen phenomena of multidirectional nature (the pandemic COVID-19, environmental and man-made disasters, sanctions effects, escalated political confrontation between Russia and Western countries). **Results.** Taken together, all aspects to which attention is drawn require the adoption of non-standard and prompt (quick) solutions, the consequence of which will be to counter emerging threats, ensuring security and balancing the interests of the individual, society and the state.

Keywords: public administration, efficiency, effective measures, crisis situations, socio-economic relations, sanctions, sanctions impact

For citation: Vasilevich S. G. Some aspects of improving the effectiveness of public administration in contingencies. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 214–218 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-214-218>, EDN: SEJAVW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В юридической науке имеется много публикаций, посвященных проблемам государственного управления, эффективности правового регулирования. Однако предложить оптимальные подходы, которые бы в комплексе решали поставленную задачу, и, самое главное, их реализовать на практике пока не удавалось. Кроме того, следует иметь в виду, что общественные отношения постоянно развиваются, обогащаются новым содержанием, периодически происходят непредвиденные явления, что предполагает необходимость комплексного научного осмысления, своевременной корректировки законодательства и практики его применения.

Непредвиденные явления, с которыми столкнулось российское общество и государство, да и в целом многие государства, в связи с пандемией COVID-19, экологическими и техногенными катастрофами, санкционным воздействием, обострившимся политическим противостоянием между Россией и западными странами обуславливают необходимость принятия нестандартных и оперативных (быстрых) решений. На это обращается внимание в монографии «Правовое регулирование в кризисных ситуациях». Так, в ней известный российский ученый Ю. А. Тихомиров высказал ряд концептуальных идей, которые сводятся к следующему: субъекты и участники управления должны действовать на основе четких правовых статусов, что обеспечивает их деловое взаимодействие. Он также выделяет корреляции, способствующие оптимальному сочетанию права и управления (обеспечение высокого уровня организации систем управления, компетентность субъектов управления, мобильность и гибкое реагирование управления, активизация человеческого фактора, системное правовое обеспечение). По справедливому замечанию Тихомирова, наука и практика пока такую корреляцию не всегда выявляют. Подчеркивается сохраняющее свою актуальность требование о разработке прогнозов при реализации правовых актов, заблаговременной диагностике «рисковых» ситуаций и, главное, разработке мер по их предотвращению и преодолению. Иными словами, речь идет о решении самой трудной для управления задачи [1, с. 25–27].

Обращение в целом к проблеме эффективности государственного управления позволяет комплексно оценить деятельность государственных структур и правоприменения. Эффективность является «наиболее яркой характеристикой, отражающей все стороны управления: логичность построения его системы; адекватность испол-

зования средств при достижении определенных целей; количество ресурсов, затраченных для достижения целей» [2, с. 15].

В силу того, что целью государства является служение человеку, одним из основных критериев эффективности существующего правового порядка, в целом общественных отношений можно назвать условия и продолжительность жизни людей, их удовлетворенность предоставляемыми государством услугами, насколько учитываются интересы общества и отдельного человека, в какой мере граждане защищены от неправомерных посягательств на их жизнь, здоровье, собственность.

На наш взгляд, в Беларуси по примеру Российской Федерации в пределах административно-территориальных единиц важно выстроить систему показателей, которая была бы нацелена на общую цель – формирование правового демократического социального государства с присущими ему принципами и, как следствие, показателями. Эффективность предполагает экономичность, рациональность. Эффективность часто понимают как уровень достижения тех целей, которые были определены законодателем [3, с. 58]. При оценке эффективности следует исходить из учета всех целей в совокупности (наглядно это видно на примере административной или уголовной ответственности). Необходимо соотносить эффективность и рациональность. Обобщая различные взгляды, Р. Швери предлагает определить рациональность следующим образом: «...субъект (1) никогда не выберет альтернативу X, если в то же время (2) доступна альтернатива Y, которая, с его точки зрения (3), предпочтительнее X. Цифрами отмечены три главные характеристики понятия рациональности, а именно: индивидуальный характер, ограниченность и субъективность» [3, с. 58].

Происходящие в обществе перемены, активное внедрение информационных технологий изменяют концепцию взаимоотношений человека и государства: административное государство постепенно заменяется «концепцией эффективного государства с высококвалифицированными государственными служащими, идеей тесной взаимосвязи государства и населения. Этого можно достичь только на четкой правовой основе при согласованной деятельности органов государственной власти с учетом требований информационного общества» [2, с. 17].

Полагаем, что при определении эффективности государственного управления необходимо учитывать комплекс оценок: с точки зрения достижения поставленных целей с учетом обще-

ственных интересов, а также включая оценку самой системы государственного управления.

Поддерживаем высказанную в литературе позицию о необходимости введения показателей «эффективности деятельности республиканских и местных органов власти, прежде всего исполнительной ветви. Для каждого государственного служащего они также могут быть установлены (в контракте)» [4, с. 19].

В условиях преодоления кризисных ситуаций актуальным становится исследование соотношения централизации и децентрализации, полученный опыт делегирования полномочий на принятие решений в условиях кризисных явлений (например, пандемии). Децентрализованная модель организации государственной власти и управления в условиях неопределенности обладает важным преимуществом: негативные последствия ошибочных управленческих решений ограничены территориально, поэтому они несут меньший объем возможного вреда [1, с. 58–65]. Необходимость оперативного реагирования на непредвиденные явления, преодоление их заставляет по-новому взглянуть на дискреционные полномочия, быстроту принятия решений в возникших условиях. Должна усилиться контрольно-надзорная деятельность, в том числе функционирование государственного и общественного контроля, так как снижение эффективности контрольно-надзорной функции может в отсроченной перспективе привести к усилению угроз причинения вреда, речь должна идти не о приостановлении контроля или отказе от его осуществления (что ранее предлагали многие авторы), а о его переориентации на оказание информационно-методической помощи, что также должно повлечь изменение критериев оценки деятельности регулирующих органов [1, с. 91–98].

Одной из важнейших составляющих аспектов повышения эффективности деятельности государственного аппарата является решение проблемы оптимизации управления, что нередко связывают с сокращением количества управленцев. В литературе обращается внимание на различие этих понятий – оптимизация управления и сокращение персонала; более удачным является использование такого понятия, как оптимизация численности работников [5, с. 60].

Обратим внимание на один важный аспект, который необходимо учитывать при проведении реформирования и который косвенным образом позволяет оценить успешность иных преобразований. Очень важно оценить структуру занятости. В современных условиях одной из

важнейших задач социального государства является обеспечение занятости трудоспособного населения. Конечно, наиболее благоприятная ситуация, когда государство создает для этого условия и сам гражданин склонен к труду, ищет работу и реализует свои способности в качестве наемного работника, предпринимателя или в ином качестве.

Угрозу стабильности государства и общества несет преступность, возможный рост правонарушений. В современных условиях потенциал предупреждения преступлений и иных правонарушений усиливается за счет использования информационных технологий. Они способствуют также раскрытию правонарушений за счет технологий, позволяющих идентифицировать личность. Под цифровой идентификацией понимается набор технологий и индивидуальных устройств, позволяющих верифицировать личность по биометрическим данным (отпечаткам пальцев, скану лица, сетчатке глаза), цифровым паспортам или ID-картам, паролям, QR-кодам и PIN-кодам. Многие люди используют биометрические данные для совершения банковских операций, оплаты покупок с использованием смартфона и т.д. Разработаны и действуют алгоритмы глубокого обучения и устройства, позволяющие быстро собирать и обрабатывать биометрические данные [6]. Конечно, такие устройства крайне полезны и помогут, например, правоохранительным органам при поиске и установлении лица, подозреваемого в совершении преступления. Однако возникают вопросы: где будут храниться эти данные и какова вероятность того, что не произойдет их утечки, а также не воспользуются ли этими данными в незаконных целях лица, обладающие в силу занимаемого положения доступом к ним?

По мере развития технологий, программных продуктов, различных приложений для профессиональных компьютеров, смартфонов, умных часов и других гаджетов цифровая идентификация личности постепенно воспринимается сознанием людей. Граждане привыкают получать услуги в цифровом формате и использовать при этом для подтверждения своей личности биометрические, а также иные формы цифровой идентификации.

Потенциал информационных технологий значим для применения на практике с целью предупреждений правонарушений. Благодаря им становится более эффективным труд сотрудников правоохранительных органов. Например, автоматизирован процесс фиксации нарушения скоростного режима. К сожалению, в Республике

Беларусь в настоящее время с помощью специальных технических средств фиксируется лишь нарушение скоростного режима.

Можно было бы положения белорусского административно-деликтного и процессуально-исполнительного законодательства развивать в этом отношении дальше: фиксировать управление автомобилем водителем, не будучи пристегнутым ремнем безопасности, парковку в нарушение запрещающего знака или на зеленой зоне и др. В соседних с Республикой Беларусь странах, например в России, такая фиксация осуществляется. Данный положительный опыт мог бы использоваться и в Беларуси.

Крайне важно отметить, что помимо положительных аспектов цифровой идентификации, одним из которых является удобство в использовании, существуют и отрицательные. Так, например, цифровая идентификация без надлежащего контроля может быть использована во вред системными администраторами, независимо от того, на частную или государственную организацию (включая органы власти) они работают, поскольку получают не только доступ к массивному объему персональных данных, но и контроль над ними. Люди обоснованно опасаются рисков, связанных с кражей своих персональных данных.

Для минимизации указанных опасений необходимо проводить научные исследования в направлении определения содержания цифровой идентификации. Это имеет важное практическое значение. Вопрос о цифровой идентификации личности является предметом изучения многих ученых и практикующих юристов, а также представителей иных сфер деятельности. Однозначного ответа на данный вопрос в настоящее время в науке не дано. Согласно некоторым из таких определений под цифровой идентификацией личности понимается созданная для отождествления человека с самим собой при обращении в органы государственной власти любого уровня система, в которой характеризующей личность информации сопоставлен генерируемый по определенному алгоритму и в соответствии с международными стандартами абсолютно уникальный системный номер, который в зашифрованном виде несет конфиденциальную информацию о человеке [7].

В условиях широкого внедрения цифровых технологий в общественные отношения со всей остротой встает проблема определения баланса частных и публичных отношений, прежде всего права на частную жизнь и обеспечение общественных интересов.

Таким образом, в сфере правового регулирования социально-экономических отношений еще остаются нерешенные вопросы. Одним из важных вопросов, который всегда возникает: во имя какой цели вводится изменение в действующую систему органов управления. Это предполагает возрастание ответственности за прогноз последствий принятия акта, его эффективную реализацию. Государственное управление осуществляется посредством деятельности государственных органов и должностных лиц. Важна системная и слаженная работа всех органов государственной власти. Именно социальный характер государства определяет необходимость поиска оптимальных решений. Следует уделить внимание структуре занятости, оптимизации не только в госаппарате, но и на производстве в плане соотношения управленцев и тех, кто занят производством, непосредственно оказанием услуг. Экономия полученных средств надо использовать на развитие здравоохранения, науки, социальную сферу, а также частично на повышение заработной платы в сфере управления.

Сейчас в доктрине в целом сформировался консенсус о признании большой роли информационных технологий для усиления потенциала государственного управления, обеспечения более эффективной связи граждан и государства, оперативности принятия решений.

Список литературы

1. Правовое регулирование в кризисных ситуациях / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М. : Проспект, 2022. 280 с.
2. Добрынин Н. М., Митин А. Н. Дискурс о проблемах эффективности государственного управления // Государство и право, 2014. № 2. С. 15–22.
3. Швери Р. Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм // Вопросы экономики. 1997. № 7. С. 35–51.
4. Василевич Г. А. Оптимизация отношений между государством и гражданином – важнейший фактор повышения эффективности управления // Проблемы управления : Научно-практический журнал (Минск). 2011. № 4. С. 17–23.
5. Петрович М. В. Сущность и приоритеты экономики современного управления // Проблемы управления : Научно-практический журнал (Минск). 2014. № 3. С. 59–67.
6. Цифровая идентификация: снижаем риски, повышаем безопасность. URL: <https://kiosks.ru/index.php/cifrovaya-identifikaciya-snizhaem-riski-povyshaem-bezopasnost/> (дата обращения: 22.10.2022).
7. Цифровая идентификация личности без прикрас. URL: <http://www.kongord.ru/Index/Articles/PINasis> (дата обращения: 22.10.2022).

References

1. Tikhomirov Yu. A. (ed.) *Pravovoe regulirovanie v krizisnykh situatsiyakh* [Legal regulation in crisis situations]. Moscow, Prospect, 2022. 280 p. (in Russian).
2. Dobrynin N. M., Mitin A. N. Discourse on the problems of public administration efficiency. *State and Law*, 2014, no. 2, pp. 15–22 (in Russian).
3. Schveri R. The theory of rational choice: Universal means or economic imperialism. *Voprosy Ekonomiki*, 1997, no. 7, pp. 35–51 (in Russian).
4. Vasilevich G. A. Optimization of relations between the state and the citizen – the most important factor to improve management efficiency. *Problemy upravleniya: Nauchno-prakticheskiy zhurnal (Minsk)* [Management Problems: Scientific and Practical Journal (Minsk)], 2011, no. 4, pp. 17–23 (in Russian).
5. Petrovich M. V. The essence and priorities of the economy of modern management. *Problemy upravleniya: Nauchno-prakticheskiy zhurnal (Minsk)* [Management Problems: Scientific and Practical Journal (Minsk)], 2014, no. 3, pp. 59–67 (in Russian).
6. *Tsifrovaya identifikatsiya: snizhaem riski, povyshaem bezopasnost'* (Digital Identification: Reducing risks, increasing security). Available at: <https://kiosks.ru/index.php/cifrovaya-identifikaciya-snizhaem-riski-povyshaem-bezopasnost/> (accessed October 22, 2022) (in Russian).
7. *Tsifrovaya identifikatsiya lichnosti bez prikras* (Digital identification without prettiness). Available at: <http://www.kongord.ru/Index/Articles/PINasis> (accessed October 22, 2022) (in Russian).

Поступила в редакцию 25.12.2022; одобрена после рецензирования 15.01.2023; принята к публикации 15.02.2023
The article was submitted 25.12.2022; approved after reviewing 15.01.2023; accepted for publication 15.02.2023

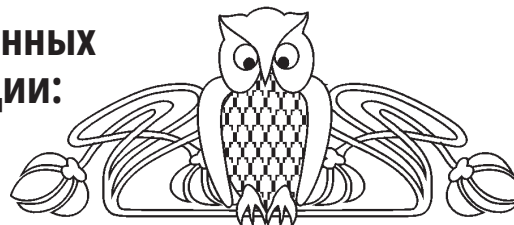

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 219–226
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 219–226
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-219-226>, EDN: TQQLRW

Научная статья
УДК 340

Право и социозкосистема малочисленных народов Севера Российской Федерации: теоретико-правовой анализ соотношения социальных явлений

С. В. Стрыгина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Стрыгина Светлана Владимировна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, naukasvet@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0786-9385>

Аннотация. Введение. Достижения научно-технического прогресса обязывают человечество к осторожному их внедрению в существующие социозкосистемы, что особенно важно по отношению к социально уязвимым общностям малочисленных коренных народов Севера России. Возможность их выживания в настоящее время представляет важную теоретическую проблему. **Теоретический анализ.** Исследуется взаимосвязь социальных и природных основ, обосновывается значение юридической антропологии в сохранении эколого-социальной системы народов Севера. Традиционное природопользование рассматривается как особый тип отношений между людьми и природой, что ставит задачу совершенствования нормативного регулирования для поддержания социоприродного единства. **Эмпирический анализ.** Подвергаются анализу пробелы и коллизии правового регулирования в сфере сохранения традиционных основ жизнедеятельности, которые могут привести к исчезновению самобытности малочисленных народов и нивелировке их культур. Подчеркивается значение сохранения промыслово-оленоводческого хозяйства, развития малого предпринимательства с учетом исторических основ. **Результаты.** Внедрение новых технологий в жизнь социозкосистем малых народов неизбежно приводит к изменению жизнедеятельности, что влечет за собой трансформацию моральных ценностей. Чтобы самобытность народов Севера не погибла, должна проявиться роль права как эффективного охранительного механизма. Предлагается внедрить культурно-антропологическую экспертизу нормативных актов, затрагивающих традиционные сферы отношений как федерального, так и регионального уровня.

Ключевые слова: нормативное регулирование, социозкосистемы, народы Севера, кочевая семья, оленеводство, менталитет

Для цитирования: Стрыгина С. В. Право и социозкосистема малочисленных народов Севера Российской Федерации: теоретико-правовой анализ соотношения социальных явлений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 219–226. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-219-226>, EDN: TQQLRW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Law and socioecosystem of small-numbered peoples of the North of the Russian Federation: Theoretical and legal analysis of the correlation of social phenomena

S. V. Strygina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Svetlana V. Strygina, naukasvet@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0786-9385>

Abstract. Introduction. Achievements of scientific and technological progress oblige humanity to carefully introduce them into existing socioecosystems, which is especially important in relation to socially vulnerable communities of indigenous small-numbered peoples of the North of Russia. The possibility of their survival is currently an important theoretical problem. **Theoretical analysis.** The interrelation of social and natural foundations is investigated, the importance of legal anthropology in the preservation of the ecological and social system of the peoples of the North is substantiated. Traditional nature management is considered as a special type of relationship between people and nature, which poses the task of improving regulatory regulation in order to maintain socio-natural unity. **Empirical analysis.** The author analyzes the gaps and conflicts of legal regulation in the field of preserving the traditional foundations of life, which can lead to the disappearance of the identity of small-numbered peoples and the leveling of their cultures. **Results.** The introduction of new technologies into the life of the social ecosystems of small nations inevitably leads to a change in life activity, which leads to the transformation of moral values and the emergence of new ideas. In order for the identity of the peoples of the North not to perish, the role of law as an effective protective mechanism

must manifest itself. It is noted that it is necessary to conduct a cultural and anthropological examination of normative acts affecting the traditional spheres of relations at both federal and regional levels for their compliance with the spiritual and moral values of the peoples.

Keywords: normative regulation, socioecosystems, peoples of the North, nomadic family, reindeer herding, mentality

For citation: Strygina S. V. Law and socioecosystem of small-numbered peoples of the North of the Russian Federation: Theoretical and legal analysis of the correlation of social phenomena. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 219–226 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-219-226>, EDN: TQQLRW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Достижения научно-технического прогресса выступают той силой, которая способствует развитию экономики страны и решению социальных задач повышения благосостояния общества. Она создает условия для всестороннего развития человеческого потенциала, меняет формы взаимосвязей участников производства. В то же время это обязывает человечество к осторожному их внедрению в существующие социоэкологические системы, куда относятся социальное взаимодействие людей и природы, а также людей между собой. Наиболее характерные социоэкологические системы – у народов Крайнего Севера, где сохранились существующие многие века традиции жизнедеятельности, уходящие к истокам цивилизации, и где природопользование представляет собой социокультурный процесс.

Понятие социальных экологических систем было экстраполировано на человеческое общество из биологии (где под этим понимается взаимодействие организмов друг с другом), поскольку на современном этапе развития науки пришло осознание, что оно имеет широкое значение, включающее взаимосвязанные биологическую и социальную составляющие.

Применительно к обществу эта теория о том, что в социуме имеются тесные связи между различными его элементами, существование, развитие и жизнеобеспечение которых связаны как с природными (антропологическими) началами человека, так и с уровнем устойчивости развития общества. Придавая огромное значение последнему компоненту, в 2015 г. на саммите ООН были разработаны семнадцать целей устойчивого развития для преобразования мира [1]. Как правило, в этом документе обращают внимание чаще всего на экологическую составляющую, связанную с охраной окружающей среды, но, не отрицая ее огромного значения, нужно добавить, что изложенная концепция предполагает несколько составных частей, где в содержание десятой цели входит поддержка коренных народов, отнесенных к социально уязвимым группам населения.

Это означает, что возникла потребность в антропологическом подходе к процессам жиз-

недеятельности и развития человеческой популяции как саморегулирующейся социальной системе, имеющей сходство с взаимосвязанными и взаимообусловленными процессами, происходящими в природной среде.

О значении реализации именно такой концепции писал А. С. Шестерюк, подчеркивая актуальность более глубокого изучения самого человека, «закономерностей его поведения в условиях обостряющегося экологического кризиса, его взаимоотношений с природой и обществом» [2, с. 10].

Теоретический анализ

В ходе развития человечества появилась новая подсистема «общество – природа», где взаимодействие имеет двусторонний характер – приводит к изменению как природных, так и человеческих ресурсов. В какой мере это будет отвечать устойчивому развитию мира, зависит от всех уровней социоэкологической системы: общества, государства, регионов. При этом самобытный образ жизнедеятельности малочисленных народов Севера относится к региональной экосистеме, которая, в свою очередь, состоит из микросистем каждого этноса и нации.

Однако следует подчеркнуть, что в системе «общество – природа» правовые составляющие, уделяющие внимание особенностям развития нации, имеют определяющее значение, хотя их роль именно в этом направлении мало анализируется. Стимулирование обычного и национального права – элемент федерализации правовой системы России. Поэтому закономерно, что и право, и законодательство «должны отличаться большим удельным весом обычного, национально-традиционного сакрального элемента правового регулирования», – пишет В. Н. Синюков [3, с. 393].

Подобная роль правовых начал соответствует задаче сбережения народа России, поставленной перед нашей страной в качестве приоритетного направления культурного и гуманитарного развития, а также как основы экономического процветания при условии сохранения исторического наследия. Об этом говорится в последних изменениях Основ государственной культурной политики, внесенных Указом Президента РФ № 35 от 25 января 2023 г. [4].

Общество и природа – это единая взаимосвязанная динамическая система, где с изменением одной части происходит изменение другой, обеспечивая ее равновесие и целостность. Ш. Монтескье в своих работах писал, что правовой порядок в том или ином обществе определяется не только интересами людей, но и такими данными, как климат, характер местности, плотность населения и другими социологическими характеристиками [5].

«Для достижения стратегических целей устойчивого развития общество и природная среда должны составить принципиально новую систему социоприродного единства», – совершенно верно пишет Т. В. Наумова [6, с. 699].

Человек на подсознательном уровне испытывает потребность в самоидентификации в национальных корнях, содержащихся в историко-моральных ценностях, передающихся из поколения в поколение, что особенно проявляется у народов Севера в силу постоянного многовекового нахождения в экстремальных условиях, где сложилась определенная форма осознания окружающего мира. Их жизненный уклад представляет элемент природной среды именно в месте традиционного проживания, поэтому любые ее кардинальные преобразования могут привести к вымиранию коренного народа.

Данные факторы констатируют нуждаемость в учете имеющихся особенностей, порожденных экстремальными природными условиями, в процессе федерального и регионального нормотворчества для обеспечения специальной государственной поддержки коренных народов. Они должны быть положены в основу формирования нормативной базы создания механизма, гарантирующего реальное воплощение конституционных прав на сохранение традиционного образа жизни.

Принципиальное значение имеет изучение обычного права коренных народов, правовых форм их существования, их связи с культурой и историей. Это позволит «обеспечить стабильность и правопорядок без специальных институтов принуждения со стороны государства» [7, с. 8].

Федеральное законодательство к народам Севера относит народы численностью менее 50 тысяч человек, которые проживают на территориях традиционного расселения своих предков в северных районах России, а также в Сибири и на российском Дальнем Востоке. Их особенность в том, что они сохраняют традиционный образ жизни и осознают себя самостоятельными этническими общностями.

Исторический опыт коренных народов свидетельствует о том, что традиционные формы природопользования помогают сберечь природу Севера. Поэтому необходимо создание реальных правовых методов для адаптации коренных народов к новым условиям так, чтобы это отвечало интересам государства и всего общества.

Эмпирический анализ

Традиционные формы природопользования – основа жизни северян, где главным является оленеводство. Оно представляет отрасль сельского хозяйства, построенную по типу традиционного жизнеобеспечения и являющуюся этнокультурным наследием, без которого немислима жизнедеятельность указанных народов, поскольку это не только образ жизни, но часто единственный источник существования и благополучия семьи. Это также культурно-хозяйственный комплекс, образованный исторически сложившимся в данной местности населением, где сохраняются свои традиции и обычаи. Для коренных малочисленных этносов такое занятие составляет материальную и культурную базу сохранения малых народностей, и если произойдет его замена на вахтовый способ, то коренные народы могут утратить свою идентичность.

Современный уровень развития экономики и права говорит об актуальности задач развития предпринимательства в оленеводческой отрасли, имеющей статус малого семейного бизнеса кочевников на Крайнем Севере, что требует особой поддержки как на региональном, так и федеральном уровнях. Но имеющееся нормативное федеральное регулирование льгот для предпринимателей не отражает специфику особых регионов, имея одинаковые условия для всех бизнесменов страны, поэтому требуется выделение в федеральном законодательстве специальных разделов по поддержке предпринимателей в экстремальных климатических зонах.

Совет Федерации совместно с предпринимателями и экспертами разработали проект «Стратегии развития северного оленеводства Российской Федерации на период до 2030 года», который предусматривает управление северным оленеводством на федеральном уровне, преодоление неравномерного распределения поголовья оленей, негативно сказывающегося на природе, поскольку в случае превышения существующей нормы уничтожается тундра. Но несогласованность положений между заинтересованными сторонами не дает возможности его принять, хотя этот документ жизненно необходим в решении многих вопросов.

Коллизии и пробелы в нормативных актах, регулирующих традиционные промыслы в районах экстремального проживания, приводят к ликвидации едва зародившегося бизнеса на Крайнем Севере и в районах, приравненных к нему. К примеру, на основании принятого нормативного акта в 2019 г. предпринимателей-оленьеводов Интинского района Республики Коми обязали платить за вывоз бытовых отходов по месту их регистрации, хотя олени большее время года находятся на выпасе.

Актуальной как для отрасли в целом, так и для населения становится проблема истощения оленьих пастбищ вследствие «перевыпаса» крупных стад домашних оленей. Имеется попытка решить ее на региональном уровне Правительством Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО): распоряжением его губернатора предусматриваются меры по переводу выпаса оленей с тундрового на таежное оленеводство и изгородное содержание животных [8, с. 84].

Защита прав коренных малочисленных народов – конституционный принцип, содержащийся в ст. 69 Основного закона страны, который гарантирует их в соответствии с международными нормами права и общепринятыми принципами [9]. Конституция РФ наделяет субъекты Российской Федерации правом принимать свое законодательство в установленных пределах с учетом особенностей региона, что диктует необходимость ответственного подхода к правотворческому процессу.

Но следует отметить, что принятые в ЯНАО документы вступают в противоречие с Земельным и Лесным кодексами, которые не содержат норм о бессрочном пользовании землей. К тому же участок в аренду предоставляется в порядке аукциона, что лишает стимула перевода оленей в таежное оленеводство, поскольку практически меняет принципы традиционного уклада жизни. Подобные коллизии в праве порождают препятствия для реализации традиционного метода добычи объектов животного мира, пользования природными ресурсами, приводят к разрушению образа жизни и традиций, всей социоэкосистемы, так как имеют иную форму организации труда, не типичные для тундрового оленеводства приемы и методы.

Вопросы рационального использования ресурсов Севера нельзя решить принятием лишь региональных нормативных актов, необходим интегративный подход, включающий пересмотр законодательства страны, учет психологических факторов коренных жителей, подготовку населения к иным формам организации труда, которые позволят улучшить их благосостояние. Развитие

традиционных форм на новом уровне, с учетом рыночной экономики, надлежит осуществлять с соблюдением разработки законодательства на основе научных исследований, обсуждения в общественных объединениях по защите прав меньшинств.

Нововведения в оленеводство следует проводить с учетом интересов национальных общин, доводя до их сведения содержание новаций (которые не всегда бывают им понятны, имеют коллизии и пробелы), чтобы не подвергнуть его уничтожению. В противном случае имеется риск потерять нацию.

Уполномоченный по правам коренных малочисленных народов в Красноярском крае установил, что наблюдается кризисное положение семей оленеводов, которое заставляет их оставлять стада и заниматься промыслом по поиску бивней мамонтов, происходящее в силу неэффективности правового регулирования и правоприменения в регионе [10].

Оленеводческое хозяйство, считает С. Е. Сэрпиво, следует рассматривать «как системообразующий стержень традиционной культуры», который определяет и обеспечивает его жизнь и функционирование составляющих его элементов [11, с. 3].

До сих пор не урегулированы земельные вопросы, связанные с приватизацией земли. Оленеводу нужно примерно 300 га земли в год для того, чтобы прокормить одного оленя. Но в настоящее время в Якутии представители коренных малочисленных народов могут приватизировать только землю, находящуюся под зданиями и сооружениями, которые у кочевого народа отсутствуют. Такие пробелы в законодательстве препятствуют ведению традиционной хозяйственной деятельности и разрушают традиционные связи «природа – общество».

Стоит отметить, что Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» закрепляет понятие традиционного образа жизни, в основе которого заложено историческое прошлое предков [12]. В свою очередь, этот же принцип находит свое подтверждение в других нормативных актах. Например, ст. 395 Налогового кодекса РФ включает в перечень льготных налогоплательщиков, освобождающихся от налогообложения, лиц, которые относятся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, при условии использования земельного участка для сохранения хозяйствования и промыслов, а также развития традиционного образа жизни [13].

В южных и северо-западных районах Якутии проблемы заключаются в противоречии ин-

тересов между сельхозкооперативами, которые организовали оленеводы, и промышленными компаниями, производящими добычу полезных ископаемых. Поскольку нормативными актами не предусмотрено предоставление земельных участков добывающим компаниям со стороны общин, то таковые предоставляются «по договоренности», что не защищает интересы коренного населения. Кроме того, подобные действия могут привести к массовому переходу жителей в холдинги и резкой ликвидации традиционного образа жизни, следствием чего станет разрушение опыта многих поколений, хранящих особые отношения с природной средой,

Нарушение многовекового образа жизни многих поколений, когда взаимосвязь «человек – природа» включена в повседневную жизнь и систему воспитания, ведет к внутреннему конфликту человека, поскольку разрушает его привычный мир.

Следовательно, нормативное регулирование должно выстраиваться с учетом исторически сложившихся взглядов и предпочтений на право у общностей малых народов. Нельзя игнорировать менталитет в правовом регулировании, где присутствуют устойчивые взгляды и предпочтения, соответствующие культурно-историческому опыту взаимоотношений «природа – общество – человек».

С традиционным природопользованием, занятием оленеводством тесно связан такой уникальный социальный институт, входящий в социозкосистему, как кочевая семья. Мало где сохранившаяся в мире, она выступает хранителем родовых традиций и обычаев, методов воспитания, формирования личности. У народов Севера она играет огромную роль в системе межпоколенческих отношений кочевых народов.

Кочевую семью по праву можно отнести к объектам нематериального культурного наследия, что подтверждается новой редакцией «Основ государственной культурной политики». В этом документе к таким объектам отнесены в том числе традиции, обычаи, верования, а также традиционные уклады жизни и «представления об устройстве мира народов, народностей, этнических групп» [4].

Ученые считают, что семья – это «сложный комплекс весьма тонких и деликатных отношений – социально-биологических, хозяйственно-бытовых, правовых, духовных, нравственно-психологических и других» [14, с. 118].

Семьи оленеводов кочуют по тундре и тайге на значительном расстоянии от стационарных поселений, переходя с места на место со своим жильем и имуществом. Этот самобытный со-

циальный институт нуждается в эффективном правовом регулировании как на федеральном, так и на региональном уровнях. Среди субъектов РФ, территории которых входят в Арктическую зону РФ, закон «О кочевой семье», определивший ее официальный статус, принят только в Республике Саха (Якутия) в 2016 г. [15]. Он присваивается семьям, перемещающимся в течение календарного года по местам кочевий и оленьих пастбищ, осуществляющим традиционную хозяйственную деятельность и занимающимся традиционными промыслами.

Но принятие одного регионального закона не решит проблемы всех семей Севера, решение этого вопроса нуждается в регулировании на федеральном уровне, принятии федерального закона о кочевой семье, чтобы обеспечить поддержку социальным связям населения, укреплению традиционных семейных уз, сохранить численность и национальную идентичность малых народов.

Нужно сказать, что в советское время такое понятие, как «кочевая семья», нигде не было закреплено, поскольку это противоречило существовавшей идеологии. Как социальный институт она была разрушена (как и право детей кочевников на воспитание в семье), что противоречило антропологическим началам человека.

Вместе с тем нормативное регулирование, будучи социальным инструментом управления общественных отношений, должно способствовать существованию системы «человек – природа», где показатель его эффективности – удовлетворение жизнеобеспечения семьи коренных малочисленных народов Севера в естественно-природных условиях.

Существующее до 2016 г. законодательство нарушало права кочевых народов, запрещая им усыновлять (удочерять) детей, даже если они имеют родство с ними. Аргументация заключалась в отсутствии постоянного жилого помещения, поскольку кочевой образ жизни предполагает проживание в чуме, который к таковым не относится. Внесенные изменения в федеральное гражданское и семейное законодательство ликвидировали дискриминационную, противоречащую Конституции РФ норму. Норма, обязывающая предоставлять документы о праве пользования жилым помещением (или собственности на него) была отменена.

В 2018 г. проходила экспедиция по исследованию «кочевой семьи», члены которой проживают в тундре. Ее итоги показали, что у коренных жителей Севера имеется несколько представлений о ее модели, к которым относятся: община как семья; расширенная семья

(кочевая семья, состоящая из многочисленных родственников); нуклеарная семья (папа, мама, дети, бабушки, дедушки). При этом оленеводы, ведущие традиционный образ жизни, не указывают ее состав, так как он может меняться в зависимости от разных обстоятельств, но в большинстве своем ими подразумевается нуклеарный тип семьи. Наиболее распространенным при этом является расширенное понимание семейных отношений, считают исследователи, подразумевающее отношение близких и дальних родственников – кровных и в результате заключенного брака [16].

Жан-Жак Руссо считал, что законодатель должен предусмотреть «все, чего требуют условия местности, климата, почвы, нравов, соседства и все внутренние отношения в народе, которому он должен был дать установления» [17, с. 163].

Результаты

Социоэкологический подход означает объединение в одно целое ценности кочевого образа жизни, территориальной и социально-этнической самоорганизации, отношений с природой. Необходимыми условиями этого процесса является обеспечение оптимального нормативного регулирования в целях выживания малочисленных народов Севера в ходе социально-исторического процесса развития человечества. Это ставит задачу реализации антропологического подхода в праве, позволяющего обращать внимание на изучение правовых форм и условий жизнедеятельности человека, где особый интерес представляют традиционные формы и обычное право. У этих народов форма осознания окружающего мира заключается в признании равнозначности составляющих: природа – общество – человек, где присутствует как уровень индивидуального, так и глубинный уровень коллективного. К ценностям национальных атрибутов они относят неразрывное сочетание родной земли и нации, что отражает приверженность к территории обитания.

Внедрение новых технологий в жизнь социоэкологических малых народов неизбежно приводит к изменению моральных ценностей, формированию новых представлений о своем образе жизни, а значит, и своем месте в мире. Потеря ценностных представлений, связанных с природным началом, их нивелировка может привести к разрушению «охранительных жизненных рамок» существования, кризису мировоззрения, а следовательно, к негативным последствиям как для отдельного человека, так и для общности. Массовое вливание чуждых элементов мо-

жет изменить этническую структуру, что обусловит возникновение другого общества, считает З. И. Сидоркина [18].

Чтобы самобытность народов Севера не погибла и не растворилась, должна проявиться роль права как эффективного охранительного механизма на основе принципов цивилизации и культуры, учитывающего совокупность всех видов социальных отношений членов общества, в том числе природных истоков народа. Как считает Толкотт Парсонс: «Находясь в зоне взаимопроникновения между системой воспроизводства образца и социальным сообществом, конституционный элемент очерчивает нормативные рамки управления социальными отношениями в целом» [19].

Во взаимодействии природы и общества нормативное регулирование должно иметь комплексный подход с учетом социокультурных, ментальных и других исторических особенностей народа. Это требует выработки юридического механизма обеспечения соотношения этнических норм с федеральным и региональным законодательством, способствующего защите национальных меньшинств и одновременно соблюдению интересов государства в целом. Для этого необходимо проведение культурно-антропологической экспертизы нормативных актов, затрагивающих традиционные сферы отношений как федерального, так и регионального уровня на предмет их соответствия духовно-нравственным ценностям народов. Субъектом такой экспертизы может стать, с нашей точки зрения, Управление государственной политики в сфере межнациональных отношений Федерального агентства по делам национальностей России (с привлечением представителей Ассоциации коренных малочисленных народов страны), в обязанности которого входит обеспечение реализации стратегии государственной политики в области национальных отношений и этнокультурного развития народов России. Принятые ими заключения будут носить рекомендательный характер, но они должны быть подвергнуты рассмотрению, по итогам которых (в случае несогласия с ними) обязательно принимается соответствующий документ с подробной аргументацией.

Выработка юридических средств предполагает учет как исторического опыта взаимодействия коренных народов Севера с природной средой, так и современных экологических требований.

Устойчивость развития общества зависит от роли права, которое призвано создавать условия для саморазвития и самореализации человека с учетом социокультурных, исторических исто-

ков существования, его взаимодействия со всей природной окружающей средой. Особенно это необходимо в социозэкосистемах малочисленных народов Севера. Если формальные нормы не согласуются с неформальными социальными нормами человеческой жизнедеятельности, они не будут в достаточной степени функционировать.

Список литературы

1. Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 20.01.2023).
2. Шестерюк А. С. Экологическое право (Проблемы методологии) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. 257 с.
3. Синюков В. Н. Российская правовая система. М. : Норма, 2010. 674 с.
4. О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации № 808 от 24 декабря 2014 г. : указ Президента РФ № 35 от 25.01.2023. URL: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-25012023-n-35-o-vnesenii/> (дата обращения: 20.01.2023).
5. Монтескье Ш. Л. О духе законов. Книга четырнадцатая. О законах в их отношении к свойствам климата / пер. А. Г. Горнфельд. URL: http://az.lib.ru/m/monteskxe_s/text_1748_de_1_esprit_des_lois.shtml (дата обращения: 20.01.2023).
6. Наумова Т. В. Глобальная социозэкосистема в контексте концепции управления рисками // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 11 (ч. 5). С. 699–700.
7. Агафонова Е. А. Юридическая антропология: концептуальные идеи и принципы : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. 146 с.
8. Зуев С. М., Деттер Г. Ф., Филант К. Г. О развитии изгородного северного оленеводства в Ямало-Ненецком автономном округе // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2018. Вып. 3 (100). С. 83–88.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
10. Доклад о проблемах реализации конституционных прав и свобод коренных малочисленных народов на территории Красноярского края в 2021 году. URL: https://www.ombudsmankk.ru/media/Upolnomochennuj_Sever.pdf (дата обращения: 19.01.2023).
11. Сэрпиво С. Е. Женское пространство в культуре ненцев. СПб. : Историческая иллюстрация, 2016. 142 с.
12. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : федер. закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 13 июля 2020 г. № 194-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 18, ст. 2208.
13. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть 2 от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.12.2022 г.). // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 32, ст. 3340.
14. Жиркова З. С. Семейно-родовое просвещение, образование, воспитание в системе межпоколенческих отношений кочевых народов // Педагогический журнал. 2017. Т. 7, № 3А. С. 115–122.
15. О кочевой семье : закон Республики Саха (Якутия) от 15.06.2016 1660-3 № 963-V (с изм. и доп. от 30.05.2017). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205280007> (дата обращения: 23.01.2023).
16. Государственное Собрание (ИЛ ТУМЭН) Республики Саха (Якутия). Круглый стол, посвященный вопросам кочевой семьи и оленеводства. URL: <https://iltumen.ru/news/21450> (дата обращения: 23.01.2023).
17. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М. : КАНОН-пресс, 1998. 416 с.
18. Сидоркина З. И. Территориальная организация и социальная самоорганизация населения в макрорегионе: Дальний Восток России : дис. ... д-ра геогр. наук. Пермь, 2013. 365 с.
19. Парсонс Т. Системы действия и социальные системы. URL: https://sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/parsons_modern_soc_systems.ht (дата обращения: 22.01.2023).

References

1. *Goals in the field of sustainable development*. Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (accessed January 20, 2023) (in Russian).
2. Shesteryuk A. S. *Environmental law (Problems of methodology)*. Diss. Dr. Sci. (Jur.). St. Petersburg, 2000. 257 p. (in Russian).
3. Sinyukov V. N. *Rossiyskaya pravovaya sistema* [Russian legal system]. Moscow, Norma, 2010. 674 p. (in Russian).
4. *On amendments to the Fundamentals of State Cultural Policy, approved by Decree of the President of the Russian Federation no. 808 of December 24, 2014*. Decree of the President of the Russian Federation no. 35 of January 25, 2023. Available at: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-25012023-n-35-o-vnesenii/> (accessed January 20, 2023) (in Russian).
5. Montesquieu Sh. L. *O dukhe zakonov. Kniga chetyrnadtsataya. O zakonakh v ikh otnoshenii k svoystvam klimata* (On the Spirit of the Laws. Book Fourteen. On the laws in their relation to the properties of the climate). Available at: http://az.lib.ru/m/monteskxe_s/text_1748_de_1_esprit_des_lois.shtml (accessed January 20, 2023) (in Russian).

6. Naumova T. V. The global social ecosystem in the context of the concept of risk management. *International Journal of Experimental Education*, 2015, no. 11 (pt. 5), pp. 699–700 (in Russian).
7. Agafonova E. A. *Legal anthropology: Conceptual ideas and principles*. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Rostov-on-Don, 2009. 146 p. (in Russian).
8. Zuev S. M., Detter G. F., Philant K. G. Development of reindeer fencing in the Yamal-Nenets Autonomous District. *Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District*, 2018, iss. 3 (100), pp. 83–88 (in Russian).
9. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of December 12, 1993) (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of February 5, 2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of July 21, 2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of March 14, 2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).
10. *Report on the problems of implementing the constitutional rights and freedoms of indigenous peoples in the Krasnoyarsk Krai in 2021*. Available at: https://www.ombudsmankk.ru/media/Upolnomochennyj_Sever.pdf (accessed January 19, 2023) (in Russian).
11. Serpivo S. E. *Zhenskoe prostranstvo v kul'ture nentsev* [Women's space in the culture of the Nenets]. St. Petersburg, Istoricheskaya illiustratsiya, 2016. 142 p. (in Russian).
12. On Guarantees of the Rights of Indigenous Minorities of the Russian Federation. Federal Law 82-FZ of April 30, 1999 (an edition of July 13, 2020 no. 194-FZ). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1999, no. 18, art. 2208 (in Russian).
13. Tax Code of the Russian Federation Part 2 (TC RF) 117-FZ of August 5, 2000 (an edition of December 28, 2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2000, no. 32, art. 3340 (in Russian).
14. Zhirkova Z. S. Family-generic education in the system of intergenerational relations of nomadic peoples. *Pedagogical Journal*, 2017, vol. 7, iss. 3A, pp. 115–122 (in Russian).
15. *On a nomadic family. Law of the Republic of Sakha (Yakutia) 1660-3 no. 963-V of June 15, 2016*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205280007> (accessed January 23, 2023) (in Russian).
16. *State Assembly (IL TUMEN) of the Republic of Sakha (Yakutia). A round table dedicated to the issues of the nomadic family and reindeer herding*. Available at: <https://iltumen.ru/news/21450> (accessed January 23, 2023) (in Russian).
17. Rousseau J.-J. *Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty* [About the social contract. Treatises]. Moscow, KANONpress, 1998. 416 p. (in Russian).
18. Sidorkina Z. I. *Territorial organization and social self-organization of the population in the macroregion: The Far East of Russia*. Dis. Dr. Sci. (Geogr). Perm, 2013. 365 p. (in Russian).
19. Parsons T. *Sistemy deystviya i sotsial'nye sistemy* (Action systems and social systems). Available at: https://sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/parsons_modern_soc_systems.ht (accessed January 22, 2023) (in Russian).

Поступила в редакцию 28.01.2023; одобрена после рецензирования 13.02.2023; принята к публикации 15.02.2023
The article was submitted 28.01.2023; approved after reviewing 13.02.2023; accepted for publication 15.02.2023

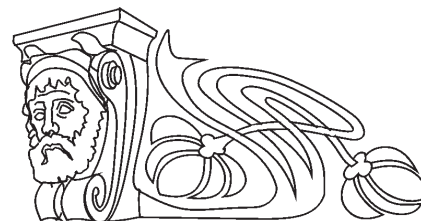

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 227–234
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 227–234
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-227-234>, EDN: UADMJX

Научная статья
УДК 342.7(470+57)

Векторы развития конституционной защиты прав человека в связи с прогрессом геномики

А. В. Басова

Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112
Басова Алла Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения (с курсами право-ведения и истории медицины), allsar@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9155-5957>

Аннотация. Введение. В современных условиях стремительного развития геномики, формирования банка данных генетического тестирования российского населения законодательная база, эффективно защищающая права и законные интересы человека, лишь формируется в России. **Теоретический анализ.** Генетическая информация представляет интерес не только для человека, прошедшего генетическое тестирование, но и для членов его семьи, государства при организации персонализированной медицины, работодателей, страховщиков, банкиров. Такая ситуация сопряжена с нарушениями конституционных прав граждан на достоинство личности, на частную жизнь, личную и семейную тайны, на недискриминацию. **Эмпирический анализ.** Выявлены проблемы правового обеспечения конституционных прав граждан в связи с прогрессом геномики в различных сферах: в здравоохранении, семейно-брачных, трудовых, страховых, банковских отношениях, что требует оперативного законодательного регулирования. **Результаты.** Обосновываются векторы развития правовой защиты человека в связи с прогрессом геномики с учетом обсуждения наиболее подходящих вариантов решений в законодательстве зарубежных стран, позволяющих обеспечить справедливый баланс интересов владельца персональной генетической информации и третьих лиц, с максимальной минимизацией потенциальных рисков нарушения конституционных прав.

Ключевые слова: права человека, генетическая информация, геномные исследования, защита прав

Для цитирования: Басова А. В. Векторы развития конституционной защиты прав человека в связи с прогрессом геномики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 227–234. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-227-234>, EDN: UADMJX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Vectors of development of constitutional protection of human rights in connection with the progress of genomics

A. V. Basova

V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachia St., Saratov 410012, Russia

Alla V. Basova, allsar@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9155-5957>

Abstract. Introduction. In modern conditions of rapid development of genomics, the formation of a database of genetic testing of the Russian population, the legislative framework that effectively protects human rights and legitimate interests is only being formed in Russia. **Theoretical analysis.** Genetic information is of interest not only for a person who has undergone genetic testing, but also for his / her family members, the state in the organization of personalized medicine, employers, insurers, bankers. This situation is associated with violations of the constitutional rights of citizens to personal dignity, privacy, personal and family secrets, and non-discrimination. **Empirical analysis.** The problems of legal support of the constitutional rights of citizens in connection with the progress of genomics in various fields are revealed: in healthcare, marital, labor, insurance, banking relations, which requires prompt legislative regulation. **Results.** The vectors of the development of human rights protection in connection with the development of genomics are substantiated, taking into account the discussion of the most appropriate solutions in the legislation of foreign countries, allowing for a fair balance of interests of the owner of personal genetic information and third parties, with maximum minimization of potential risks of violation of constitutional rights.

Keywords: human rights, genetic information, genomic research, protection of rights

For citation: Basova A. V. Vectors of development of constitutional protection of human rights in connection with the progress of genomics. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 227–234 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-227-234>, EDN: UADMJX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Стремительное развитие геномики привело к широкому применению в обществе генетического тестирования в медицинских и потребительских целях, что ставит перед наукой конституционного права новую задачу – обеспечение прав человека в связи с прогрессом геномики [1, с. 129].

Геномика открывает человечеству возможность раннего выявления не только врожденных и наследственных болезней, но и генетической предрасположенности к социально значимым заболеваниям (злокачественным новообразованиям, сахарному диабету, болезням, характеризующимся повышенным артериальным давлением, – гипертонии, инфарктам миокарда, инсультам), наносящим большой ущерб обществу из-за потерь трудоспособности, затрат на лечение, инвалидности и смертности населения. Генетическая информация человека позволяет персонализировать медицину, намного эффективнее лечить заболевания и проводить успешную их профилактику своевременной коррекцией образа жизни человека, его привычек, персональным подходом к его диспансеризации.

Если медицинское генетическое тестирование призвано решить много социально значимых, экономических проблем: выявление и снижение заболеваемости, увеличение продолжительности и качества жизни человека, снижение показателей смертности от наследственных заболеваний, то потребительское генетическое тестирование направлено на удовлетворение личных потребностей человека – выяснение этнической принадлежности, национального и семейного происхождения, родословной, установление родственных связей, выбор увлечений и профессиональной ориентации для себя и своих детей, проведение экспертизы на отцовство и материнство.

Биотехнологии, в том числе геномные исследования, открывают широкие возможности для обеспечения конституционных гарантий – основного права человека на жизнь, достойный уровень жизни, медицинскую помощь, без которых, в свою очередь, невозможно обеспечить высокий уровень качества жизни.

Теоретический анализ

В конституциях зарубежных стран стали закрепляться нормы, гарантирующие доступ каждого к современным научным биотехнологиям с целью обеспечения прав на жизнь и медицинскую помощь. Так, в Конституцию Бразилии в 2015 г. включена 85-я поправка, согласно которой государство обязуется опреде-

лять приоритетные фундаментальные научные исследования с учетом общественной пользы, стимулировать их и применять инновационные технологии в здравоохранении [2].

Однако правовое регулирование применения биотехнологий в здравоохранении существенно отстает от темпов их развития во многих странах, в том числе и в России, что может являться причиной нарушения основополагающих прав человека. Генетическое тестирование в медицинских и потребительских целях приводит к накоплению персонализированной информации о человеке, что требует ее специальной защиты в процессе обработки, хранения, передачи, поскольку ее огласка третьим лицам может привести к стигматизации и дискриминации человека в обществе из-за состояния его здоровья и другим нежелательным иррациональным последствиям.

По этой причине Союзная Конституция Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 г. в ст. 119 гарантирует защиту человека от злоупотребления генными технологиями и обеспечение законодательной защиты человеческого достоинства, личности, семьи при использовании генетического материала [3].

Необходимость внедрения биомедицинских инновационных технологий в здравоохранение с целью обеспечения конституционных прав человека на жизнь и медицинскую помощь очевидна, но государству необходимо своевременно устанавливать законодательные границы вторжения в частную и семейную жизнь человека при выявлении у него или члена его семьи генетической поломки.

Эмпирический анализ

Ученые предполагают, что через несколько ближайших десятилетий геномы всех новорожденных в России будут секвенированы, т. е. считаны с целью изучения в них мутаций. И это вполне вероятно, так как в нашей стране с 2006 г. внедрено обязательное неонатальное геномное исследование новорожденных, в рамках которого производится генетическое тестирование на наличие у них пяти наследственных заболеваний [4]. С января 2023 г. новорожденным, имеющим отягощенный анамнез, генетический скрининг будет расширен до 36 наследственных болезней [5].

Показания к медицинскому генетическому тестированию определены приказами Министерства здравоохранения РФ, однако механизм обработки генетической информации (предоставления, хранения, защиты и утилизации) законодателем не создан, а также не прорабо-

таны вопросы решения конфликтов частных и публичных интересов, вызванных результатами генетического тестирования. Генетическая информация представляет ценность не только для конкретного человека, но и для других членов его семьи, для охраны общественных интересов.

Например, медико-генетическое консультирование при планировании семьи определило у одного из супругов наследственную патологию – шизофрению, передающуюся по наследству. Информировать другого супруга о возможном наследственном заболевании будущего ребенка можно лишь при согласии первого. Медицине известны случаи, когда один из супругов, зная информацию о своем заболевании, не предоставляет ее другому. В этом случае предварительный медицинский скрининг произведен безрезультатно, а высокий риск рождения больного ребенка требует пересмотра права человека на охрану врачебной тайны.

Здесь наблюдается конфликт не только частных, но и публичных интересов, так как инвалидность ребенка приводит не только к эмоционально-социальному бремени родителей, но и к экономическому, которое ложится на государство. Лечение и реабилитация детей с наследственными болезнями требует высоких экономических затрат (236 млн руб. – медицинское обслуживание женщин, родивших больных детей, 2,5 млрд руб. – социальная помощь детям-инвалидам в год), что указывает на необходимость правового усовершенствования профилактики врожденных и наследственных заболеваний [6, с. 5].

Формами такой профилактики являются: скрининг беременных женщин и плода, генетическое тестирование половых клеток доноров, применяемых при медицинском или социальном бесплодии женщин, предимплантационное генетическое тестирование эмбриона. Однако две последние формы профилактики врожденных и наследственных заболеваний не входят в перечень обязательного обследования пациентов [7], что является причиной рождения детей с наследственной патологией при применении вспомогательных репродуктивных технологий, например детей со спинально-мышечной атрофией. Решение задач профилактики врожденных и наследственных заболеваний невозможно без государственного финансового обеспечения.

Вопрос предоставления информации о результатах генетического скрининга беременной женщины супругу также требует законодательного определения. В России врачи информируют о наличии врожденных аномалий (пороков развития), деформаций и хромосомных

нарушений плода беременную женщину, а не семейную пару, поскольку только она решает вопрос о возможном прерывании беременности по медицинским показаниям на основании генетического тестирования и решения консилиума врачей [8].

Поскольку супруг исключен из числа субъектов, подлежащих обязательному информированию о неблагоприятных результатах генетического скрининга беременной супруги или плода, он не может получить точную, полную и непредвзятую информацию о состоянии здоровья будущего ребенка, а также участвовать в принятии решения о сохранении или прерывании беременности, отягощенной наследственным или врожденным заболеванием. Такое правовое регулирование дискриминирует мужчину, поскольку принцип равенства прав и обязанностей родителей в отношении детей, закрепленный в ст. 61 Семейного кодекса РФ, возлагает на них равные обязанности и равную ответственность за развитие и воспитание детей. Они обязаны заботиться об их здоровье, физическом, психическом и нравственном развитии. Охрана врачебной тайны супруги приводит к нарушению конституционных прав мужчины на информацию, охрану семьи и отцовства, ставит его в подчинительное положение от решения женщины воспитывать ребенка-инвалида, что противоречит конституционному принципу справедливости, создавая легальную почву для нарушения баланса конституционных ценностей и умаления прав и законных интересов одного из родителей – отца ребенка.

Генетики разных стран мира призывают применять этический принцип недирективности при неблагоприятном генетическом скрининге плода, т. е. не рекомендовать прерывание беременности женщине, а предоставлять полную и достоверную информацию семье для принятия совместного решения, за исключением тех случаев, когда возможно лечение заболевания [9, с. 79]. Следовательно, право супруга на информирование и участие в принятии решения о сохранении или прерывании беременности при неблагоприятном генетическом скрининге плода должно быть закреплено в законе, что будет соответствовать принципу равенства прав и обязанностей родителей, который предполагает, что все важные вопросы, касающиеся детей, должны быть приняты по взаимному согласию, исходя из приоритета интересов ребенка.

Стоит обратить внимание на то, что в зарубежных странах рожденные с тяжелой наследственной патологией дети-инвалиды при достижении совершеннолетия стали об-

ращаться в суд с целью привлечения виновных медицинских работников и медицинских организаций к ответственности за их рождение, поскольку ценность своей жизни они считают сомнительной. В 2021 г. суд в Великобритании удовлетворил требования 20-летней англичанки о привлечении врача к гражданской ответственности за ее рождение, поскольку он допустил врачебную халатность. А именно: не настоял на прерывании беременности, хотя знал, что диагноз – расщепление позвоночника – несовместим с полноценной жизнью и является инвалидизирующим [10].

Подобные иски были удовлетворены в Германии, Австралии, США [11]. В четырех штатах США – Вашингтоне, Калифорнии, Мэне, Нью-Джерси – Верховные суды в различные годы удовлетворили иски «о неправильной жизни», согласно которым человек, родившийся с тяжелой формой инвалидности, или его родители требовали возмещения экономического ущерба за лечение, уход, специфическое адаптационное обучение ребенка-инвалида с врача или медицинской организации в случаях неинформирования родителей о необходимости прерывания беременности по результатам генетического скрининга.

В России правовая дефиниция «неправильная жизнь» не введена в нормативные правовые акты, в связи с этим подобная судебная практика отсутствует. Однако медицинские организации привлекаются к гражданской ответственности за оказание некачественной медицинской помощи, повлекшей рождение ребенка с врожденной патологией. Так, в Ставропольском крае медицинская организация была признана виновной в непроведении генетического скрининга плода, что не позволило своевременно выявить его патологию и прервать беременность и привело к рождению ребенка-инвалида, инвалидность которому установлена пожизненно. Требования истицы компенсации морального вреда в сумме двух миллионов рублей суд посчитал завышенными и компенсировал только триста тысяч рублей [12].

Несмотря на то что в Германии суды защищают гражданские интересы детей-инвалидов, наследственные заболевания которых не были своевременно диагностированы врачами, а также в случаях неинформирования родителей о необходимости прерывания беременности, Конституционный суд Германии указал на то, что иски о признании «неправильной жизни» являются неконституционными, так как подразумевают, что жизнь инвалида менее ценна, чем неинвалида, что нарушает достоинство личности [13].

Рассмотренная судебная практика также указывает на необходимость определения возможного поведения врача при информировании родителей о генетической поломке у плода. Придерживаться ли врачу этического принципа недирективности или, исходя из профессиональных знаний, настаивать на прерывании беременности? Этот вопрос актуален при решении вопроса рождения детей не только с физической патологией, но и с психическими наследственными заболеваниями. Однако в последнем случае, ввиду наличия у них умственных отклонений, вряд ли эти дети будут предъявлять требования о признании их жизни «неправильной» при достижении возраста совершеннолетия, что не исключает исков к медицинской организации родителей.

Вопросы целесообразности вынашивания беременности умственно неполноценной женщиной и вынашивания ребенка, унаследовавшего психическое заболевание, этически очень сложные. Может ли психическое заболевание матери или обоих родителей являться абсолютным медицинским показанием к прерыванию беременности? По нашему мнению, принудительное искусственное прерывание беременности недопустимо в современном демократическом обществе.

Некоторые юристы указывают на необходимость законодательного закрепления прерывания беременности у женщины, признанной недееспособной по решению суда, ввиду того что ч. 2 ст. 57 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» допускает возможность стерилизации таких женщин по заявлению опекунов. При этом процессуальные сроки рассмотрения таких дел должны быть ограничены сроком производства аборта [14, с. 142].

Данное предложение считаем нецелесообразным, поскольку судопроизводство по таким делам невозможно ввиду того, что беременная женщина, лишённая дееспособности, часто не знает, что она ожидает ребенка.

Острым вопросом является правовой режим геномной информации человека. Согласно п. 3 ст. 1 Федерального закона «О государственной регистрации в Российской Федерации» генетическая информация является частью персональных данных человека [15]. С научной точки зрения генетическая информация – личная тайна, составляющая частную жизнь человека. При этом она может одновременно являться и семейной тайной, так как информация о выявлении генетической поломки, определяющей тяжелую наследственную патологию

будущего ребенка, важна и для родственников, по линии которых наследуется заболевание. Особенно это важно, если родственники находятся в репродуктивном возрасте и планируют воспроизводить потомство, что требует генетического сопровождения беременности, скрининга плода на заболевание. Но у врачей отсутствует правовой механизм доведения такой информации до заинтересованных пациентов, можно только рассчитывать на порядочность лица, прошедшего генетическое тестирование, что данную важную информацию он доведет до своих родственников. Это необходимо делать с целью исключения рождения в их семьях детей-инвалидов или детей, заболевания которых необходимо корректировать практически с момента рождения. Например, фенилкетонурия, муковисцидоз корректируются диетотерапией, обеспечивая оптимальный образ жизни людям, хотя данные заболевания являются причиной их инвалидности. Несвоевременная постановка диагноза приводит к усугублению их состояния здоровья, тяжелым отклонениям в их развитии.

В Великобритании пациент имеет право отказаться информировать родственников о выявленном у него генетическом отклонении, но если врач видит в этом необходимость, то он информирует об этом Агентство биомедицины, которое принимает меры для информирования граждан, если на это есть показания [16, с. 135].

Считаем, что такая информация заинтересованным лицам должна предоставляться обезличенно, а решение о необходимости доведения информации может осуществляться только после коллегиальной профессиональной оценки конкретного случая. Необходимость нарушения конфиденциальности информации пациента, составляющей врачебную тайну, вторжение в частную и семейную жизнь граждан могут быть обоснованы только необходимостью предотвращения серьезного вреда родственникам, планирующим деторождение. Такое решение может быть принято врачебной комиссией медицинской организации.

Иногда в результате генетического медицинского тестирования обнаруживается неожиданная личная информация, что ребенок, наследственное заболевание которого устанавливается по отцовской линии, не является биологическим ребенком мужчины. Данная проблема могла произойти как по вине матери, так и по вине медицинских работников родильного дома в результате некорыстной подмены ребенка. В этом случае требуется правовая регламентация действий врачей-генетиков. Нужно ли устанавливать генетическую связь с

матерью, должна ли такая информация обсуждаться с законными представителями ребенка? В настоящее время в таких ситуациях данная информация не предоставляется ни мужчине, ни матери, поскольку она не соответствует целям генетического тестирования.

Интересен опыт Германии в вопросах генетического установления отцовства без информирования матери. В 2011 г. Конституционный суд Германии запретил тестирование на отцовство без согласия матери в целях защиты интересов ребенка. Мужчина отдал на генетическое тестирование жевательную резинку, которую использовала его дочь, и в результате оказалось, что он не является ее биологическим родителем, что послужило основанием оспаривания отцовства в суде. Суды отклонили иск в связи с проведением экспертизы втайне от матери, с чем согласился и Конституционный суд Германии [17, с. 100].

Представляется интересным решение вопроса о раскрытии информации детям, оставшимся без попечения родителей и не знающим свое происхождение – о биологических родителях, а также детям, зачатым с помощью донора. Статья 7 Конвенция о правах ребенка устанавливает право детей, насколько это возможно, знать своих родителей [18]. Генетическое тестирование способно обеспечить данные интересы, но необходимо определить объем информации, который может быть предоставлен по такому запросу. Опыт зарубежных стран показывает возможность раскрытия персональных данных донора гамет при достижении ребенком определенного возраста: 18 лет – в Великобритании, Дании, Финляндии, Швеции; 16 лет – в Нидерландах, независимо от возраста – в Германии [19, с. 51].

Конституционный суд Российской Федерации еще в 2015 г. при рассмотрении вопроса о возможности раскрытия тайны усыновления потомкам усыновленного после его смерти и смерти усыновителей указал на отсутствие препятствия в реализации данного права, если это необходимо с целью установления этнического происхождения своих родителей, диагностики наследственных заболеваний, предотвращения близкородственных связей [20].

Таким образом российские правовые институты детства, отцовства, материнства и тайны усыновления необходимо привести в соответствие с научными достижениями геномики. При этом тайна усыновления без медицинских показаний не может быть раскрыта при жизни усыновителей без их согласия, а информация о доноре гамет может предоставляться в обезличенном

виде, в противном случае может наблюдаться дефицит данных доноров, который наблюдается в зарубежных странах, что обусловлено нежеланием большинства мужчин раскрывать свои персональные данные детям, зачатым в результате их участия в донорстве спермы, и устанавливать с ними родственные связи.

Стремительное развитие геномных исследований в США произошло на несколько десятилетий раньше, и их опыт свидетельствует о необходимости правовой защиты результатов таких исследований от работодателей, страховщиков и банкиров.

В США известны случаи генетической дискриминации на основании дискриминационных законов некоторых штатов, принятых в 1970-х гг., предписывающих генетические скрининги на серповидно-клеточную анемию афроамериканцев, имеющих популяционную генетическую предрасположенность к данному заболеванию, что привело к их дискриминации при трудоустройстве и медицинском страховании. А в 1990-е гг. работодатели и страховщики стали собирать незаконные данные о генетической предрасположенности женщин к раку груди, так как часто данное заболевание является причиной их нетрудоспособности и требует долгосрочного страхового обеспечения. Еще одним примером дискриминации по результату генетического тестирования, наблюдавшегося в США, является дискриминация по наличию генетической предрасположенности к болезни Альцгеймера [21, р. 51]. В США уже сложилась судебная практика по защите граждан от генетической дискриминации. Суды признают незаконным сбор с соискателя рабочего места информации о его заболеваниях, в том числе по результатам генетического тестирования, если он не является инвалидом и не нуждается в особых условиях работы [22].

Чтобы не допустить злоупотреблений со стороны страховых организаций, обеспечивающих медицинское страхование американцев, в 1996 г. был принят федеральный закон о переносимости и подотчетности медицинского страхования [23], который запрещает страховым организациям запрашивать генетическую информацию пациентов. В 2008 г. в США принят закон о запрете дискриминации на основе генетической информации [24], положения которого запрещают работодателю и агентствам по трудоустройству запрашивать информацию о результатах генетического тестирования работников, за исключением случаев проведения генетического мониторинга биологического воздействия токсичных веществ на рабочем месте, но только

в том случае, если он утвержден федеральным законом или законом штата на вредном производстве. При этом работодателю предоставляются результаты мониторинга только в совокупных показателях, не раскрывая личности конкретных сотрудников. Такая информация обеспечивает оценку эффективности мер защиты работников вредных производств от ядовитых веществ и дальнейшее совершенствование профилактики неблагоприятных факторов производственной среды на рабочем месте.

Следовательно, векторы развития конституционной защиты прав российских граждан в связи с развитием геномики должны быть направлены и на недопущение их дискриминации на основании генетического тестирования работодателями, страховщиками и банкирами. Внедрение периодического генетического мониторинга в России могло бы существенно упростить установление инвалидности в связи с профессиональным заболеванием работника.

Результаты

Проблемы защиты прав граждан в связи с развитием геномики весьма разносторонни и остры, затрагивают интересы различных субъектов права. Анализ рассмотренных проблем констатирует объективные сложности их правовых решений, обусловленные противоречивыми нравственно-этическими возможностями их урегулирования. Однако это не исключает, а, наоборот, детерминирует, обязанность государства проводить нормативное развитие конституционной защиты прав человека в связи с прогрессом геномики. Необходимо своевременно предупредить дискриминацию российских граждан на основании геномной информации, обеспечить уважение человеческого достоинства, охрану частной жизни, личной и семейной тайны граждан с учетом баланса интересов сторон, заинтересованных в получении генетической информации. В связи со стремительным развитием геномики государству необходимо определить пределы вмешательства в частную и личную жизнь российских граждан в соответствии с конституционными принципами разумности, справедливости и соразмерности для защиты конституционно значимой ценности – человека.

Список литературы

1. Богданова Е. Е., Малеина М. Н., Ксенофонтова Д. С. Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий // *Lex Russica (Русский закон)*. 2020. Т. 73, № 5 (162). С 129–142. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.162.5.129-142>

2. Emenda Constitucional № 85, de 26 de Fevereiro de 2015. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/Constituicao/Emendas/Emc/emc85.htm (дата обращения: 28.01.2023).
3. Federal Constitution of the Swiss Confederation of 18 April 1999 (Status as of February 12, 2017). URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Switzerland_2002?lang=en (дата обращения: 28.01.2023).
4. О массовом обследовании новорожденных детей на наследственные заболевания : приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 22.03.2006 № 185. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи пациентам с врожденными и (или) наследственными заболеваниями : приказ Министерства здравоохранения РФ от 21.04.2022 № 274н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Якушина И. И. Научное обоснование совершенствования организации и качества медицинской помощи в медико-генетических консультациях : дис. ... канд. мед. наук. М., 2016. 171 с.
7. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению : приказ Министерства здравоохранения РФ от 31.06.2020 № 803н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности : приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 03.12.2007 № 736. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Ижевская В. Л. Динамика этических установок российских медицинских генетиков // Человек. 2006. № 4. С. 78–83.
10. Иви Тумбес: «Я не должна была родиться!». URL: https://dzen.ru/media/elitsy_media/ivi-tumbes-ia-nedoljna-by-la-roditsia-61b883e3506c0d64b42997e6 (дата обращения: 28.01.2023).
11. Nguyen Thi Bao Anh, Truong Kim Phung. Wrongful Birth and Wrongful Life Action: Does Vietnamese Legal System Practice? // Journal of Asian Research. 2020. Vol. 4, iss. 3. P. 98. <https://doi.org/10.22158/jar.v4n3p98>
12. Определение Ставропольского краевого суда от 20 ноября 2018 г. по делу № 33-8852/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Неправильная жизнь. URL: https://ru.zahn-info-portal.de/wiki/Wrongful_life (дата обращения: 28.01.2023).
14. Мохов А. А. Производство по делам об искусственном прерывании беременности у совершеннолетней, признанной в установленном порядке недееспособной // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 5. С. 139–143.
15. О государственной геномной регистрации в Российской Федерации : федер. закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 49, ст. 5740.
16. Машкова К. В., Широков А. Ю. Становление правового статуса прикладных геномных исследований через формирование саморегулируемых профессиональных ассоциаций // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 10. С. 132–140. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.119.10.132-140>
17. Романовский Г. Б. Правовое регулирование генетических исследований в России и за рубежом // Lex Russica. 2016. № 7 (116). С. 93–102. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.116.7.093-102>
18. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 28.01.2023).
19. Швердина Е. В. Установление отцовства при применении искусственных методов репродукции человека // Вестник магистратуры. 2021. № 6–1 (117). С. 50–52.
20. По делу проверки конституционности положений ст. 139 Семейного кодекса РФ и ст. 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г. Ф. Грубич и Т. Г. Гушеной : постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 № 15-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 26, ст. 3944.
21. Tauer C. A. Genetic Testing and discrimination // Health Progress. 2001. Vol. 82, iss. 2. P. 48–53. <https://doi.org/10.1023/A:1005662822136>
22. Court Grants Judgment In Favor Of EEOC in Disability and Genetic Discrimination Case (June 13, 2016). URL: <https://www.natlawreview.com/article/court-grants-judgment-favor-eecoc-disability-and-genetic-discrimination-case> (дата обращения: 28.01.2023).
23. The Health Insurance Portability and Accountability Act of 1996 (HIPAA). URL: <https://www.cdc.gov/phlp/publications/topic/hipaa.html> (дата обращения: 28.01.2023).
24. Genetic Information Nondiscrimination Act of 2008. URL: <https://www.eeoc.gov/statutes/genetic-information-nondiscrimination-act-2008> (дата обращения: 28.01.2023).

References

1. Bogdanova E. E., Maleina M. N., Ksenofontova D. S. Certain problems of citizens' rights protection when using genomic technologies. *Lex Russica*, 2020, vol. 73, iss. 5, pp. 129–142 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.162.5.129-142>
2. Emenda Constitucional № 85, de 26 de Fevereiro de 2015. Available at: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/Constituicao/Emendas/Emc/emc85.htm (accessed January 28, 2023) (in Portuguese).
3. Federal Constitution of the Swiss Confederation of 18 April 1999 (Status as of February 12, 2017). Available at: https://www.constituteproject.org/constitution/Switzerland_2002?lang=en (accessed January 28, 2023).
4. On the mass examination of newborn children for hereditary diseases. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation no. 185 of March 22, 2006. ATP «Consultant» [electronic resource] (in Russian).

5. On approval of the Procedure for Providing medical care to patients with congenital and (or) hereditary diseases. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation no. 274n of April 21, 2022. ATP «Consultant» [electronic resource] (in Russian).
6. Yakushina I. I. *Scientific justification for improving the organization and quality of medical care in medical and genetic consultations*. Diss. Cand. Sci. (Med.). Moscow, 2016. 171 p. (in Russian).
7. On the procedure for the use of assisted reproductive technologies, contraindications and restrictions on their use. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation no. 803n of June 31, 2020. ATP «Consultant» [electronic resource] (in Russian).
8. On approval of the list of medical indications for artificial termination of pregnancy. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation no. 736 of December 3, 2007. ATP «Consultant» [electronic resource] (in Russian).
9. Izhevskaya V. L. Dynamics of ethical attitudes of Russian medical geneticists. *Chelovek* [Human], 2006, no. 4, pp. 78–83 (in Russian).
10. Ivi Tumbes: “Ya ne dolzhna byla rodit’sya!” (Evie Tumbes: “I shouldn’t have been born!”). Available at: https://dzen.ru/media/elitsy_media/ivi-tumbes-ia-ne-doljna-by-la-roditsia-61b883e3506c0d64b42997e6 (accessed January 28, 2022) (in Russian).
11. Nguyen Thi Bao Anh, Truong Kim Phung. Wrongful Birth and Wrongful Life Action: Does Vietnamese Legal System Practice? *Journal of Asian Research*, 2020, vol. 4, iss. 3, pp. 98. <https://doi.org/10.22158/jar.v4n3p98>
12. Definition of the Stavropol Regional Court of November 20, 2018 in case no. 33-8852/2018. ATP «Consultant» [electronic resource] (in Russian).
13. *Nepravil’naya zhizn’* (Wrongful life). Available at: https://ru.zahn-info-portal.de/wiki/Wrongful_life (accessed January 28, 2023) (in Russian).
14. Mokhov A. A. Proceedings of the artificial interruption of pregnancy in an adult, recognized in the established procedure incapacitated. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2016, no. 5, pp. 139–143 (in Russian).
15. On the state genomic registration in the Russian Federation. Federal Law 242-FZ of December 3, 2008. *Sobranie zakonodatel’sтва RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2008, no. 49, art. 5740 (in Russian).
16. Mashkova K. V., Shirokov A. Yu. The formation of the legal status of applied genomic research through the formation of self-regulatory professional associations. *Actual Problems of Russian Law*, 2020, vol. 15, iss. 10, pp. 132–140 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.119.10.132-140>
17. Romanovsky G. B. Legal regulation of genetic research in Russia and abroad. *Lex Russica*, 2016, vol. 116, no. 7, pp. 93–102 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.116.7.093-102>
18. *Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on November 20, 1989)*. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (accessed January 28, 2023) (in Russian).
19. Sheverdina E. V. Establishing paternity when using artificial methods of human reproduction. *Vestnik magistratury* [Bulletin of Magistracy], 2021, no. 6–1 (117), pp. 50–52 (in Russian).
20. In the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 139 of the Family Code of the Russian Federation and Article 47 of the Federal Law “On Acts of Civil Status” in connection with the complaint of citizens G. F. Grubich and T. G. Gushchena. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 15-P of June 16, 2015. *Sobranie zakonodatel’sтва RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2015, no. 26, art. 3944 (in Russian).
21. Tauer C. A. Genetic Testing and discrimination. *Health Progress*, 2001, vol. 82, iss. 2, pp. 48–53. <https://doi.org/10.1023/A:1005662822136>
22. *Court Grants Judgment in Favor of EEOC in Disability and Genetic Discrimination Case (June 13, 2016)*. Available at: <https://www.natlawreview.com/article/court-grants-judgment-favor-eeoc-disability-and-genetic-discrimination-case> (accessed January 28, 2023).
23. *The Health Insurance Portability and Accountability Act of 1996 (HIPAA)*. Available at: <https://www.cdc.gov/php/publications/topic/hipaa.html> (accessed January 28, 2023).
24. *Genetic Information Nondiscrimination Act of 2008*. Available at: <https://www.eeoc.gov/statutes/genetic-information-nondiscrimination-act-2008> (accessed January 28, 2023).

Поступила в редакцию 29.01.2023; одобрена после рецензирования 10.02.2023; принята к публикации 15.02.2023
The article was submitted 29.01.2023; approved after reviewing 10.02.2023; accepted for publication 15.02.2023

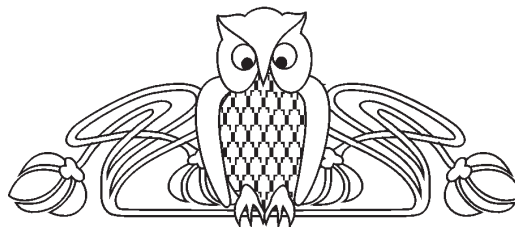

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 235–242
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 235–242
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-235-242>, EDN: UELZJC

Научная статья
УДК 342.843

Проблемы и перспективы развития правового статуса наблюдателей на выборах в Российской Федерации

Д. А. Кондращенко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кондращенко Дарья Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, dariakr2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6478-839X>

Аннотация. Введение. Функционирование наблюдателей на выборах в Российской Федерации непосредственно связано с обеспечением и реализацией гласности в деятельности избирательных комиссий. Исследование особенностей правового статуса наблюдателей является одной из наиболее популярных электоральных тем в современной научной среде, актуальность чего объективно обусловлена значимостью функционирования вышеназванных участников избирательного процесса. **Теоретический анализ.** Действующее избирательное законодательство закрепляет исчерпывающее определение понятия «наблюдатель», в котором справедливо акцентируется внимание на основаниях получения соответствующего статуса, а также подчеркивается значимость функционирования наблюдателей на отдельных стадиях избирательного процесса. **Эмпирический анализ.** Правовой статус наблюдателей детально регламентирован избирательным законодательством Российской Федерации, однако основное внимание уделяется их правам, в то время как обязанности указанных участников избирательных правоотношений закреплены фрагментарно. **Результаты.** Автором выявлены практические проблемы деятельности наблюдателей на выборах в Российской Федерации (приоритет политических установок в деятельности наблюдателей; низкий уровень их правовой культуры и электоральной грамотности; распространение противоправного поведения среди наблюдателей), развитию которых способствует в том числе существенное преобладание правомочий в статусе указанных лиц. На основе проведенного анализа отмечается необходимость систематизации существующих норм и восполнение имеющихся правовых пробелов, в связи с чем сформулированы предложения по регламентации обязанностей наблюдателей в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Ключевые слова: выборы, наблюдатели, правовой статус наблюдателей, избирательное законодательство, избирательный процесс

Для цитирования: Кондращенко Д. А. Проблемы и перспективы развития правового статуса наблюдателей на выборах в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 235–242. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-235-242>, EDN: UELZJC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Problems and prospects for the development of the legal status of election observers in the Russian Federation

D. A. Kondrashchenko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Daria A. Kondrashchenko, dariakr2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6478-839X>

Abstract. Introduction. The functioning of election observers in the Russian Federation is directly related to ensuring and implementing publicity in the activities of election commissions. The study of the features of the legal status of observers is one of the most popular electoral topics in the modern scientific community, the relevance of which is objectively due to the significance of the functioning of the above-mentioned participants in the electoral process. **Theoretical analysis.** The current electoral legislation establishes an exhaustive definition of the term of “observer”, which rightly focuses on the grounds for obtaining the appropriate status, and also emphasizes the importance of the functioning of observers at certain stages of the electoral process. **Empirical analysis.** The legal status of observers is regulated in detail by the electoral legislation of the Russian Federation, however, the main attention is paid to their rights, while the obligations of these participants in electoral legal relations are fixed fragmentarily. **Results.** The author identified practical problems in the activity of election observers in the Russian Federation (the priority of political attitudes in the activity of observers; the low level of legal culture and electoral literacy of observers; the spread of illegal behavior among observers), the development of which is facilitated, among other things, by the significant predominance of

powers in the status of these persons. Based on the analysis, it is noted that there is a need to systematize existing norms and fill in existing legal gaps, in connection with which proposals are formulated to regulate the duties of observers in the Federal Law "On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in the referendum of the citizens of the Russian Federation".

Keywords: elections, observers, legal status of observers, electoral legislation, electoral process

For citation: Kondrashchenko D. A. Problems and prospects for the development of the legal status of election observers in the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 235–242 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-235-242>, EDN: UELZJC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Российское избирательное право и процесс уделяет весьма пристальное внимание вопросам обеспечения гласности, поскольку доверие к институту выборов во многом зависит от доступности информации об организации и проведении соответствующих демократических процедур. В данном контексте особое значение приобретает функционирование наблюдателей, которое непосредственно связано с обеспечением и реализацией гласности в деятельности избирательных комиссий.

Исследование особенностей правового статуса наблюдателей является одной из наиболее популярных электоральных тем в современной научной среде, актуальность чего объективно обусловлена значимостью функционирования вышеназванных участников избирательного процесса. Кроме того, весьма детально деятельность наблюдателей анализируется в рамках исследований по проблемам общественного контроля за подготовкой и проведением выборов в Российской Федерации. Так, по мнению Е. В. Бердниковой, институт наблюдения выступает особой институциональной формой общественного контроля, реализуемого в избирательном процессе [1, с. 39].

Практический интерес заявленная проблематика представляет в контексте существенного расширения масштабов наблюдения на выборах в Российской Федерации, проводимых в последние годы, что связано не только с расширением круга субъектов общественного контроля в данной сфере, но и с серьезным повышением интереса гражданского общества к проблемам распространения противоправного поведения в электоральных отношениях. По данным региональных избиркомов, на избирательных участках, в ТИКах и ОИКах в дни голосования (9–11 сентября 2022 г.) присутствовали более 125,2 тыс. наблюдателей. Политическими партиями и общественными объединениями были назначены 49 774 наблюдателя, кандидатами – 36 372 и региональными общественными палатами – 39 096 наблюдателей [2]. В рамках представленного исследования видится необходимым сконцентрировать внимание

на анализе современного состояния правового статуса наблюдателей на выборах в Российской Федерации, выявлении существующих проблем его реализации, а также определении способов их решения и дальнейших перспектив развития института наблюдателей в целом.

Теоретический анализ

Важно отметить, что действующее избирательное законодательство закрепляет исчерпывающее определение понятия «наблюдатель». Так, согласно п. 42 ст. 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», наблюдатель – это «гражданин Российской Федерации, уполномоченный осуществлять наблюдение за проведением голосования, подсчетом голосов и иной деятельностью комиссии в период проведения голосования, установления его итогов, определения результатов выборов, референдума, включая деятельность комиссии по проверке правильности установления итогов голосования и определения результатов выборов, референдума» [3]. Указанное определение акцентирует внимание на основаниях получения статуса наблюдателя, а также справедливо подчеркивает значимость его функционирования на отдельных стадиях избирательного процесса.

Исходя из определения, сформулированного в российском избирательном законодательстве, принципиальное значение для правового статуса имеет наличие или отсутствие оснований его получения. В первую очередь таковым выступает гражданство Российской Федерации. В отношении наблюдателей также действуют общие для избирательного права и процесса ограничения, а следовательно, наблюдателем не может быть гражданин младше 18-летнего возраста, недееспособное лицо, а также лицо, находящееся в местах лишения свободы по приговору суда. Кроме того, наблюдателями не могут быть назначены выборные должностные лица, депутаты, высшие должностные лица субъектов Российской Федерации, главы местных администраций, лица, находящиеся в непосредственном подчи-

нении этих должностных лиц, судьи, прокуроры, члены комиссий с правом решающего голоса, за исключением членов комиссий, полномочия которых были приостановлены в соответствии с требованиями действующего избирательного законодательства [3].

В российском законодательстве справедливо акцентируется внимание на зависимости статуса наблюдателя от его назначения отдельными участниками избирательного процесса в целях осуществления наблюдения. К таковым относятся: зарегистрированный кандидат; избирательное объединение, выдвинувшее зарегистрированного кандидата, зарегистрированных кандидатов; избирательное объединение, зарегистрировавшее список кандидатов. Однако указанный перечень лиц и объединений, имеющих право назначить наблюдателя, не является исчерпывающим. Законом может быть предусмотрена возможность назначения наблюдателей иными общественными объединениями. Также п. 4 ст. 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» закрепляет право назначения наблюдателей за отдельными субъектами общественного контроля – Общественной палатой Российской Федерации и общественными палатами субъектов Федерации.

Важно отметить, что на выборах в Российской Федерации распространяется практика функционирования иностранных (международных) наблюдателей, чей правовой статус совершенно справедливо обладает определенной спецификой. Безусловно, указанные лица являются иностранными гражданами, однако для них также закрепляется обязательность наделения соответствующими правами наблюдения со стороны иностранной или международной организации и удостоверение их статуса. Процессуально данная процедура несколько сложнее, чем в случае с национальными наблюдателями, что объективно обусловлено необходимостью учета международно-правовых основ в этой сфере. Данные участники избирательного процесса получают разрешение на въезд в Российскую Федерацию в порядке, установленном российским законодательством, и при наличии приглашения органов государственной власти, комиссий, организующих выборы, аккредитуются Центральной избирательной комиссией Российской Федерации.

Эмпирический анализ

Правовой статус наблюдателей детально регламентирован избирательным законодательством Российской Федерации. Согласно п. 9

ст. 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» наблюдатели вправе:

- знакомиться со списками избирателей, в том числе составленными в электронном виде, реестром выдачи открепительных удостоверений, находящимися в комиссии открепительными удостоверениями, реестром заявлений (обращений) о голосовании вне помещения для голосования;

- находиться в помещении для голосования соответствующего избирательного участка в день голосования, а также в дни досрочного голосования в любое время;

- наблюдать за выдачей бюллетеней избирателям;

- присутствовать при голосовании избирателей, в том числе вне помещения для голосования;

- наблюдать за подсчетом числа граждан, внесенных в списки избирателей, бюллетеней, выданных избирателям, погашенных бюллетеней;

- наблюдать за подсчетом голосов избирателей на избирательном участке на расстоянии и в условиях, обеспечивающих им обзорность содержащихся в бюллетенях отметок избирателей;

- знакомиться с любым заполненным или незаполненным бюллетенем при подсчете голосов избирателей;

- наблюдать за составлением комиссией протокола об итогах голосования и иных документов;

- обращаться к председателю участковой комиссии, а в случае его отсутствия к лицу, его замещающему, с предложениями и замечаниями по вопросам организации голосования;

- знакомиться с протоколами соответствующей комиссии, нижестоящих комиссий об итогах голосования, о результатах выборов и приложенными к ним документами, получать от соответствующей комиссии заверенные копии указанных протоколов;

- носить нагрудный знак с обозначением своего статуса и указанием своих фамилии, имени и отчества, а также фамилии, имени и отчества зарегистрированного кандидата или наименования избирательного объединения, общественного объединения, субъекта общественного контроля, направивших наблюдателя в комиссию;

- обжаловать в законно установленном порядке действия (бездействия) комиссии в вышестоящую комиссию, избирательную комиссию субъекта Российской Федерации, Центральную избирательную комиссию Российской Федерации или в суд;

– присутствовать при повторном подсчете голосов избирателей в соответствующих комиссиях;

– производить в помещении для голосования (с того места, которое определено председателем участковой комиссии) фото- и (или) видеосъемку, предварительно уведомив об этом председателя, заместителя председателя или секретаря участковой комиссии [3].

Таким образом, вышеназванные участники избирательного процесса наделены весьма обширными правами, что объективно обусловлено целями их деятельности на различных стадиях электоральной кампании. Их деятельность обусловлена, в первую очередь, необходимостью наблюдения за организацией и проведением выборов в соответствии с требованиями законодательства, предъявляемыми к отдельным процессуальным аспектам. Деятельность наблюдателей направлена на обеспечение и защиту прав и законных интересов целого ряда участников избирательного процесса, начиная от кандидатов и избирательных объединений и заканчивая избирателями.

Важно отметить, что действующее избирательное законодательство детально не регламентирует обязанности наблюдателей, однако запреты для поведения вышеназванных участников электорального процесса все же закреплены. Так, наблюдатели не вправе:

- выдавать избирателям бюллетени;
- расписываться за избирателя, в том числе по его просьбе, в получении бюллетеней;
- заполнять за избирателя, в том числе по его просьбе, бюллетени;
- предпринимать действия, нарушающие тайну голосования;
- принимать непосредственное участие в проводимом членами комиссии с правом решающего голоса подсчете бюллетеней;
- совершать действия, препятствующие работе комиссии;
- проводить агитацию среди избирателей;
- участвовать в принятии решений соответствующей комиссией [3].

Отдельные процессуальные обязанности наблюдателей имеют фрагментарную законодательную регламентацию. В данном случае особое внимание следует уделить процедуре допуска наблюдателя на избирательный участок, согласно которой наблюдатель для подтверждения своих полномочий обязан предоставить в соответствующую комиссию, где предполагается его деятельность, не только документ, удостоверяющий его личность, но и специальное направление в письменной форме, выданное лицом, которое

направляет соответствующего наблюдателя. В данном направлении указываются фамилия, имя и отчество наблюдателя, адрес его места жительства, номер избирательного участка, наименование комиссии, куда наблюдатель направляется, а также делается запись об отсутствии ограничений. В современной правовой литературе отмечается угроза подделки вышеназванных направлений из-за простоты их составления и отсутствия дополнительных процедур защиты, поскольку направления от зарегистрированных кандидатов или их доверенных лиц не должны даже подтверждаться какой-либо печатью, в связи с чем предлагается установить дополнительные требования к направлению по наличию средств защиты [4, с. 47]. Подобные предложения видятся излишними, что в целом безосновательно усложнит процедуру назначения и допуска наблюдателей на избирательный участок. Кроме того, в настоящее время субъекты, назначающие наблюдателей, предоставляют их списки в соответствующие территориальные комиссии, следовательно, определенные механизмы проверки допуска наблюдателей законодательно регламентированы и видятся действенными в настоящее время.

Важно отметить, что институт наблюдения имеет важное значение в условиях реформирования избирательного процесса в Российской Федерации. Так, при проведении многодневного голосования в последние несколько лет деятельность наблюдателей осуществляется на протяжении всех дней голосования, что имеет особую практическую значимость в контексте увеличения нагрузки на членов участковых избирательных комиссий и необходимости исключения распространения противоправного поведения вне зависимости от сроков голосования. Активность наблюдателей на последних выборах одинаково демонстрируется на протяжении всех трех дней голосования.

Кроме того, перспективным видится развитие института наблюдения в условиях внедрения дистанционного электронного голосования. Так, на последних выборах в 2022 г. дистанционное электронное голосование применялось уже не в экспериментальном формате, а полноценно в рамках отдельных электоральных кампаний в семи регионах России. Безусловно, использование технологий удаленного голосования существенно видоизменяет процесс наблюдения за выборами. Специфика формы голосования требует подготовки наблюдателей со знаниями в сфере IT-технологий, криптографии и статистики, в связи с чем в регионах, где применялось удаленное голосование, проводилось

специализированное обучение наблюдателей, что позволило им в дальнейшем осуществить эффективное наблюдение в дни голосования. В данном контексте видится справедливым дальнейшее совершенствование правового статуса наблюдателей и практики их функционирования с учетом специфики организации и проведения дистанционного электронного голосования.

Результаты

Анализ современного состояния правового статуса наблюдателей на выборах в Российской Федерации позволяет сделать вывод о существенном преобладании правомочий указанных лиц, что в целом способно негативно влиять на развитие электоральной практики по причине распространения противоправного поведения среди наблюдателей. С одной стороны, обширный перечень прав наблюдателей и пристальное внимание общественности к их деятельности порождает злоупотребление указанными участниками избирательного процесса своими правами для привлечения внимания СМИ и прочих субъектов, освещающих электоральные кампании, с другой – противоправное поведение наблюдателей порождает существенные риски нарушения прав и свобод иных участников избирательного процесса.

В рамках представленного исследования видится необходимым выделить следующие проблемы деятельности наблюдателей на выборах в Российской Федерации.

1. Приоритет политических установок в деятельности наблюдателей. Данная проблема особенно актуальна для наблюдателей, которые назначаются зарегистрированными кандидатами и избирательными объединениями, поскольку они акцентируют внимание наблюдателей на конкретных политических задачах их деятельности. Все это приводит к тому, что целью наблюдателя становится не обеспечение и реализация прав и свобод участников избирательного процесса в целом, а контроль конкретных процедур в ходе голосования и при подсчете голосов. Так, например, на практике достаточно часто встречаются ситуации, когда наблюдатели существенно злоупотребляют своим правом знакомиться со списками избирателей. При ознакомлении со списками избирателей наблюдателю они не передаются, поскольку члены участковой избирательной комиссии (далее – УИК) отвечают за сохранность данной избирательной документации. Как правило, при изъявлении желания в таком ознакомлении председатель УИК пролистывает списки избирателей. Однако процедура в таком формате крайне не устраивает

наблюдателей, основная цель которых в данном случае – подсчет проголосовавших избирателей и соотнесение данных с явкой на УИК для дальнейшего сообщения направившему их участнику электоральной кампании.

В электоральной практике высказывается мнение о необходимости исключения кандидатов и избирательных объединений из перечня лиц, которые могут назначать наблюдателей, однако в рамках представленного исследования подобные предложения видятся чрезмерными. В данном контексте речь идет о существенном ограничении прав и законных интересов выше-названных участников избирательного процесса, что совершенно недопустимо. Решением выше-названной проблемы видится тесное взаимодействие избирательных комиссий с кандидатами и избирательными объединениями непосредственно в процессе назначения наблюдателей, а также необходимость разъяснения политическим партиям целей и задач функционирования наблюдателей на избирательных участках. Кроме того, в случаях масштабного распространения злоупотреблений правами среди наблюдателей от конкретных избирательных объединений и кандидатов видится необходимым выносить предупреждения непосредственно лицам, направившим соответствующих наблюдателей на избирательные участки.

Кроме того, весьма перспективным видится расширение практики привлечения наблюдателей от Общественной палаты РФ и общественных палат субъектов РФ. Указанные наблюдатели не ориентированы на какие-либо политические интересы, в связи с чем более профессионально осуществляют возложенные на них полномочия общественного наблюдения за проведением выборов.

Учитывая динамику совершенствования электоральной практики в последние годы, к настоящему времени созрела необходимость расширения круга лиц, которые могут назначать наблюдателей на выборах в Российской Федерации. В данном контексте видятся справедливыми предложения о наделении соответствующим правом уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации, а также представителей Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека [5].

2. Низкий уровень правовой культуры и электоральной грамотности наблюдателей. Действующее избирательное законодательство не предусматривает обязательного обучения наблюдателей, что приводит на практике к отсутствию у них необходимых знаний, в том числе

в части современного состояния избирательного законодательства. Обучение наблюдателей, как правило, проводится лицами или объединениями, которые их назначают, однако формат и содержание такого обучения качественно отличается. Так, например, избирательные объединения достаточно часто непосредственно в процессе подобного обучения чрезмерно акцентируют внимание на совершении определенных процессуальных действий в целях достижения конкретных политических результатов. Кроме того, встречаются ситуации обучения наблюдателей по устаревшим материалам, что приводит к деятельности указанных участников без учета требований действующего законодательства. Игнорируя права и законные интересы иных лиц, наблюдатели порой фанатично осуществляют свои общественно значимые функции, что в итоге приводит к возникновению конфликтных ситуаций на избирательных участках, которые негативно влияют на восприятие института выборов со стороны населения.

Решением вышеназванной проблемы видится закрепление в федеральном законодательстве перечня обязанностей наблюдателя, в котором важное место занимает прохождение специального обучения. Эффективность наблюдения на выборах во многом зависит от понимания электоральной деятельности и знаний в сфере избирательного права и процесса, поскольку данное направление жизнедеятельности общества и государства детально регламентируется законодательством. Также важно отметить, что избирательное законодательство Российской Федерации – одно из наиболее динамично развивающихся, и практически к каждой электоральной кампании в него вносятся существенные изменения. Отсутствие необходимых знаний и навыков у наблюдателей не только негативно отражается на их функционировании, но и порождает нарушения указанными участниками избирательного процесса отдельных законодательно установленных требований.

В рамках представленного исследования в качестве наиболее перспективной модели обучения наблюдателей видится выстраивание соответствующей системы обучения в рамках деятельности избирательных комиссий субъектов Российской Федерации. Во-первых, указанные комиссии обладают необходимой информацией о современном состоянии нормативной базы в электоральной сфере. Во-вторых, важное практическое значение имеет возможность организации обучения с учетом существующей электоральной практики. В данном случае прохождение соответствующего обучения будет выступать

обязательным условием допуска наблюдателя на избирательный участок, в связи с чем видится необходимым выдавать документ о его прохождении по итогу. Кроме того, отнесение обучения наблюдателей к компетенции избирательных комиссий субъектов РФ позволит сформировать ответственное отношение лиц, назначающих наблюдателей на выборы в Российской Федерации, к подбору соответствующих участников электоральных правоотношений.

3. Распространение противоправного поведения среди наблюдателей на выборах в Российской Федерации. Несмотря на то что действующим законодательством предусмотрена возможность привлечения к административной и уголовной ответственности наблюдателей, на практике подобные ситуации встречаются крайне редко. С одной стороны, данная тенденция связана с отсутствием необходимых знаний и навыков у членов участковых избирательных комиссий в правовой сфере, с другой стороны – опытные наблюдатели допускают противоправное поведение с учетом неготовности членов комиссий разрешать возникающие ситуации в рамках правового поля. В данном аспекте принципиальное значение имеют существенная загруженность членов УИК в день голосования и отсутствие реальных возможностей своевременно реагировать на поведение наблюдателей в законодательно допустимых формах.

Несмотря на то что в помещении для голосования осуществляется дежурство сотрудников полиции в целях обеспечения общественной безопасности и правопорядка, указанные лица в рамках избирательного процесса не наделены полномочиями пресечения противоправного поведения наблюдателей. Так, например, наблюдателя могут сопровождать в полицейский участок для установления личности, но это, как правило, происходит в ситуациях, когда данные лица не имеют при себе документов, удостоверяющих личность, или возникают проблемы с идентификацией их личности в соответствии с направлением от партии или иного объединения, которое наделено правом назначения наблюдателей на выборах. Подобное процессуальное действие никак не связано с возможностями пресечения противоправного поведения наблюдателей.

Наиболее действенным методом пресечения противоправной деятельности наблюдателей представляется удаление его с избирательного участка. Важно отметить, что указанная процедура осуществляется через суд. На основании ч. 5 ст. 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации избирательная комиссия вправе обратиться в суд по месту

нахождения участковой комиссии с административным иском заявлением об удалении наблюдателя из помещения для голосования [6]. Несмотря на наличие соответствующих правовых и процессуальных оснований, реализация указанной процедуры имеет целый ряд сложностей.

Во-первых, противоправное поведение наблюдателей, как правило, распространено в день голосования. Даже при учете многодневного голосования, которое проводится в последние несколько лет в Российской Федерации, данный процесс все равно имеет весьма сжатые сроки, а обращение в суд требует существенных временных затрат, несмотря на функционирование судебных органов практически в круглосуточном режиме в дни голосования.

Во-вторых, в участковых избирательных комиссиях, как правило, отсутствуют лица с юридическим образованием, что значительно затрудняет составление документов, необходимых для обращения в суд с административным иском заявлением. Полномочия по соответствующему обращению возлагаются на председателя УИК, однако в случае его участия в судебном разбирательстве указанному лицу на достаточно длительный срок придется покинуть избирательный участок, что в итоге может привести к нарушению стабильности его функционирования.

В-третьих, определенное влияние на рассмотрение подобных административных исковых заявлений оказывает и опыт судьи, к полномочиям которого относятся соответствующие дела. В случае если судья ранее не привлекался к подобной деятельности, ему понадобится достаточно длительное время для изучения и анализа материалов дела и вынесения решения, что также может способствовать распространению противоправного поведения наблюдателя в это время.

В настоящее время инициирование сбора и подачи административного искового заявления в суд используется опытными председателями УИК как средство воздействия на противоправное поведение наблюдателей. Поскольку составлению искового заявления предшествует публичное вынесение предупреждений лицу, допускающему соответствующие противоправные деяния, на момент вынесения повторных предупреждений наблюдатель может прекратить подобное поведение, в связи с чем подача иска теряет свою актуальность.

Для решения вышеназванных сложностей, связанных с удалением наблюдателей с избирательных участков, в качестве рекомендации предлагается при формировании участковых

избирательных комиссий использовать возможность включения в их состав лиц с юридическим образованием, что в дальнейшем позволит не отвлекать председателя УИК от его основной деятельности, а процедуру удаления наблюдателя организовать и осуществить соответствующим компетентным членом УИК. Подобная практика положительно отразится на стабильности функционирования участковых избирательных комиссий и позволит своевременно пресекать противоправное поведение со стороны не только наблюдателей, но и иных участников избирательного процесса.

Таким образом, российский законодатель установил широкий круг правомочий наблюдателей, который не ограничивается только лишь присутствием и наблюдением за ходом голосования и подсчетом голосов, но и включает в себя право на ознакомление с документами избирательной комиссии, право на подачу предложений и замечаний, а также право на обжалование действий избирательной комиссии. На практике это зачастую приводит к тому, что наблюдатель становится центральной фигурой на избирательном участке, и если перед ним была поставлена задача нарушить работу избирательной комиссии, то широкий круг прав, предусмотренный законодателем, становится нормативным основанием для срыва процесса голосования или установления комиссией итогов голосования. В данном контексте видится необходимым законодательно закрепить не только права, но и обязанности наблюдателей, среди которых отметить соответствие их деятельности требованиям действующего законодательства в избирательной сфере, осуществление наблюдения в целях содействия охране прав и законных интересов участников избирательного процесса, прохождение специального обучения для получения соответствующего статуса, совершение законодательно установленных процедур получения направления и допуска на избирательный участок и др.

Кроме того, к настоящему моменту назрела необходимость систематизации нормативных положений о деятельности наблюдателей на выборах в Российской Федерации. В данном контексте видится целесообразным регламентировать деятельность указанных участников избирательного процесса в рамках отдельной статьи Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Учитывая, что в настоящее время активно ведутся дискуссии по поводу кодификации избирательного законодательства, что представляется

весьма оправданным и своевременным, в дальнейшем при принятии Избирательного кодекса Российской Федерации видится необходимым сформулировать отдельный раздел, регламентирующий особенности назначения и функционирования наблюдателей в избирательном процессе Российской Федерации.

Список литературы

1. Бердникова Е. В. Общественный контроль в конституционно-правовом взаимодействии публичной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2022. 52 с.
2. Памфилова сообщила об удалении с избирательных участков пяти наблюдателей. URL: <https://www.interfax.ru/russia/861690> (дата обращения: 15.01.2023).
3. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24, ст. 2253 ; 2023. № 1 (ч. I), ст. 16.
4. Чепкасов Р. А. Наблюдатель на выборах как институт общественного контроля за избирательным процессом // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 8А. С. 44–52. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.59.84.005>
5. Доклад Ассоциации «Независимый общественный мониторинг» «Единый день голосования 2022 года: итоги избирательных кампаний и развитие системы общественного контроля». URL: <https://nom24.ru/upload/iblock/f31/f31d82aaa71d9986a9e4d9dc1a48dd36.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).
6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10, ст. 1391 ; Рос. газ. 2023. № 38.

References

1. Berdnikova E. V. *Public control in the constitutional and legal interaction between public authorities and civil society institutions in the Russian Federation*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Jur.). Saratov, 2022. 52 p. (in Russian).
2. *Pamfilova soobshchila ob udalenii s izbiratel'nykh uchastkov piati nabludatelei* (Pamfilova announced the removal of five observers from polling stations). Available at: <https://www.interfax.ru/russia/861690> (accessed January 15, 2023) (in Russian).
3. On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in the referendum of the citizens of the Russian Federation. Federal Law 67-FZ of June 12, 2002 (an edition of December 28, 2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 24, art. 2253; 2023, no. 1 (pt. 1), art. 16 (in Russian).
4. Chepkasov R. A. Election observer as an institution of public control over the electoral process. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 2022, vol. 12, iss. 8A, pp. 44–52 (in Russian). <https://doi.org/10.34670/AR.2022.59.84.005>
5. *Doklad Assotsiatsii «Nezavisimyi obshchestvennyi monitoring» «Edinyi den' golosovaniia 2022 goda: itogi izbiratel'nykh kampanii i razvitie sistemy obshchestvennogo kontroliia*» (Report of the Association "Independent Public Monitoring" "Single Voting Day 2022: results of election campaigns and the development of a system of public control"). Available at: <https://nom24.ru/upload/iblock/f31/f31d82aaa71d9986a9e4d9dc1a48dd36.pdf> (accessed January 15, 2023) (in Russian).
6. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation 21-FZ of March 8, 2015 (an edition of February 17, 2023). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2015, no. 10, art. 1391; *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2023, no. 38 (in Russian).

Поступила в редакцию 22.01.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2023; принята к публикации 15.02.2023
The article was submitted 22.01.2023; approved after reviewing 12.02.2023; accepted for publication 15.02.2023

ISSN 1994-2540

23002

9 771994 254007

ISSN 1994-2540 (Print). ISSN 2542-1956 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Том 23, выпуск 2

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

- Серия: Акмеология образования. Психология развития
- Серия: История. Международные отношения
- Серия: Математика. Механика. Информатика
- Серия: Науки о Земле
- Серия: Социология. Политология
- Серия: Физика
- Серия: Филология. Журналистика
- Серия: Философия. Психология. Педагогика
- Серия: Химия. Биология. Экология
- Серия: Экономика. Управление. Право**

